

КАПИТАН ДАНРИ

АВИАТОР
ТИХОГО
ОКЕАНА

Капитан Данри
Авиатор Тихого океана
Серия «Классика
приключенческого романа»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28326603

*Капитан Данри. Авиатор Тихого океана: Мир книги, Литература;
Москва; 2010
ISBN 978-5-486-03459-6*

Аннотация

Под псевдонимом Капитан Данри публиковал свои фантастические «военные сценарии» известный французский военный и политический деятель подполковник Эмиль Огюст Сиприен Дриан (1855–1916), герой Первой мировой войны и талантливый беллетрист. Сын нотариуса, учился в лицее в Реймсе, закончил престижное военное училище Сен-Сир, лейтенант пехоты. С 1884 г. в Африке был адъютантом генерала Буланже. Став его зятем, сделал успешную военную карьеру, дослужившись до генерала. Погиб в знаменитом сражении Первой мировой под Верденом. События романа «Авиатор Тихого океана», публикуемого в данном томе, происходят в начале XX века. Остров Мидуэй осажден японскими крейсерами. Нарушена всякая связь с материком. Американский

гарнизон находится на краю гибели. Но бесстрашный француз, чудом спасшийся с тонущего корабля, предлагает совершенно неожиданное решение.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	62
Глава 5	84
Глава 6	106
Глава 7	124
Глава 8	145
Глава 9	180
Глава 10	207
Глава 11	243
Глава 12	267
Глава 13	288
Глава 14	327
Глава 15	362
Эпилог	413

Капитан Данри

Авиатор Тихого океана

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Глава 1

Японская торпеда

– Словом, дорогой инженер, что же вы предпочитаете – аэроплан или дирижабль?

– Аэроплан, сэр Арчибальд, без сомнения, аэроплан! В нем простота, в нем скорость и за ним, следовательно, и будущность!

– Но в нем таится падение и неминуемая смерть в случае поломки мотора.

– О! Поломка мотора... Прежде всего число несчастий постепенно уменьшается. В настоящее же время моторы достигли почти такого же совершенства, как и паровые машины.

– Правда, мы видели на пробных полетах аэропланов в истекшем году, что они держались в воздухе по тридцать часов: прекрасно! Мы ушли далеко вперед от тех блужданий ошупью и опытов, которые окончились переправой Блерио через Па-де-Кале и опытом Лессепса.

– Затем, – продолжал инженер, – несчастия будут предупреждаться парашютами, моментально надувающимися баллонами, крыльями планера, – все это даст авиатору возможность отделиться от своей машины и спокойно спуститься в стороне.

И, стоя на мостике вахтенного офицера, молодой француз вытянул руки и сделал летательный жест. Веселый смех его собеседника, лейтенанта Форстера, прорезал ночную тишину.

– Тем не менее, милый Рембо, вы повезли в Мидуэй дирижабль.

– Да, за неимением лучшего. Если бы у меня была возможность построить и испытать аэроплан, набросок которого у меня в кармане, то дела вашего правительства пошли бы совсем иным путем, уверяю вас! Но это еще не ушло от нас, ибо я рассчитываю...

Неожиданное движение американского офицера, схватившего его за руку, прервало разговор.

Вытянув шею по направлению к носу пакетбота, офицер сказал:

– Вы не видели, как что-то промелькнуло?

– Судно?

– Да, там... у правого борта! Мимолетная тень, что-то очень низко над водой.

– Далеко?

– В пяти- или шестистах сотнях ярдов. В такую темную ночь очень трудно определить расстояние.

– Во время нашего разговора я парил в воздухе и не видел ничего на воде.

Опершись на бак, оба молодых человека вглядывались в темноту, и некоторое время слышалось только медленное и

правильное дыхание машин и плеск волны, разбивающейся о борт корабля.

– Судно без огней, среди Тихого океана, – бормотал инженер – это невероятно!

– Лишь бы...

– Подождите, сэръ Арчибальд, я угадал вашу мысль: лишь бы это судно не было японским!

– Вы угадали, и это можно было видеть в Порт-Артуре. Для этих проклятых япошек не существуют ни морские уставы, ни международные права. И я не могу забыть всего того, что я видел за последние недели в Сан-Франциско, не могу забыть их ненависти к нам, их, по-видимому, часто являющееся желание наложить руку на Гавайские острова еще до войны, отныне неизбежной. Эти острова служили бы для них бесподобным пунктом на полпути между двумя материками.

– Точно так же, как для вас, американцев, они представляют важнейшую точку опоры и грозное передовое укрепление – против японцев.

– Да, грозное, если бы этот Гавайский архипелаг представлял собой что-либо иное, а не японскую колонию. Но мы там буквально оттеснены этой плодovitой и трудолюбивой расой, милый Рембо! Знаете ли вы, что на одного белого там приходится шесть желтых, что сахарное производство почти всецело в их руках и что они собираются на всех наших островах в столь же замкнутые, сколько и многочисленные ассоциации! Если бы мне сказали, что они сформированы в

полки – я бы нисколько не удивился. И когда правительство придет из Токио оружие этим гадам, копошущимся в Гонолулу и на всем архипелаге, тогда они бросят нас в море, даже не предупредив нас об этом.

– Ах! Теперь и я, сэр Арчибальд, увидел там что-то, но с левого борта...

– Видите, мне не померещилось... Нужно сейчас же предупредить командира!..

Лейтенант перегнулся через бак на мостике.

– Вильсон! – позвал он.

Матрос не откликнулся.

– Командир, вероятно, в каюте? – сказал инженер.

– Да, он, должно быть, отдыхает, так как примет вахту в полночь.

– В таком случае не зовите – я иду к нему сам.

И молодой француз ловко спустился по винтовой лестнице, соединявшей палубу с мостиком вахтенного офицера, между тем как его собеседник, старший офицер на «Макензи», следил широко открытыми глазами за таинственной черной тенью, которая рисовалась в его воображении, на гребне темных волн, в виде надводных частей судна и двойных труб паровых крейсеров...

* * *

«Макензи» представлял собой красивое и большое суд-

но, совершающее правильные рейсы между Сан-Франциско и Йокогамой.

Оно не принадлежало к числу тех морских собак, с огромными, как на фабриках, машинами, доводящими скорость движения до 24–26 узлов – это был один из прочных пароходов, не загроможденных котлами и двигателями и которые могут поэтому вместить в своем обширном чреве весь сахар и сахарный песок гавайских плантаторов, ананасные консервы и груды бананов, составляющих богатство островов, а также покупаемую японскими арсеналами нарасхват сталь «общества железных изделий в Гонолулу».

Нормальная скорость судна, от 15 до 18 узлов, была еще сокращена до 11, наложенным на него обязательством не отделяться от двух больших парусных лодок, нагруженных углем и получивших приказ следовать в виду судна. Обе лодки – «Канадец» и «Бонавентура» – можно было видеть: одну на расстоянии не более полумили и вторую рядом, в струе за кормой первой, обе с зажженными огнями.

Маленькая эскадра вышла из Сан-Франциско по направлению к острову Мидуэй – самому западному из цепи островов, образующих группу Гавайских, или Сандвичевых. Еще неизвестная большинству мореплавателей, эта каменная гряда является последней в архипелаге, расположенном между 157° и 178° западной долготы и представляющем как бы ожерелье длиной в 2500 километров. Самый большой камень этого ожерелья – знаменитый вулкан Мауна-Лоа – до-

стигает 4200 метров высоты, а самый маленький – остров Мидуэй – представляет собой простой утес, выдающийся не более как на 40 метров над уровнем воды. Но этот утес Мидуэй волею Соединенных Штатов превращен в перворазрядную крепость, охраняющую самые значительные склады угля в этих местах. За последние месяцы с лихорадочной поспешностью старались вооружить эту крепость для того, чтобы в случае войны обеспечить американский флот запасами топлива в двух тысячах милях от Йокогамы.

«Макензи» не заходил в Гонолулу – главный порт архипелага – и должен был посетить его только на обратном пути для того, чтобы захватить там груз сахара. Он находился в плавании в продолжение двенадцати дней и в вышеописанный вечер был только в нескольких милях от места своего назначения.

Все три судна шли замедленным ходом для того, чтобы ориентироваться днем среди рифов, образующих у Мидуэя ряд подводных камней.

Груз на «Макензи» состоял не только из угля. В его камерах хранилось еще значительное количество ядер для шестнадцатидюймовых пушек, зарядные ящики и все принадлежности дирижабля, выпущенного три месяца тому назад из французских мастерских Муассона.

С тех пор как были сделаны опыты с аэростатами, правительство в Вашингтоне не нашло ничего лучшего, как дирижабль, для поддержания сообщения между Гонолулу, боль-

шими островами и этим незаметным утесом Мидуэя, неожиданно приобретшим такое важное значение.

Это значение еще увеличивалось прокладкой через Тихий океан кабеля. И в самом деле, здесь последний пункт, где показывается над поверхностью воды, прежде чем направиться в Азию и к Филиппинам, бесконечная проволока в восемь тысяч миль длиной, устанавливающая моментальные сношения между тремя материками.

Но этот кабель может быть перерезан, и это, несомненно, будет сделано при первом призыве к войне. Что касается беспроволочного телеграфа, то он был бы в полной зависимости от первого, пущенного из открытого моря, снаряда, который разрушил бы его мачты. Для дирижабля, наоборот, бомбардировка совершенно неопасна, так как у подножия утеса Мидуэя, сама природа образовала обширную расщелину – прекрасный ангар, предназначенный сначала для хранения угля, но затем натолкнувший на мысль снабдить архипелаг машиной, которая наблюдала бы за обширными пространствами Тихого океана и служила бы для сообщения между разбросанными островами.

Французскому инженеру Морису Рембо было поручено доставить дирижабль американским властям и сформировать экипаж для маневрирования.

Молодой человек, еле достигший тридцати лет, окончил Центральную школу и страстно любил все относящееся к авиации. Он провел пять лет в мастерских Лебоди и был

в восторге от возложенной на него миссии. Ибо это поручение было прежде всего связано с крайне заманчивым путешествием в то время, когда на воде возникали недоразумения между Японией и Калифорнией, затем предстояли опыты и полеты на известном расстоянии от самой маленькой точки необъятного океана. Все это заранее было окутано в его глазах глубокой поэзией.

Это был красивый, плотный юноша, среднего роста, со смелым взглядом и очень моложавый, несмотря на светлую, шелковистую бороду, которой он позволил свободно расти во время путешествия. Его большие светло-голубые глаза, то подернутые кротостью, то оживленные любопытством, придавали его лицу выражение какой-то удивительной подвижности. И его можно было бы принять за белокурого гота, если бы он сам не напоминал постоянно, что он уроженец французской Лотарингии и любит больше всего родной город Нанси.

И здесь-то, при виде паривших над этим городом первых дирижаблей, посланных сюда как передовой пограничный караул, дирижаблей: «Родина», «Республика», «Город Париж» и «Город Нанси» – здесь в нем зародилась настоящая страсть к приобретению знаний, необходимых для завоевания воздуха. И с тех пор, как эта наука, подвигаясь гигантскими шагами, прибавила к уже устаревшей аэростатике новые чудеса авиации, Морис Рембо мечтал побить все известные до сих пор рекорды и, оставив далеко за собой все

подвиги Блерио, Латама, Фармана, Райтов и Поланов, поставить окончательно на первое место Францию. Отправляясь на Сандвичевы острова, он был очень далек от мысли, что события скоро предоставят ему возможность побить беспримерный рекорд.

* * *

Когда он поднимался вслед за командиром «Макензи» — старым морским волком, бросавшим какие-то непонятные фразы по адресу «этих проклятых япошек», Морис Рембо должен был пройти мимо лодки своего дирижабля, лежавшей на палубе. Он машинально осмотрел все снасти, как делал это каждое утро. Лодка была прикреплена тросами к обшивке судна и прикрыта непромокаемым брезентом, производя во мраке впечатление челна примитивного устройства, в котором нельзя различить где нос и где корма.

Что касается оболочки дирижабля, сложенной на его осто-ве и окруженной многочисленными снастями для удержива-ния его — то ее удалось поместить под крышей, в трюме, над зарядными ящиками. Она была здесь под влиянием равно-мерной, довольно низкой температуры, поддерживаемой в этом опасном месте ледником, предназначенным для сохра-нения от порчи селитряных продуктов, составляющих ос-новную часть современных взрывчатых веществ. В трюме находились также многочисленные сосуды со сжатым водо-

родом с запасом, необходимым для наполнения дирижабля.

Совершив осмотр, инженер, обойдя лодку, направился вдоль абордажных сеток, и в это время внимание его было привлечено скрипом блока. Он остановился. Шум раздавался от одной из висевших лодок, от шлюпки левого борта.

Странное дело, эта лодка – маленькая сторожевая шлюпка – спускалась медленно и сама собою со своей шлюпбалки, и это движение производило в темноте такое фантастическое впечатление, что француз подошел близко. Вдруг фигура, сидевшая там на корточках и возившаяся со снастями, на которых висела шлюпка, выпрямилась и сделала резкое движение рукой. Одновременно один из сложных блоков, поддерживавших нос лодки, опустил свой лопарь и человек, висевший на кронбалке, так как шлюпка держалась на одной корме – обрисовался во весь рост. С голым торсом, в коротких штанах, с темным поясом, он держал в руке топор, лезвие которого сверкнуло в темноте, когда он готовился перерубить второй канат.

Но он промахнулся и выпустил свой топор, упавший на палубу в нескольких шагах от Мориса Рембо.

Последний бросился вперед с криком: «Командир!» Но он не успел удержать таинственную личность, которая, вне всякого сомнения, воспользовалась замедленным ходом пакетбота для того, чтобы попробовать бежать в одной из бортовых шлюпок. Спустив шлюпку, на которой он висел, человек тут же бросился в море, и инженер, перегнувшись над

абордажной сеткой, казалось, видел его плавающим в струе, образовавшейся от винта за кормой.

Что означала эта попытка к бегству? Инженер не терял времени на решение этого вопроса и поспешил к лестнице, ведущей на мостик. Но когда он явился туда, странный шум заставил его поднять голову. Сильный шелест пронесся среди ночи над судном, послышался удар от падения тяжелого тела в воду на недалеком расстоянии и внезапно яркий свет указал место падения. Сильный источник света, казалось, бил из глубины волн, точно в этом месте открылся маленький кратер вулкана. Все это происходило так близко, что слышен был шум газа, исходящего из невидимого жерла. Сходни, весь корпус «Макензи» был освещен, как среди белого дня. Командир американского парохода прорычал какое-то страшное проклятие и поспешил к рупору, служившему для него сообщением с целым судном.

– Все наверх! – гремел он в отверстие. Затем, повернувшись к старшему офицеру, сказал: – Зарядите ваши пушки, Форстер!

– Мы окружены японцами, господин командир! – воскликнул лейтенант. – Только у них имеются эти ацетиленовые снаряды. – И он дал несколько коротких и пронзительных свистков.

На пароходе поднялась суматоха, со всех сторон появились полураздетые матросы.

– Откройте пушки! – кричал лейтенант.

– И вы, Пири, живее к снарядам!

Морис Рембо хотел поделиться с обоими офицерами странным происшествием, свидетелем которого он был, но внимание командира «Макензи» было всецело поглощено его пароходом. Он вглядывался в темноту для того, чтобы найти таинственное судно, которому они были обязаны этим неожиданным освещением.

Не могло быть никакого сомнения и сэр Арчибальд Форстер был вполне прав: этот ацетиленовый снаряд был японского происхождения. Этими новыми снарядами, предназначенными для замены при известных обстоятельствах электрических прожекторов, обладающих важным неудобством обнаруживать судно, носящее его, снабжены исключительно флот микадо и Вильгельма II.

Наполненные карбидом, но из тонких стенок, для того чтобы они могли плавать острием вверх, эти светящиеся снаряды выпускаются пушками со сжатым воздухом, вроде тех, которые были установлены инженером Залинским на «Везувии»: они снабжены центральной трубой, куда проникает вода, образующая ацетилен, который, в свою очередь, воспламеняется натрием у самого выхода.

Сила света этого снаряда превышает тысячу свечей и его продолжительность, колеблющаяся между десятью минутами и часом, дает возможность пользоваться им при самых разнообразных обстоятельствах. Быть может, это не более как маневр? У француза не было времени разрешить этот

вопрос.

Глухой раскат сзади заставил всех обернуться в ту сторону. Люди на «Макензи», теснясь у абордажной сетки, кричали:

– «Канадец»! Смотрите на «Канадца»!

На том месте, где недавно виднелись три огня ближайшей парусной лодки, стояла в эту минуту огромная туча желтоватого дыма.

– Торпеда! – проворчал командир «Макензи». И он снова закричал в рупор: – Палите! Торопитесь! Живо! Быстро! – Затем, повернувшись к рулевому, сказал: – Север – сорок! Скорее, Джонстоун!

Послышался новый раскат: столбы пара, целые фонтаны огня смешались с дымом пироксилина: котлы угольщика теперь взорвались. Корма судна встала перпендикулярно. Резкий шум винтов, продолжавших вертеться в воздухе, на мгновение заглушил крик ужаса, раздавшийся на «Макензи», и все затихло. Только дым появился на том месте, где исчез пар.

Это потопление среди ночи, в мирное время в особенности, произвело ужасное впечатление.

Что-то темное скользнуло налево, менее чем в полумиле. Старший офицер снова закричал:

– К орудиям! Скорее, Пири! Смотрите на левый борт, назад! Стреляйте, стреляйте!..

Но на американском пакетботе царило необычайное заме-

шательство. Матросы бегали как безумные по палубе, и командир экипажа никак не мог собрать растерявшихся моряков к орудиям. Эти две четырнадцатидюймовые пушки калибра 76 миллиметров были установлены перед отъездом из Сан-Франциско на платформе, имеющейся на каждом американском пакетботе для этого запасного вооружения... Распоряжаясь установкой орудий и превращая таким образом пароход во вспомогательный крейсер, губернатор штата Калифорния указал, что положение довольно серьезно и можно ожидать нападения. Но командир «Макензи» перестал на четвертый день плавания делать маневры с пушками – он стал беспечным после длинного ряда ложных тревог: пушечные заряды были заперты на ключ в складочной каюте. Вот почему они были принесены канонирами спустя бесконечно длинные пять минут, в продолжение которых судно поворачивалось на другой галс.

Во что же стрелять?

Стальное веретено, только что показавшееся на воде, исчезло...

Невыразимая тоска сдавила у всех горло. Это ожидание торпеды ночью, когда невидимый враг бродит вокруг обреченного на гибель судна, является, по свидетельству всех моряков, одним из мучительнейших кошмаров.

Матросы бегали во все стороны: одни обвязывали себя пробочными поясами, другие бросились, не ожидая приказа, к лодкам.

Послышался крик:

– Вот они! Вот они!

Тотчас раздалась команда «пали», по направлению к носу корабля. Это был выстрел, направленный в темноту, наудачу. Взрыв был еле слышен, так как шум его был заглушен страшным грохотом, и все судно вздрогнуло, подобно дереву под сильным ударом топора. Огромный столб воды скатился на сходни, и почти в то же мгновение судно накренилось в ту сторону, куда оно получило удар.

Японская торпеда взорвала «Макензи» до машинного отделения. Американский пароход стал быстро наполняться водой, так как он не был снабжен, подобно военным судам, многочисленными, непроницаемыми для воды переборками для предотвращения быстрого потопления судна. Когда лейтенант Арчибальд Форстер, после того как столб воды спал, начал искать командира, его уже не было. Огромная волна смыла его вместе с частью мостика. Страшное смятение царило на корабле в продолжение нескольких минут, которые несчастному пароходу еще суждено было держаться на поверхности воды. Матросы на «Макензи», набираемые без разбора, совершенно не были приучены к дисциплине, которая на военных судах дает возможность требовать от них исполнения приказаний в самые критические моменты. Они бегали растерянные, точно мыши в доме, со всех сторон объятых пламенем. Требования офицеров совершенно не могли удержать матросов, когда они бросились беспорядочной тол-

пой к лодкам. Две лодки опрокинулись, прежде чем успели отойти от судна. Третья лодка, которой управляли неопытные руки, повисла на корме, выбросив в море сидевших в ней беглецов. Тяжелый, едкий дым закрыл своим зловещим покровом неподдающиеся описанию сцены, разыгрывавшиеся в то время на палубе и среди которых «Макензи» стал вдруг быстрее накреняться и исчез в водовороте пены. Этот водоворот отнес судно к ацетиленовому снаряду, и шум ракеты покрыл проклятия и крики. Пароход, падая в пучину, увлек за собой и огонь, освещавший трагическую картину, и все погрузилось во мрак...

После взрыва Морис Рембо попробовал увлечь за собой лейтенанта Форстера.

Но офицер отрицательно покачал головой.

– Командир погиб, – сказал он, – и мое место здесь! Прощайте! Спасайтесь, пока не поздно!..

Выйдя на палубу, молодой инженер окинул взором беспорядочно толкавшихся матросов и нескольких пассажиров, торопившихся к лодкам. Ему тотчас пришла мысль, что он владеет лодкой, далеко превосходящей все остальные, потому что она сделана из железного каркаса, обшитого пробковым деревом, то есть необыкновенной легкости и вместе с тем испытанной прочности. Покрывающий ее брезент предотвратит наполнение ее водой в момент погружения, и лодка, как спасательный буюк, всплывет на поверхность воды.

А главное, никто не оспаривает у него этой лодки: все силы, удесятеренные дикими выходками, проявляемыми во время больших катастроф, были устремлены к спасательным шлюпкам. Он стоял один у лодки своего дирижабля и вдруг увидел у ног топор, брошенный неизвестным беглецом на палубу.

Ниспосланная Провидением находка! Со всего размаха Морис Рембо перерубил все канаты, которыми был прикреплен к борту его импровизированный ялик, нашел в своей уже значительно закаленной душе достаточно спокойствия для того, чтобы убедиться, что никакие веревки не связывали его больше с пароходом. Чувствуя по увеличивающемуся наклону палубы, что роковая минута приближается, он устремился на мостик.

Сэр Арчибальд Форстер спускался с него, не торопясь и отдавая какое-то приказание.

В одну минуту Морис Рембо схватил его за руку и, не смущаясь его сопротивлением, потащил за собой. Палуба уходила из-под их ног, и молодой француз дошел до своей лодки, цепляясь за бортовые сетки.

– Арчибальд, сюда... цепляйтесь с противоположной стороны...

Больше он не мог говорить: огромная волна смыла палубу, подхватив ее, как соломинку и унося далеко лодку, за которую ухватились два приятеля. Ударами о трубы, взрывом котла они были отброшены еще дальше... Затем «Макензи»

погрузился в пучины Тихого океана, увлекая в непреодолимом водовороте последнюю шлюпку и последних оставшихся в живых.

Мертвая тишина витала над волнами, покрытыми пеной. Густой мрак, сразу покрывший место, где была устроена эта западня, лишил желтолицых, любовавшихся издали делом своих рук, возможности быть свидетелями агонии экипажа и чудесного спасения двух оставшихся в живых людей.

Глава 2

Импровизированная лодка

Оба потерпевшие крушение ухватились за снасти, висевшие вдоль бортов их импровизированной спасательной лодки. Они держались так несколько минут среди водоворота, подвергаясь толчкам от различного рода всплывающих обломков, шестов, веревок, досок или трупов.

Затем Морис Рембо решил развязать два каната, посредством которых брезент был привязан к борту лодки, не без труда вскарабкался в массивную шлюпку и помог взобраться туда же своему товарищу.

В ту же минуту около них раздался крик: «Спасите!» И из воды сейчас же показалась скрюченная рука. Морис Рембо, уже привыкший к темноте, схватил ее: он ясно увидел откинутую назад голову и собирался уже вытащить этого нового товарища, как рука, которую он держал, вырвалась, и несчастный, точно проглоченный пучиной, исчез в водовороте.

– Вероятно, мертвая зыбь, – сказал молодой человек.

– Нет, – возразил лейтенант Форстер, – это акула: здешние места кишат ими.

Инженер вздрогнул. Они оба счастливо избежали опасности. Если бы они еще чуть помедлили и не вскарабкались

в лодку, то были бы проглочены страшными акулами, как и этот неизвестный человек.

– Глядите, – сказал американец, – вон еще другие ждут своей очереди...

– Вернее, нашу очередь, – пробормотал вполголоса молодой француз.

Морис Рембо разглядел во мраке то появляющиеся, то исчезающие меж волн темные фигуры...

Окоченевшие в своей мокрой одежде, несмотря на мягкую температуру весенней экваториальной ночи, они не проронили ни слова. Японские миноносцы, вероятно, находились вблизи и, несомненно, ждали рассвета для того, чтобы сейчас же воспользоваться остатками от кораблекрушения.

Луна показалась на горизонте, быстро поднялась, ярко отражаясь на гребне волн. Новый сноп света, появившийся с той же стороны, затмил ее. На этот раз появился электрический прожектор, но судно, на котором он находился, ушло далеко, так что американский лейтенант мог вывести заключение, что их лодка была отнесена одним из многочисленных течений, прорезывающих Тихий океан, и теперь довольно быстро удалялась от места крушения.

Несколько минут спустя, далеко на западе, поднялся новый столб света, затем послышался грохот, характерный звук которого был им хорошо знаком.

– Наступила очередь «Бонавентуры», – пробормотал Арчибальд. – Три беззащитных судна в мирное время... Ах,

разбойники... Мы должны мстить за такое злодеяние до тех пор, пока на нашей планете останется в живых хоть один американец.

Ночь казалась обоим морякам бесконечной. Что принесет им нарождающийся день?

Увидят ли их и подберут шныряющие вокруг миноносцы или, отнесенные течением к тем местам Тихого океана, где между островами Полинезии лежат обширные морские пустыни – они будут обречены на смерть от голода и жажды?

На рассвете они увидели скалистый островок, возвышавшийся над морем на несколько метров. Их, к счастью, принесло сюда течением.

Арчибальд бросился в воду, когда лодка подошла совсем близко к берегу, перебрался на островок и изо всей силы потянул веревку, прикрепленную к корме. Притянув лодку к берегу, покрытому валунами, он вдруг увидел перед собой расщелину. В этом месте в скале образовалась как бы маленькая гавань, и несколько минут спустя лодка, введенная в эту естественную бухту, была вытянута на мелкий гравий, омываемый умирающими здесь волнами. Тут она была совершенно скрыта от глаз.

– Дорогой инженер, – сказал американский лейтенант взволнованно, – я обязан вам жизнью! И хотя я уверял себя, что мое место около несчастного командира, тело которого унесено волнами, я не могу не думать о той, что ждет меня там, в Сен-Луи, и о милом ребенке, который начинает щебе-

тать около нее. Поэтому благодарю вас, без громких слов, и будем друзьями, как говорят ваши французы – на жизнь и смерть!

Они бросились друг другу в объятия.

– Я вдвойне счастлив после того, что вы сообщили мне, Арчибальд! – сказал молодой француз. – Вы любимы, вас ждут... Я же одинок. Я мог бы погибнуть, и никто не плакал бы обо мне, кроме престарелой матери, которая очень скоро последовала бы за мной. Но я приобрел верного друга благодаря этой катастрофе. И это много...

И они снова обменялись крепким рукопожатием.

День разгорался. На самом высоком выступе целого ряда скал выделялась возвышающаяся на деревянной стойке пирамида.

– Это сигнал морского гидрографического общества, – сказал лейтенант Форстер. – Мы, вероятно, находимся в виду Мидуэя.

Он взобрался на скалу и почти сейчас же слез.

– Японский миноносец, – сказал он, – не дальше как на расстоянии мили отсюда.

– Будем надеяться, что им не придет в голову причалить сюда.

– Если бы они нашли нас здесь, – продолжал американец, – нам нечего ждать от них какой-либо пощады, потому что для них важно, чтобы не осталось в живых ни одного свидетеля совершенного ими в эту ночь злодеяния.

– Но не могут же они, однако, надеяться, что это злодеяние не обнаружится.

– Конечно, но прежде чем в Соединенных Штатах подробно узнают о случившемся, они наложат лапу на главные пункты Гавайских островов и воспользуются против нас же укреплениями, которые мы сооружали в продолжение двух-трех лет с большим трудом.

– Вы думаете, то, что произошло здесь, совершилось и в Гонолулу, и на других больших островах?

– Несомненно, япошки не рискнули бы так, для того чтобы овладеть простым складом угля. Главная часть их эскадры, вероятно, оперировала около Пирл-Харбора, представляющего новый военный порт, острова Оаху, близ Гонолулу, который для них гораздо важнее острова Мидуэя.

– Окончены ли укрепления в Мидуэе?

– Кажется, окончены. Я думаю, что «Макензи» должен был доставить туда последние артиллерийские снаряды.

– И только моему бедному дирижаблю не придется принимать участия в защите, – грустно сказал молодой француз.

– Да, оболочка на дне моря, и никогда ваша лодка не будет парить в воздухе.

– Меня очень удивило бы, если бы кто-нибудь предсказал мне, когда я осматривал ее конструкцию, что она спасет нас во время кораблекрушения и истлеет на неизвестном утесе.

– Если только и мы не истлеем рядом с ней, – пробормотал американец.

И он не мог оставаться спокойно на месте и снова взобрался на скалу, но слез еще скорее, чем в первый раз.

– Можно подумать, что эти желтолицы чувствуют наше присутствие здесь, – сказал он вполголоса.

– Миноносец?

– Да, тот же самый, – он теперь совсем близко.

– Я хочу взглянуть...

– Смотрите, чтобы они не увидели вас... Здесь чертовская глубина и мы будем сброшены с высоты нескольких ярдов.

Лежа на животе, неподвижно и чуть приподняв голову, Морис Рембо увидел, что японское судно приближалось. Любопытство взяло верх над благоразумием, и американский офицер также подкрался к инженеру.

– Это не миноносец, а истребитель...

Легкое судно шло на траверсе тихим ходом. Военный флаг со сверкающими лучами своего красного солнца и черным траурным бордюром, развевался на гафеле, а четыре трубы выдавали быстрого истребителя-миноносца, переполненного машинами.

– Это «Казума», – проворчал офицер, он участвовал в битве при Цусиме.

Матросы бегали взад и вперед, мыли палубу, чистили медные части. Офицер, стоя у блокгауза, на котором выделялся прожектор из сверкающего никеля, навел зрительную трубку направо и, следя за указываемым, таким образом, направлением, американец разглядел вдали небольшое возвышение

над водой.

– Мидуэй! Вот Мидуэй, там...

– Вы уверены в этом?

– Вполне уверен. В том направлении находятся только два острова, кроме подводных скал вроде приютивших нас теперь – остров Кюре – самый западный в архипелаге, но выдающийся не более как на шесть метров над уровнем моря и наш остров Мидуэй, возвышающийся на сто футов над морем. Я не мог ошибиться – это он. Мне кажется, что я даже различаю на нем два маленьких выступа, – это бронированные башенки.

Они больше не разговаривали.

Длинное стальное веретено, скользившее перед их глазами, казалось, готово было остановиться, и офицер, загипнотизированный видом лежавшей на палубе лодки в полотне, боялся в продолжение нескольких минут, что он будет свидетелем, как ее спустят в воду и направят к острову.

Но ничего подобного не произошло. До их слуха долетел вибрирующий звук свистка и, изменив свое направление влево, миноносец-истребитель удалился.

– Они совершенно незаметны с форта вследствие своей бездымной топки, – сказал лейтенант Форстер. – В противном случае, с каким бы удовольствием увидел я, как один из наших снарядов разрезал бы их пополам, там, на моих глазах...

– Не жалеете об этом, Арчибальд! Оставшиеся в живых

достигли бы нашей скалы вплавь, и нам не удалось бы тогда уйти отсюда.

Оба приятеля спустились на берег.

– Если бы я мог предвидеть подобное приключение, то уложил бы в лодку некоторые припасы, – сказал инженер, – все эти события возбудили у меня аппетит.

– Вот как! Мы будем поститься не более двух суток! В следующую ночь попробуем добраться до острова.

– На каком расстоянии он находится от нас, по вашему мнению?

– В шести, может быть, в семи милях.

– Вы уверены, что мы можем добраться туда, не сбившись с пути? Ведь у нас нет никакого освещения!

– У меня есть карманный компас со светящимся лимбом, я доведу вас до Мидуэя среди самой темной ночи... Нам только не хватает пары весел или паруса.

– Нельзя ли сделать мачту из столба, которым заканчивается гидрографический сигнал, а парус – из брезента, прикрывающего лодку?

Американец покачал головой.

– Не проверить ли нам инвентарь лодки, – сказал он, – быть может, мы найдем там какую-нибудь трубу, которую можно превратить в весло, руль или рею?

Начались поиски. Инженер знал заранее все содержимое лодки, так как наблюдал за нагрузкой всех ее частей. Машина со своими восемью цилиндрами, сложенными попарно,

занимала половину всей лодки. Два винта, снятые и завернутые в полотно, были прикреплены к обшивке, коробка с инструментами, прилаженная позади, служила сидением. Два якоря – один морской, другой – со ступеньками и крюками, чередовались на носу с тремя свернутыми гайдропами. Под снастями лейтенант Форстер увидел ряд сосудов, уставленных на дне лодки, покрытых в несколько раз сложенным полотном.

– Вероятно, ваш запас масла? – спросил он.

– Масло и бензин.

– Как? Я думал, что ваш запас бензина заключается в бочонках по сто литров. Я даже уверен, что видел, как их грузили в трюм на «Макензи».

– Это верно, но здесь находится все приготовленное на случай, и я оставил все это тут.

– Но в таком случае ваша машина может быть приведена в действие! Почему бы нам не воспользоваться ею для поездки туда? – воскликнул американец.

– Машина всегда может быть пущена в ход, – ответил смущенный инженер, – но винты...

– Что же? Вставим винты – это, вероятно, очень просто.

– Очень просто, действительно! Нужно только несколько болтов. Но способ их движения, их расположения слева и справа обшивки не дадут нам возможности воспользоваться ими.

– Но почему же? Правда, винты будут впущены только

наполовину, но это не мешает управлять ими так, чтобы они все-таки двигались. Безразлично – разрезают они воду или воздух – они должны сообщать нам движение, которое мы можем регулировать, употребив вместо руля сигнальную доску оттуда.

Уверенность американца была заразительна: инженеру только нужно было позволить убедить себя. Винты, вынутые из своего футляра, были укреплены на концах осей. Два сосуда с бензином были опрокинуты в резервуар и лодка спущена на воду, оставалось только повернуть рукоятку, чтобы привести мотор в движение.

Прежде чем сделать этот опыт, американец недоверчиво осмотрел все вокруг: миноносец-истребитель исчез. Офицер разглядел на юге три судна, идущие друг за другом. Они находились еще слишком далеко для того, чтобы можно было их точно определить. Это были, без сомнения, японские военные суда, но находившиеся на расстоянии более восьми миль!

Поэтому можно было приступить к испытанию мотора вполне безопасно.

Один поворот рукоятки привел его в движение, затем инженер включил винты.

Целый сноп воды поднялся с левой и правой сторон лодки. Последовал страшный толчок, и Морис Рембо еле успел разъединить винты, иначе пришлось бы неожиданно удариться о противоположную скалистую стену.

– Мотор слишком силен для такой легкой лодки, – сказал он. – Восемьдесят лошадиных сил для этого углого челна – это все равно что прилепить к миноносцу – машину крейсера.

– Это ничего! Мы устраним это неудобство, если будем часто разъединять винты. Самое главное, добиться движения вперед. Если бы море было беспокойно, оно могло сыграть с нами плохую шутку. Но при таком мертвом штиле мы рискуем только встретить миноносец, который может быть привлечен шумом машины.

Остальная часть дня тянулась для молодых людей бесконечно. Сменяя друг друга, они спали несколько часов. Американец нашел в расщелине скалы светящиеся ракушки, или «литодомы», запасся ими и предложил своему товарищу, когда он проснулся.

Морис Рембо, в свою очередь, нашел близ гидрографического сигнала немного пресной воды, оставшейся от последних дождей, и она показалась им одним из прекраснейших напитков.

В то время как они собирали ее в один из сосудов, их заставил вздрогнуть послышавшийся довольно близко раскат.

Это не был продолжительный гул взорвавшейся торпеды, а резкий и как бы оглушительный грохот пушек большого калибра.

Потерпевшие крушение тотчас вскарабкались к своей обсерватории. Три недавно замеченных ими военных судна об-

ходили подводный риф, и вторичный грохот, а вслед за ним и третий – прокатились по морю.

– Это начинается бомбардировка Мидуэя, – заметил офицер.

– Теперь форт отбивается, Арчибальд!

И в самом деле, между островком и японскими броненосцами поднялся столб воды. Это был слишком продолжительный удар, и через несколько секунд до них долетел глухой гул: это был первый пушечный выстрел с форта. Ядро долетело раньше, чем гул от удара.

Лейтенант с «Макензи» вынул часы и стал быстро следить по секундной стрелке.

– Да, это так. Начальная скорость наших снарядов равняется семистам метрам при выходе из дула; дальнейшая же скорость не превышает триста метров в секунду, следовательно, на расстоянии пять-шесть миль – если считать остров в шести милях – звук должен долететь до нас через одиннадцать или двенадцать секунд после выстрела, а ядро долетело раньше звука этого выстрела. Нам придется сделать в эту ночь шесть миль.

– Почему японцы не подходят ближе? Ведь на таком расстоянии их выстрелы совершенно не достигают цели?

– Вы заблуждаетесь! Прежде всего, их снаряды достигают семи миль; затем, они вовсе не задались целью пускать на укрепление снаряды, обладающие большой, дальнейшей скоростью, ибо, как бы ни была велика скорость, их ядра

бессильны против гранитных скал, среди которых заложена крепость. Они хотят только попасть в какой-нибудь пункт форта, так как их ядра – это настоящие мины, содержащие от ста двадцати до ста пятидесяти килограммов знаменитого взрывчатого вещества – шимозы. Они усовершенствовали известные «чемоданы» Цусимы¹. И я думаю, что в настоящее время судно, в которое попадут один за другим несколько пачек подобных взрывчатых веществ, по всей вероятности, пойдет ко дну с разрушенными верхними частями и задохнувшимся экипажем. Иначе обстоит дело с крепостью, особенно с такой, как Мидуэй!

– Вы считаете ее неприступной для бомбардировки?

– Я считаю ее, главным образом, неодолимой потому, что ею командует выдающийся человек, майор Гезей, бывший солдат, который скорее погибнет под развалинами своего укрепления, даже скорее взорвет все, нежели сдастся.

– Для такого передового укрепления и должен быть избран человек, отлично закаленный... Он молод... этот майор Гезей?

– Нет, это старый офицер лет пятидесяти, отличившийся на Кубе, среди «мужественных всадников» нашего Тедди², затем на Филиппинах и пользующийся в нашей новой армии

---

¹ Русские называли «чемоданами», или сумками, снаряды, наполненные шимозой, в количестве до 305 кг и длиной в 1 м 25 см, в первый раз введенные в употребление в Порт-Артуре.

² Так американцы фамильярно называют президента Теодора Рузвельта.

репутацией храбреца, возведшего эту храбрость в правило...

– Лишь бы у него хватило съестных и боевых запасов...

– Слушайте, – прервал американец, – вот выстрел, который, должно быть, оторвал угол у правого броненосца! Вы видите дым, поднявшийся на носу японского броненосца...

– Да, он поврежден. А вот и второй удачный выстрел! Bravo, Мидуэй!

И, забыв о своем собственном положении, старший офицер с «Макензи», выпрямившись, хлопал в ладоши.

Инженер посоветовал ему быть осторожнее. Но прежде чем снова растянуться на скале, американскому офицеру доставило большое удовольствие видеть, как поврежденное судно накренилось на правый борт и медленно отчалило.

– Японцы, прославившиеся своей хитростью, на этот раз сделали большую ошибку, расположившись здесь, – сказал офицер. – Они могли бы избрать всякий иной путь, но только не этот.

– Почему же?

– Потому что островок, на котором мы находимся, представляет из себя пункт, точно отмеченный на картах крепости, и, руководствуясь этой картой, наши артиллеристы быстро определили расстояние, так как им точно известно расстояние до острова.

– Желтолицые, по-видимому, усмирены на сегодня, – сказал молодой француз. – Оба броненосца также уходят.

– Удвоив выстрелы для того, чтобы отвлечь внимание от

раненого товарища.

Действительно, большие пушки на башенках судна гревели теперь беспрерывно, а на верхушке Мидуэя маленькие белые облачка указывали на точки, куда попадали выстрелы.

Раненое судно обошло подводный риф, и на его носу обозначилось зияющее отверстие, немного выше ватерлинии.

– Это не броненосцы, а бронированные крейсера, – заметил американец. – Это «Ибуки», один из последних типов, с турбинами, делающий двадцать семь узлов, как английские Indomitables... Они, очевидно, послали сюда свои быстроходные суда, чтобы можно было легко уйти от нашей эскадры, если она нападет на них с тыла.

Крен японского крейсера стал очень заметен, и открытые между башнями правого борта трубы, низвергали в море потоки воды.

– Большая течь, – снова заметил офицер. – Старый Гезей, быть может, и не подозревает, как удачен был его выстрел.

– Если бы мы могли сообщить ему об этом в эту ночь! Крейсера, находившиеся теперь вне досягаемости выстрелов, прекратили стрельбу и удалились на запад.

Был ли «Ибуки» настолько серьезно поврежден, что был вынужден отправиться в Японию? И как он совершит в подобном состоянии путь в две тысячи миль? Оба приятеля совершенно не задавались подобными вопросами: им также предстояло совершить путь, и хотя он был не более шести миль, но крайне опасен, на таком неудобном, как их лодка,

судне и ввиду возможности натолкнуться на один из виденных в прошлую ночь миноносцев.

Наступил вечер. Утес Мидуэя исчез в сгустившейся темноте, но старший офицер с «Макензи» тщательно отметил его на компасе под 176° восточной долготы. Лодка была поставлена у входа в расщелину скалы, откуда можно было выйти в открытое море. Она была покрыта брезентом для предохранения от затопления водой, разбрасываемой винтами, а к корме прикрепили сигнальную дощечку вместо руля.

Арчибальд Форстер принял на себя управление, а инженер, наблюдавший за машиной, должен был быть всегда готовым разъединить винты по указанию офицера.

Над брезентом видна была только верхняя часть их туловища, и они напоминали людей в спасательных лодках, отправляющихся на помощь погибающему кораблю и закрытых до пояса палубами.

Было одиннадцать часов вечера, когда лодка отчалила от приютившей их скалы, которая затем благодаря морскому приливу быстро погрузилась до половины в воду.

* * *

Если американский офицер сомневался в правильном действии винтов в среде, для которой они вовсе не были предназначены, то теперь он мог успокоиться.

Двигатель дирижабля обладал той именно удивительной

гибкостью, которая давала возможность одним поворотом рукоятки, служившей для впуска газа, сделать двести или две тысячи оборотов. Скорость вращения на оси, доведенная до минимума, уменьшалась еще сопротивлением воды и не вызывала таким образом в винтах тех резких толчков, последствием которых являлись наполнявшие лодку брызги воды и шум, слышимый издали. Проехав милю, Арчибальд Форстер успокоился и был неистощим в похвалах по адресу мотора и равномерности его бесшумного хода.

– Мы потратим не больше часа на эти шесть миль, – сказал он. – А я боялся, что нам придется употребить на эту переправу половину ночи.

Единственное неудобство представлял густой мрак. Ежеминутно они рисковали натолкнуться на японский миноносец, бродивший без огня вокруг острова, и неоднократно обоим приятелям казалось, что они различают неясно отражающийся на черном небе пурпурный отблеск, озаряемый искрами, как бы от пламенного дыхания трубы миноносца-истребителя. Морис Рембо останавливал мотор и оба, напрягая слух, вглядывались в темноту.

Американский лейтенант, не спуская глаз со своего светящегося карманного компаса, командовал: «Стоп!». Прошло полтора часа, как они покинули свою скалу: Мидуэй был уже недалеко.

Так как на форте не было никаких огней, то нужно было выждать появления луны, которая вскоре выделит на гори-

зонте скалистый силуэт крепости.

И еще целый час лодка дирижабля качала двух людей на небольших волнах, которые временами светились от миллиардов инфузорий, морских звезд и nereid, освещающих экваториальные моря.

Наконец около двух часов ночи бледный свет оповестил о восходе луны, и немного левее, на расстоянии мили, показалась черная громада.

Лейтенант облегченно вздохнул, так как он боялся, что их отнесло течением, как в прошедшую ночь, и в таком случае, не зная направления этого течения и не имея возможности определить место по карте, пришлось бы ждать утра для того, чтобы добраться до Мидуэя.

А бродить среди бела дня в этих опасных местах – это значило роковым образом попасть в руки японцев. Двадцать минут спустя, идя замедленным ходом, они очутились под скалой, возвышающейся над крепостью Мидуэя.

Она произвела на них впечатление громады с обрывистыми стенами, что-то вроде сказочных замков, служивших убежищем для скандинавских пиратов у входа во фиорды. Вместо песчаного берега, который они искали для того, чтобы причалить, – они натолкнулись на вертикальную стену и вынуждены были объехать остров, погруженный во мрак и тишину.

– Вероятно, караулят, – пробормотал американец, – в нас будут стрелять!

И опасаясь этого, они молчали. Они удалились, боясь привлечь внимание часовых шумом мотора, и после многочисленных бесплодных усилий очутились в небольшом канале, очевидно, прорытом руками людей, который как бы уходил вглубь на двадцать метров в туннель, казавшийся в темноте гигантских размеров. Лодка направлялась туда бесшумно, при помощи доски, служившей рулем. Но очень скоро она наткнулась на загородку, устроенную в уровень с водой.

– Бон, – пробормотал американец... – Если нас поймают здесь – в нас будут не только стрелять из ружей, но встретят залпами из митральезы... Вероятно, там наверху стоят одна или две пушки, караулящие этот выход.

После некоторых попыток высадиться на берег они должны были отказаться от мысли взобраться на отвесную стену, окружавшую вход в канал, и снова вышли в море.

– Теперь я убежден, что японцы не высадятся ночью, – ворчал американец, стараясь разглядеть расщелину в этой неприступной скале, – но это еще не улучшает нашего положения...

Неожиданно на вершине скалы сверкнула молния. Белый пучок лучей упал на стену, рассыпался мириадами искр по гребню волн и после нескольких колебаний направился ко входу в канал, только что покинутый лодкой.

– Пора! – сказал инженер. – Еще минута – и мы будем осыпаны картечью.

– Скорее! – прервал американец. – Соединяйте!

Винты прорезали воду, и лодка со страшной силой удари-лась о скалистую стену, возвышавшуюся перед ней. Толчок был так силен, что лейтенант, склонившийся к корме с доской в руке, чуть не был сброшен в море...

Морис Рембо, в свою очередь, ускоряя ход машины, был отброшен к носу лодки и, казалось, вышибет дно, так силен был удар.

Но прочное и упругое пробковое дерево выдержало удар, и сидевшие в лодке очутились вне выстрелов с форта, под защитой самих скал.

В продолжение двадцати минут электрический прожектор обыскивал берег, двигаясь над их головами. Они притаились в этом мертвом углу, где их укрыла скала, не проронив ни слова и выжидая конца этих продолжительных поисков.

Луна стояла высоко на небе. Очертания скал, окружавших высокую вершину Мидуэя, обрисовывались ясно.

Они напоминали глыбы утесов или ряд гигантских плотин из переносных валунов ледникового происхождения, гро-моздящихся в темноте друг на друге.

Не покидая скрывавшего их благодетельного утеса, поль-зуясь неровностями скалы и своим импровизированным веслом, лейтенант с «Макензи» плыл вдоль извилин остров-ка.

Они почти обошли его вокруг, когда наконец около че-тырех часов утра увидели небольшую песчаную площадку, приблизительно в двадцать метров, окаймленную коралла-

ми.

Они были спасены.

Выскочить из воды и вытащить лодку на берег было для них делом одной минуты. Но лишь только они втащили на маленькую площадку берега нос лодки, как грянул выстрел и снаряд прорезал тень, падавшую от высокой стены.

В это самое время до слуха приятелей долетел стук падающего в воду тела и они еле успели растянуться за первыми рядами кораллов для того, чтобы скрыться от снарядов, носившихся, точно бешеные мухи, в воздухе над их головами.

Глава 3

В крепости Мидуэй

Выстрелы участились, и молодые люди слышали в продолжение двух, казавшихся им бесконечными, минут, как пули падали позади них в воду.

Было бы величайшим безрассудством показаться, кричать или попробовать каким-нибудь жестом заставить опознать себя, так как митральеза, неумолимо сыпавшая картечью из невидимой амбразуры, приводилась в действие людьми, стрелявшими без разбора во все, что двигалось извне, и которые не выслушали бы их.

Лучше ждать рассвета.

Время тянулось очень медленно.

Когда оба приятеля могли наконец различить вертикальные стены крепости и украшавшие ее круглые башенки – отдаленный гул дал им знать, что японские суда также выжидали восхода солнца для того, чтобы возобновить вчерашнюю бомбардировку.

Три снаряда, свистя, пронеслись над их головами; четвертый – попал в скалу на уровне воды, не более как в пятидесяти метрах от спасшихся с «Макензи» и навел на них ужас.

От неожиданного сотрясения воздуха, страшного вихря, пронесшегося быстрой волной, – у них сперло дыхание.

Настоящая синеватая туча с радужным отблеском, казалось, вырвалась из раскаленной земли, точно между двумя скалами внезапно открылся кратер.

– Скорее! Идите за мной. . .

И Морис Рембо чувствовал, что товарищ тянет его в море.

Он не успел опомниться, как уже весь погрузился в воду и услышал приказание лейтенанта Форстера.

– Прежде чем этот дым дойдет до нас, наберите воздуха и нырните под воду.

Французский инженер знал по прочитанным о битве под Цусимой рассказам, что японские снаряды выделяют окись углерода. Но ему не было известно, что этот народ отныне после своих побед посвятивший себя войне, изобрел новое взрывчатое вещество, превосходящее шимозу. Они пустили в ход снаряды большой вместимости, ядовитые газы которых убивают большее количество окружающих людей, нежели их взрывы в упор.

Во время будущих морских сражений несколько снарядов такого образца, проникнув в глубину судна, выведут его из строя, и смерть от них будет вернее, нежели от самой скорострельной пушки.

Морис Рембо последовал совету американца: когда синеватая туча надвигалась на них, горячей волной катясь по воде, обе головы исчезли, и для большей безопасности Арчибальд Форстер, зная, что его друг отлично плавает, увлек его в открытое море для того, чтобы перевести дух.

Когда они снова подплыли к берегу, на этот раз немного дальше, на вершине глыбы, покрытой водорослями, показалась голова с приложенным к щеке ружьем.

– Соединенные Штаты! – закричал лейтенант.

Ружье опустилось, и среди обломков скалы показались еще две головы в широкополых шляпах американских солдат.

Это был патруль, посланный с форта для погони за подозрительной тенью и прибывший вовремя для того, чтобы принять потерпевших крушение моряков.

Солдаты, составлявшие патруль, торопились вернуться в крепость. Без сомнения, они боялись японского «чемодана», вроде взорвавшегося недалеко от них, и, не слушая объяснений, которые Арчибальд Форстер пробовал им дать, они старались направить своих пленников налево, вплоть до высеченной в скале и, по-видимому, огибающей весь остров дозорной дорожки. По ней мог проходить только один человек, невидимый с моря, так как глубина этого узкого прохода была 1,8 метра. Через известные промежутки узкий проход расширялся по направлению к морю, позволяя часовым, постоянно расхаживающим в этой скалистой траншее, следить за теми местами морского берега, которые нельзя разглядеть с крепостного вала.

Через сто метров после многочисленных изгибов дозорная дорожка впадала как бы в глубокую раковину, представляющую перекресток из трех одинаковых траншей, из кото-

рых одна, более широкая, уходила под свод, высеченный в скале.

Это был вход в крепость.

Для того чтобы предохранить ворота от непосредственно-го действия артиллерийских снарядов, тоннель изменял направление, и на повороте невидимая снаружи электрическая лампа отсвечивалась на рельсах узкоколейной железной дороги, укрепленных в бетоне.

Хриплый голос часового раздался под сводом, и один из патруля ответил на окрики «Соединенные Штаты» – слова, которые лейтенант Форстер так своевременно бросил несколько минут тому назад.

Солдат вынырнул из глубины будки, высеченной в скалистой стене, и взял ружье наперевес.

Обменявшись вполголоса паролем и лозунгом, один из часовых что-то крикнул, и подземелье осветилось: десять ламп вспыхнуло внутри, и глазам потерпевших крушение вдруг представился в нескольких шагах ров от пяти до шести метров шириной.

В это самое время начала медленно опускаться, подобно подъемному мосту, массивная, с двумя бойницами, дверь, вделанная в противоположную стену. Находившиеся на ней рельсы служили продолжением пути, устроенного в бетоне. У входа появилось несколько силуэтов солдат с ружьями наперевес. Вновь раздался оклик, снова обменялись пропуском, и оставшиеся в живых с «Макензи» переступили ров,

исчезавший в густом мраке.

Они вошли в крепость Мидуэй.

Лишь только их конвой перешел мост, как последний поднялся и в ту же минуту до них долетел шум нового взрыва, но заглушенный, почти отдаленный.

Они почувствовали себя за этими гранитными стенами в большей безопасности, нежели на борту самого сильного броненосца.

Вся крепость производила впечатление, точно она выросла в эти подводные скалы Тихого океана: она была высечена в самом утесе.

Японские снаряды разобьются об эти каменные валы, и шум взрыва даже не долетит внутрь крепости.

Комната, куда ввели Мориса Рембо и Арчибальда Форстера, представляла обширный низкий зал, освещенный дуговой лампой, яркий свет которой проникал в каждый уголок. Это был полицейский пост, где находилось около пятнадцати человек, одетых в костюмы цвета хаки, с патронташами через плечо, в полуботинках бурой кожи и в широких шляпах с кокардами.

Только трое из них были в форме темного цвета и фуражках по образцу, принятому гимнастами всех стран. Это были артиллеристы. Сидя в углу комнаты на скамьях, они окружали митральезу, поставленную на чугунной раме, вделанной в скалу. Сквозь узкую амбразуру, из которой можно было простреливать берег, как бы сквозь отдушину, проникал

дневной свет.

Вошел офицер – высокий, безбородый здоровяк, с сильными мускулами, и при его входе никто из присутствовавших солдат не пошевелился, так как отдание чести считается в военное время излишним в американской армии.

Его костюм, также цвета хаки, без галунов, без металлических пуговиц и каких-либо иных украшений, отличался от солдатской формы только более элегантным покроем, более тонким сукном и серебряной звездочкой на воротнике. Ремень револьвера, надетый через плечо, заменял перевязь с гнездами для патронов.

Он представился: Гарри Спарк, 3-го колониального полка. Когда оба потерпевших крушение отрекомендовались, в свою очередь, он объявил им, что комендант крепости, сомневающийся, чтобы они действительно остались в живых после катастрофы, происшедшей в эту ночь, ждет их у себя.

– Мы готовы, – сказал Арчибальд Форстер...

По дороге американский лейтенант расспрашивал их, записывая ответы для того, чтобы передать все коменданту.

Через сводчатые галереи вдоль рельсов, по которым могли двигаться самые большие орудия, они попали в обширную круглую залу, где две дуговые лампы бросали ослепительный свет на настоящий завод в миниатюре. Здесь была сосредоточена вся механическая часть и световая энергия всей крепости: динамо-машины двигались с такой головокружительной быстротой, что их полированные шкивы казались непо-

движными; газовые моторы вертелись бесшумно, гидравлические краны легко подымали на вершину скалы тяжелые башенки и их огромные орудия. Здесь же стояли различные станки, машины всевозможных видов, аппараты для набивания металлических, ружейных и пушечных патронов.

При одном взгляде на эти разнообразнейшие машины, могущественные и вместе с тем самые усовершенствованные, можно было понять глубокое различие между современной войной и войной минувшего столетия.

Между этой новейшей крепостью и древними крепостями Кормонтеня и Монталамбера такая же разница, как между фортами Вобана и римским лагерем. Наука,двигающаяся вперед гигантскими шагами, изменила за последние сорок лет все: морскую тактику, атаку и защиту крепостей, способ рекогносцировки и сообщения.

Крепость превратилась в завод, где физика, химия и механика создали самые усовершенствованные способы разрушения и защиты.

Человек двадцать стояло за станками и машинами среди передаточных ремней и многочисленных изолированных проводов, которые передавали во все уголки Мидуэя силу и свет.

Офицер, сопровождавший обоих спасшихся с «Макензи», отодвинул чугунную дверь, вошел в коридор и вдруг на перекрестке галерей исчез, взяв под козырек перед какой-то группой, вынырнувшей из темноты.

Четыре человека несли раненого с покрытым кровью лицом на носилках, а за ними шла молодая, высокая и стройная девушка, с красивым бледным лицом, окаймленным белокурыми волосами. Складка на лбу придавала ее лицу выражение скорби. Она была одета очень просто, вся в белом, а на ее маленьком переднике сестры милосердия, прикрепленном на плечах бретелями, выделялся миниатюрный красный крест. С белой лентой в волосах, отливавших золотом при электрическом свете, она производила впечатление сказочного видения.

Она ответила легким поклоном на приветствие трех остановившихся людей.

Выражение наивного удивления, появившееся в ее больших светлых глазах при виде незнакомых людей, которых она еще не встречала на своем утесе, придавало ее подернутому грустью взгляду невыразимую прелесть.

Спасшиеся с «Макензи» приятели были так поражены этим видением, что остановились и стояли до тех пор, пока она не исчезла в одной из боковых галерей.

– Это мисс Кэт Гезей, дочь коменданта, – серьезно заметил лейтенант Спарк в ответ на их немой вопрос. – Ее отец – душа крепости, а она – душа своего отца!.. Мы смотрим на нее здесь как на звезду, упавшую с неба среди нашего мрака, и нет ни одного человека в гарнизоне, который при бомбардировке не боялся бы за нее, больше чем за себя.

– Как мог ваш комендант осудить свою дочь на подобное

заточение? – оживленно спросил Морис Рембо.

Американский лейтенант ответил не сразу. Но опасаясь, чтобы его молчание не было истолковано этим незнакомцем как осуждение за нескромный вопрос, он медленно ответил:

– Майор Гезей овдовел только несколько месяцев тому назад: у него нет никого, кроме дочери. Миссис Гезей умерла в то время, когда ее муж был только что назначен комендантом на Гавайские острова. Он не мог отказаться от этого столь ответственного поста, а дочь его не хотела оставаться в Сан-Франциско одна. И он взял ее с собой. Кроме того, вам неизвестно, господа, что климат Гавайских островов превращает их в климатические станции, куда стремится вся знать Калифорнии. И мог ли майор Гезей подозревать, что он везет свое единственное дитя под эти адские выстрелы, направляемые теперь в нас проклятыми японцами. А теперь, господа, – прибавил он, помолчав немного, – будьте любезны идти за мной! Не следует заставлять коменданта ждать нас.

Через несколько шагов он остановился перед дверью, поднял и опустил тяжелый бронзовый молоток.

– Войдите! – отозвался суровый голос.

Квартира коменданта крепости Мидуэй представляла собой сводчатый каземат от шести до семи метров длины, на четыре метра ширины и уходящий на пятнадцать метров вглубь, под вершину скалы. Самая простая меблировка состояла, главным образом, из огромного письменного стола, стоявшего у стены и заваленного бумагами. Но при входе

Морис Рембо заметил на видном месте, в раме, портрет женщины, на плечо которой опиралась молодая девушка – ангел доброты и милосердия, только что встреченный ими.

На стене помещалась винтовка ли-метфорд, автоматический револьвер, а в углу, на лафете, митральеза Максима, совершенно готовая для наведения на берег.

Среди каземата, куда лейтенант Спарк ввел обоих молодых людей, стоял спиной к двери человек высокого роста, смотревший в узкую бойницу, тяжелую чугунную ставню которой он придерживал рукой.

Он разглядывал клочок океана, который был виден между двумя стенками амбразуры, высеченной в скале.

Когда он прикрыл амбразуру, откуда проникал маленький пучок света в глазок, предусмотрительно устроенный в толще металла, то при электрическом свете обнаружилось множество складок на его челе, впалые щеки и старательно приглаженные волосы с серебристым отливом. Жесткие и гордо закрученные усы выделялись белым пятном на румянном, энергичном лице, освещенном парой таких же голубых глаз, как и те, которые только что озарили темноту галереи.

Лейтенант Спарк протянул ему листок из памятной книжки, на котором он спешно делал отметки, удостоверяющие личности обоих спасшихся с «Макензи», и назвал их.

Майор Гезей разглядывал их несколько мгновений, бросил взгляд на протянутую ему бумажку и тотчас подошел к ним, протягивая руку с горячим и чисто дружеским радуши-

ем.

– Добро пожаловать в такую минуту, – сказал он. – Вы, лейтенант, вероятно, глубоко сожалеете о своем броненосце, а вы, милостивый государь, как принадлежащий к дружественной нации, везли нам машину, которая напоминала бы нам всем, что ваша родина всегда стоит во главе самых смелых нововведений. Я полагал, что никто не уцелел с «Макензи», о трагической гибели которого мы догадались издалека, в прошлую ночь, иначе я послал бы навстречу вам лодку с нефтяным двигателем, то есть единственную лодку, которой мы располагаем. О, эти японцы – страшные разбойники!.. А ведь для того чтобы внушить недоверие, перед нами был пример Маньчжурской войны, осада Порт-Артура, но все это не открыло нам глаза! К счастью, здесь я никогда не доверял!

Он говорил медленно, отчеканивая слова, указывая пальцем на висевшую на стене большую карту, где оба берега – Америки и Азии – были расположены друг против друга, разделенные ровным синим цветом Тихого океана, на котором несколькими ярко-красными пятнами были отмечены Гавайские острова.

Наклонением своего большого, сухого и костлявого туловища, напоминая старинные церемонные поклоны, комендант пригласил своих собеседников сесть и рассказать ему о гибели парохода и всех перипетиях их спасения.

Когда он узнал все подробности, то воскликнул:

– Это ужасно! Это начало беспощадной войны, и мы ее поддержим, убежденные в своей правоте, и особенно в своем могуществе, ибо в настоящее время не существует для народов каких-либо иных прав, кроме силы. Горе слабым и позор побежденным! – таково последнее слово цивилизации. К счастью, Америка за последние несколько десятилетий со времени войны с Испанией вступила на путь империализма. Она создала у себя могущественный флот, в чем ее упрекали все сторонники мира. Если бы она последовала за глупыми теориями гуманизма этих педантов и мечтателей, верящих во всемогущество фразы и в царство утопий, – что было бы с нами теперь?

Он рассказал молодым людям, что в ночь, предшествовавшую гибели «Макензи», он выдержал бешеную атаку роты японского десанта, которая могла бы высадиться в темноте совершенно незаметно. Но, к его счастью, неожиданный перерыв телеграфных сообщений в начале ночи вызвал у него подозрение. Через три часа перестал действовать беспроводный и электрический телеграфы, и эта одновременная порча аппаратов вместе с другими наблюдениями, сделанными в предыдущие дни, как то: суда, шныряющие взад и вперед в открытом море, миноносцы, подходившие к острову, не зажигая установленных огней, – побудили его удвоить бдительность.

Поэтому он удвоил караульные посты, следил, чтобы все входы были закрыты и крепость была защищена сама собой

своим глубоким рвом, обрывистыми скалами и своей неприступностью.

– Вы не стреляли, господин комендант? – спросил лейтенант Форстер.

– Мы дали несколько залпов из митральез у входа на подъемный мост и особенно сильную пальбу открыли в то время, когда нападающие отступали на суда. Они, вероятно, потеряли человек пятьдесят, но у меня не было возможности определить это в точности, так как они увезли своих убитых и раненых. Мы могли только на следующий день установить, что их попытка высадиться, была неудачной, по брошенному ими оружию и многочисленным кровавым пятнам, обнаруженным на скале.

– А бомбардировка?

– Бомбардировка началась только вчера, когда вы ее заметили. Если бы они начали ее раньше, то предупредили бы «Макензи» о грозящей опасности и вы могли бы, повернув на другой галс, сообщить об этом в Гонолулу.

– Вы полагаете, что Гонолулу не попал в их руки?

Майор Гезей сомнительно покачал головой.

– Все возможно, – сказал он. – Наша эскадра далеко; работы в Пирл-Харборе не закончены. Если японцы подступили к городу в достаточном количестве, то могли проникнуть туда без всякого сражения, рассчитывая впоследствии взять все недавно вооруженные форты, окружающие город. Впрочем, мы сами виноваты в том, что позволили желтолицым

обосноваться на наших островах. В продолжение целого года, еженедельно в Гонолулу прибывали суда, переполненные японцами. Можно было предвидеть, что они нас поглотят... И все эти эмигранты, вероятно, облегчили своим эскадрам их задачу... Здесь у меня нет никаких вестей – я отрезан от всего мира...

– Ах! – воскликнул Морис Рембо. – Если бы у меня был мой дирижабль!

– Вы правы, дорогой инженер, и, признаюсь, мы ожидали его с нетерпением, но больше для того, чтобы развлечься несколькими полетами, чем для извлечения пользы с военной точки зрения. Неужели вы действительно верите, что эта машина достигла такого совершенства и могла бы совершить такие дальние полеты? Известно ли вам, что отсюда до Гонолулу расстояние по прямой линии исчисляется в тысячу четыреста и около двух тысяч миль от Гонолулу до Сан-Франциско?

– Мой дирижабль делал во время опытов до семидесяти километров в час. Он держится целых два дня в воздухе, благодаря непроницаемой оболочке, изобретенной нашей школой аэростатики в Медоне. Если бы взять с собой сжатого газа, то он мог бы продержаться еще гораздо дольше: я добрался бы до Гонолулу в течение тридцати часов при такой хорошей погоде, какая держится в ваших местах.

На лице майора промелькнуло выражение изумления.

– Я верю вам, – сказал он. – К несчастью, все это не более

как мечта, ибо аэростат лежит на дне моря вместе с «Макензи» и воздушный путь закрыт для нас, как и все другие пути. Чудом является даже то, что вам удалось...

Он замолчал и, поднявшись, подошел к молодым людям. Пощупав платье сэра Арчибальда Форстера, он бросился к кнопке электрического звонка, находившейся на его письменном столе. Затем он сказал, как бы про себя:

– Я болтаю, заставляю вас рассказывать о ваших приключениях, не подумав о том, что вы промокли и истощены до изнеможения... Простите меня, – сказал он с самой изысканной вежливостью.

В дверях появился вестовой, держа руку у козырька.

– Томми, мисс дома?

– Точно так! Раненому лучше, и мисс в своей комнате!

Майор нажал на другую кнопку, и несколько минут спустя в углу каземата поднялась портьера, и появилось бледное, доброе лицо Кэт Гезей, вопросительно глядевшей на отца. По знаку отца молодая девушка вошла в каземат.

– Дитя мое, рекомендую тебе двух храбрецов, которым удалось спастись в прошедшую ночь после ужасного кораблекрушения и высадиться здесь, не подвергнувшись ни одному выстрелу – это так же чудесно, как спастись от японцев. Нужно приготовить для них завтрак как можно скорее – они умирают с голоду!

– Я предугадала ваше желание, и закуска готова!

– Твоему раненому лучше?

– Да! Доктор говорит, что раны в голову бывают или смертельны, или незначительны: раз он не умер от потери крови, он поправится через несколько дней!

– Он ранен вчера во время бомбардировки? – спросил Морис Рембо.

Он повернулся к ней, точно прося ее ответить непосредственно, так как был очарован ее необыкновенно мягким голосом, и ему хотелось услышать его еще раз.

– Кажется, в башне, там... – сказала она. – Но папа знает лучше меня...

– Да, это было в северной башенке, – сказал майор. – Правду сказать – необыкновенная рана: в течение нескольких секунд, когда с башни готовились дать залп из своих двух орудий, в нее неожиданно попал снаряд и разбился об ее стальную стенку, не причинив никакого вреда. Но сила удара была так велика, что висевший на крюке ключ, в виде болта, был сброшен. Он сыграл роль снаряда и поразил бедного юношу в затылок. Служба на этих башнях – невеселая штука, как говорите вы во Франции, господин инженер.

И старый офицер произнес последние слова по-французски. Отдаленный выстрел, затем второй, как бы подтвердили его слова. Почти вслед за этим очень близко послышался шум страшного взрыва.

Снова начиналась бомбардировка.

Майор Гезей поспешил приоткрыть тяжелую чугунную ставню и стал вглядываться в пространство.

– Они крейсируют с противоположной стороны, вероятно, надеясь найти там более доступный пункт. Они потратят там весь запас пороха и, опустошив свои крьюйт-камеры, вынуждены будут удалиться. При достаточном количестве съестных припасов и воды, здесь можно держаться месяцами и месяцами; я буду держаться целыми годами, если это понадобится.

Он закрыл бойницу и вернулся к своим гостям.

– Кэт ждет вас, господа, – сказал он, указывая на портьеру, за которой бесшумно исчезла молодая девушка. – Вы можете завтракать под снарядами так же спокойно, как великий король под сенью Версаля.

Великий король! Версаль! Это были воспоминания, воскресенные для того, чтобы приятно поразить слух француза.

После двух полных столь трагических событий ночей, пережитых Морисом Рембо, ему представилось, что он попал к старому аристократу, возвращаясь из Фонтенуа, и встретил там прелестную маркизу из салона супруги люксембургского маршала, озаряющую все вокруг светлым взором своих больших глаз.

Что касается лейтенанта Форстера, невольно дрожавшего от холода в своем мокром платье, то он решил, что казематы в Мидуэе очень сырые, и предпочел бы этому завтраку сухое платье и топящуюся печь.

Глава 4

Общая родина

Девушка первой обратила внимание на дрожавшего от холода американского лейтенанта и сказала, что ее гостям прежде всего необходимо сменить одежду.

Майор, извинившись, поручил лейтенанту Спарку отыскать для них в крепостных складах подходящее белье.

Через полчаса наши приятели появились в солдатской форме великой республики.

Этот импровизированный наряд был им очень к лицу, и они готовились поблагодарить коменданта крепости за быстро доставленные костюмы. Но, войдя в каземат, где был сервирован завтрак, они, пораженные удивлением, остановились у порога.

Они рассчитывали найти наскоро накрытый стол, скудный и спешно приготовленный завтрак, как это полагается на бивуаках.

Но их глазам представился роскошно сервированный стол, сверкающий хрусталем, уставленный великолепной посудой и изысканными блюдами. На обшитой чудным венецианским кружевом, вышитой скатерти было разложено старинное серебро с вензелями.

Но взоры гостей выражали нескрываемое изумление не

перед полной вкуса роскошью: их поразило изобилие растений, украшавших стол.

Как! Эти редкие яркие цветы, нежная листва, эти нежно-зеленые пучки злаков, покрывающих кружево – здесь, на бесплодной земле Мидуэя, на этой скале, где среди гранита нельзя было найти ни одного кубического метра поросшей зеленью земли!

– Ах! – не мог не воскликнуть француз.

– Право, дорогие гости, – обратился комендант к молодым людям, когда они уселись по обе стороны молодой хозяйки, – позвольте мне, пользуясь вашим изумлением, сказать вам, что моя дочь заслуживает это удивление больше меня. Это ей пришло в голову воспользоваться вашим кратковременным отсутствием и украсить стол так, как мы делаем это к празднику Рождества и во время некоторых семейных торжеств!..

– Но ведь это чудеса! – бормотал Морис Рембо. – Такой резкий контраст между пустынностью острова и этой роскошной растительностью!

– Вы думаете, каким образом эта богатая, роскошная растительность могла здесь завоевать себе право гражданства? Это дело рук моей дочери, гордящейся своим хозяйством и страстно любящей садоводство. При отъезде из Сан-Франциско, зная, что я ни в чем не могу отказать ей, она не давала мне покоя до тех пор, пока я не согласился нагрузить специально приспособленную парусную лодку нашим

богатым калифорнийским черноземом. Тотчас после приезда она устроила в специально защищенном уголке садик и теплицу, за которыми ухаживает с любовью. Я должен вам сказать, что вчера мне пришлось воспретить ей выходить в то время, когда бомбардировка перевернула все вверх дном на нашем правом фронте. Она собиралась выйти под предлогом, что ее висячие сады расположены на противоположной стороне!

– Не было никакой опасности, папа! Вам хорошо известно, что бедные растения требуют аккуратной поливки при закате солнца. Я страдаю их страданиями!

– Сударыня, – оживленно заметил молодой инженер, – если я могу рассчитывать быть чем-либо полезным на этом утесе, где вы находите возможным устроить маленький рай, то я горячо просил бы вас возложить на меня ежедневный труд поливки. Я также обожаю цветы и умею обращаться с ними, а ваши цветы так хороши!

– Если бы моя дочь могла высказать вам свои мысли так же откровенно, как передала их мне, – рассмеялся майор, – она сказала бы вам, что этим, быть может, излишним для завтрака в осажденной крепости, убранством она хотела отдать дань уважения вашей родине, господин Рембо! Я вам выражу эту мысль яснее в тосте, который с разрешения господина лейтенанта Форстера я провозглашу прежде всего.

И, встав, он поднял стакан очень высоко и сказал серьезным тоном, в котором слышалось волнение:

– Господин Рембо, я пью за наше общее отечество, за благородную, прекрасную Францию, богатую в своих стремлениях, деятельности и надеждах.

Затем он обратился к лейтенанту:

– Теперь, мой дорогой гость, пью за мою вторую, избранную мною, родину, за великую и прекрасную Америку, где мои предки два века тому назад породнились с вашими!

Лишь только старый офицер уселся, Морис спросил очень быстро, с блестящими глазами:

– Соотечественник? Следовательно, господин майор, мисс Кэт французского происхождения?

И молодой человек не сомневался в этом больше. Как он не угадал этого раньше?

Это был, несомненно, тип полковника одного из французских полков с фигурой старого солдата, твердой и решительной походкой, седыми закрученными вверх усами и сверкающими, веселыми, серыми глазами.

А эта прелестная девушка! Разве все не изобличало в ней француженку? В ней были и грация, тонкие черты лица, нежная привязанность, гибкая талия и чарующая прелесть.

Тем временем майор продолжал объяснять, что его предок, по отцу барон Клод Гезей, сражался рядом с Лафайетом во время незабвенной борьбы за независимость. Он был в дружбе с генералом. Они окончили одновременно гимназический курс в Клермоне. Их тесно связывало благородство души и любовь к приключениям. Они сражались оба в пер-

вых рядах при Йорктауне и Сарагосе.

Но когда генерал вернулся во Францию, где вел деятельную жизнь сначала в крепости Ольмюц, затем в качестве начальника парижской национальной гвардии в июле 1830 года, Клод Гезей не последовал за ним. Увлечшись девушкой из окрестностей Вашингтона, он навсегда поселился в молодой Америке.

– И мы стали родоначальниками, господин Рембо, но странное дело – в этой стране дельцов и промышленников мы сохранили военный дух, воинственные наклонности того Гезея, который служил при нашем короле Людовике Шестнадцатом. Если вам известна история последних шестидесяти лет этой страны, вы вспомните страницу, посвященную Роберту Гезею, прославившемуся вместе с союзниками в междоусобной американской войне. А также Симону Гезею, погибшему на одной из первых известных подводных лодок, так называемых «девис», взорвав на Потомаке союзный монитор. Мы лишились нашего баронского титула, так как дворянские титулы не играют никакой роли в нашем новом отечестве, но мы принадлежали к военной аристократии, ибо все мужские потомки Клода Гезея в продолжение двух столетий были военными или моряками. Один из моих братьев командует в настоящее время бронированным крейсером «Колорадо» и, быть может, случайно, во время начинающейся теперь войны, это судно – одно из прекраснейших в нашем флоте – будет крейсировать в водах Мидуэя. Дай

бог!

Глухой гул, сопровождаемый ударом с металлическим отзвуком, прервал старого офицера; взорвался на скалах японский снаряд, и один из его осколков задел чугунную ставню, закрывавшую единственную амбразуру каземата.

Морис Рембо вздрогнул и взглянул на молодую девушку. Она не пошевелилась.

Ее юная душа была уже закалена от страха перед опасностями, среди которых она постоянно находилась. Она была достойным потомком товарищей по оружию Лафайета. Молодой человек смотрел на нее взором, полным удивления и нежности. В душе внезапно зародилась симпатия к этой красивой полуфранцуженке, красота и изящество которой напоминали тонкие миниатюры XVII века.

Она озаряла этот мрачный каземат. И точно так же как взращиваемые ею цветы превращали несколько квадратных метров гранита в уголок райского сада, так и она своим присутствием преображала эту голую скалу. И не испытавшее еще страсти сердце Мориса Рембо билось в его груди ускоренным темпом, когда голубые глаза молодой американки случайно встретились с его глазами.

Гибель «Макензи», его разочарование при высадке на этот утес, представившийся ему невыносимым местом изгнания, утрата дирижабля, который только и мог дать ему возможность уйти отсюда, – все было забыто. Казалось, в душе нарождалась новая заря. Он не отдавал себе отчета в эту ми-

нугу, но все его проснувшиеся силы придавали его взгляду, движениям, разговору, такое оживление, веселость, что вызвали сдержанную улыбку на устах лейтенанта Форстера.

И, несомненно, этот последний, угадав все то, что происходило в душе его нового друга, хотел содействовать нарождающемуся счастью. Вот почему он, отозвав майора в сторону и коснувшись вопроса об империализме, затеял беседу о необходимости для Америки сухопутного войска, достойного ее флота, совершавшего кругосветное плавание.

Он не ошибся, предположив, что старый вояка не отстанет от него в этом вопросе и, страстно интересуясь вопросами вооружения и завоевания, даст возможность вести на другой стороне каземата иной разговор. Нет, не иной, так как тема разговора осталась без изменения. Молодые люди продолжали говорить о Франции и Америке. Но Морис Рембо был очень далек от обсуждаемого вопроса, и кто знает, что происходило в душе Кэт Гезей, в которой в силу атавизма проснулись смутные, неизведанные ощущения!

Несколько мгновений спустя девушка благодаря мягкой настойчивости собеседника стала гораздо откровеннее, чем была в продолжение завтрака.

Молодой человек заставил ее высказать свой взгляд на некоторые исторические вопросы. В отличие от многих молодых американок, происходящих от счастливых авантюристов, которые не могут, беседуя о своей родине, пойти дальше Вашингтона, мисс Кэт выросла на воспоминаниях о сво-

ей первоначальной родине. Для нее царствования Людовика XV и Людовика XVI казались событиями недавнего прошлого. Она совершенно не отдавала себе отчета, что от этих царствований ее отделяли могилы кровавой, малоизвестной ей революции, составляющей для многих французов первую страницу истории. Эту страницу они изучают с большим вниманием и любовью, чем историю былой монархии.

Она не ушла дальше летописей французского двора, поэзии Оссиана, идиллий Бернарден де Сен-Пьера и картин Греза. Прочно связанная с прошлым, которое она изучила по семейным архивам гораздо лучше, чем современную историю своей новой родины, Кэт мало-помалу отважилась завести разговор о славных делах Франции, Крестовых походах и Людовике Святом, Жанне д'Арк, герцоге Бургундском и плеяде золотого века.

Морис Рембо слушал ее с восторгом, убеждаясь в ее серьезном и разностороннем образовании, прочно установившемся вкусе, любви ко всему прекрасному и великому. Он благословлял случай, забросивший его на одну из скал далекой Полинезии, чтобы найти скрытое здесь сокровище.

Майор окончил свою беседу.

– Кэт занимает вас своей болтовней, господин Рембо... Она говорит, конечно, о Франции, о «милой Франции», как говорили в старину. Я обещал поехать с ней в Париж, когда меня уволят от командования крепостью! Бог знает, когда это будет, ввиду начинающихся у нас ужасов войны!

Девушка, покраснев, прервала разговор. Инженер стал с увлечением, чувствуя на себе насмешливый взгляд Форстера, выражать удовольствие, доставленное ему этой беседой, и в эту минуту раздался резкий, нервный и нетерпеливый стук в дверь.

Не дождавшись ответа, стучавший вошел в каземат.

Это был человек исполинского роста с утомленным лицом, с длинными усами, напоминающий средневековых всадников, так картинно изображаемых на гравюрах. При нем была шпага, револьвер на перевязи и на голове шляпа, которую он не успел снять.

– Господин комендант! – сказал он.

Но майор Гезей встал и с изысканной вежливостью промолвил:

– Господа, позвольте вам представить моего старшего офицера, капитана Бродвея.

– Господин комендант, – начал вновь прибывший, – простите мое неожиданное вторжение. И вы, мисс Гезей, также...

Он не мог говорить от сильного волнения.

– Вы принесли дурные вести, Бродвей? Наши башни, вероятно...

– Очень дурные вести! Но дело идет не о башнях... Водохранилище опустело...

– Каким образом... – говорите!

– Опустело, комендант! Опорожнено в эту ночь... Это,

несомненно, новый удар со стороны этих проклятых япошек... И совершенно непонятно, каким образом выпущена вода...

– Как? Непонятно?

– Я входил в воду, искал... Потеряв надежду найти причину, я пришел предупредить вас.

И в самом деле, ноги офицера промокли до самых колен и с его рукавов, которые, вероятно, были погружены в воду, она струилась на паркет.

Лицо майора сразу побагровело, и он бросился из комнаты, а вслед за ним ушел и лейтенант Форстер.

– Боже мой! – воскликнула, бледнея, девушка. – Это самое тяжелое бедствие, которое может нас постигнуть!

Морис Рембо собирался уходить, но трогательное замечание Кэт удержало его у самого порога.

– Это был, вероятно, весь запас воды, мисс?

– Да, и отец говорил еще вчера, что едва ли удастся пароходам-водоемам теперь дойти сюда из Гонолулу... Наши резервуары были наполнены дождями в марте и апреле... Теперь пройдет восемь месяцев без дождя... Что будет с нами?

– Я иду к вашему отцу и тотчас вернусь сообщить вам обо всем... Мисс, я надеюсь, что эта беда поправима...

– Помоги, Боже! – сказала она, сложив руки.

Прислушиваясь к удалявшимся шагам, Морис Рембо догнал своих товарищей.

Пройдя по двум коридорам, расположенным под прямым углом, он спустился за ними по высеченной в скале лестнице с железными перилами, заделанными в гранитную стену и освещенной кое-где лампочками в виде ночников.

Последний коридор открывался у подножия лестницы и оканчивался массивной и низкой дверью под широким сводом, облицованным глазированными кирпичами: он был высотой ровно в рост человека.

Два больших, параллельно расположенных бассейна от восьми до десяти метров длиной и от трех до четырех метров шириной тянулись под этим обширным сводом.

Гладкий и еще влажный бетон, покрывавший бассейны, был через известные промежутки пересечен фильтрующими решетками, через которые должна была проходить вода, собранная на поверхности острова при помощи искусной канализации.

Один из бассейнов был совершенно пуст; в другом еще было некоторое количество воды, между тем как в бассейне обыкновенно находилось воды на три метра.

– Но куда же уходит вода? – воскликнул майор, дрожащим от волнения голосом.

Морис Рембо быстро осмотрел пустой бассейн: в одном из углов он увидел уходящую в бетон белую рукоятку, которая цветом и покрывавшим ее слоем ничем не отличалась от бетона.

В одну минуту молодой человек вскочил в другой бассейн, из которого понемногу продолжала уходить вода.

Он нагнулся, ощупал, погрузил руки в воду, спустя мгновение выпрямился и сказал:

– Унял течь!

– Каким образом? Где?

И голос майора Гезея становился все более сдавленным.

– Дайте, пожалуйста, руку, Арчибальд, помогите вылезти отсюда...

Но капитан Бродвей уже протягивал молодому французу свою огромную руку, и эта рука сильным движением вытянула молодого человека без видимого усилия из импровизированной купели.

Весь мокрый Морис Рембо привел всех присутствовавших к углу пустого бассейна, где он нашел рукоятку-кран...

– Инженер, строивший эти бассейны, – сказал он, – умышленно устроил в каждом из них большое отверстие, которое можно открыть при помощи пробки, снабженной рукояткой. Смотрите: она покрыта белой эмалью; медная была бы слишком заметна. Кроме того, обе рукоятки были, вероятно, до сдачи работ и до наполнения бассейна погружены в какую-то белую мастику для того, чтобы они совершенно не были за-

метны.

– Ведь это строил японский инженер! Но кто же мог повернуть рукоятку и открыть свободный выход для воды? – спросил майор.

Никто не ответил на этот вопрос, но ответ был у всех на устах: только изменник, шпион, японец, следовательно, докончил дело, подготовленное строителем.

– Негодяй, совершивший это, вынужден был окунуться в воду, имеющую три метра глубины, – заметил капитан Бродвей. – Эта улика может послужить основанием для расследования и поможет отыскать виновного.

Но лейтенант Форстер, подойдя к углу бассейна, в который только что лазил его друг, показал лежащий на дне длинный железный стержень, представляющий на одном конце ключ, а на другом оканчивающийся крестом.

– Негодяю не было надобности лезть в воду, – сказал он, – вот ключ, которым он пользовался для того, чтобы открыть трубы. Затем он избавился от него, бросив сюда... Все было предусмотрено заранее...

Майор Гезей был глубоко поражен. Он спросил еще раз:

– Уверены ли вы, что уняли течь?

На этот вопрос ответили молчанием. Нужно было несколько минут наблюдения по сделанным на бетоне меткам, для того чтобы убедиться в неизменности уровня воды.

Когда это было констатировано, комендант спросил:

– Памятная книжка у вас, Бродвей?

– Есть.

Майор Гезей с большим усилием старался сохранить спокойствие.

– Пишите цифры, которые я вам продиктую, – это размеры бассейнов, сохранившиеся в моей памяти: тридцать футов один дюйм и тринадцать футов восемь дюймов; глубина воды, по вчерашнему рапорту, равнялась восьми футам трем дюймам. Вычислите мне скорее нормальную вместимость – эта цифра ускользнула из моей памяти. Вычисляйте скорее, Бродвей!

Великан, рука которого дрожала, неловко водил карандашом, вычеркивал, снова начинал писать, и майор нетерпеливо взял из его рук книжку.

– Это больше по вашей специальности, молодой человек, – сказал он нервно, подавая Морису Рембо книжку, – нежели нашего старшего офицера: притом он слишком взволнован для того, чтобы делать какие-либо вычисления.

– Вы хотите знать вместимость обоих бассейнов?

– Да, в галлонах.

– Ваш галлон равен четырем с половиной наших литров?

– Я знаю, что он равен нашим восьми пинтам³, а единица ежедневного потребления воды равна галлону.

Молодой человек быстро писал карандашом.

– Каждый бассейн, – сказал он, – вмещал немного более двадцати тысяч галлонов, или девяносто тысяч литров.

---

³ Пинта – 0,56 л.

– Значит, в двух резервуарах у нас был запас воды в сорок тысяч галлонов. Если считать по одному галлону на человека в день, то воды хватило бы на триста дней. Сколько же осталось теперь?

Это был мучительный вопрос.

Появился какой-то сержант. Ему было поручено принести деревянный шест и метр из мастерской. Когда он вернулся, инженер тщательно вымерил глубину оставшейся воды. Ее было меньше, чем предполагали – не более полутора футов!

– Здесь не более трех тысяч двухсот галлонов, то есть четырнадцать тысяч пятьсот литров – объявил через мгновение инженер.

– На сколько же дней хватит воды для гарнизона в сто сорок человек?

– На двадцать три дня!

Эти роковые слова раздались среди общего молчания. При ярком свете, падавшем со сводов, в воде отразились грустные лица.

Майор Гезей, точно загипнотизированный этим отражением, хранил молчание.

Оно было нарушено Бродвеем.

– Нам не хватит воды и на двадцать три дня, – сказал он, обращаясь к коменданту. – Некоторые машины не выносят морской воды; ацетиленовые генераторы и другие требуют пресную воду, трех тысяч двухсот галлонов еле хватит на две недели.

Морис вспомнил о цветах мисс Кэт, которые также требовали поливки и не могли довольствоваться морской водой.

– Мы сократим ежедневное потребление воды, – сказал майор. – Нужно держаться до прихода нашей эскадры.

– Наша эскадра не прибудет сюда ни через две недели, ни даже через двадцать, ни через двадцать пять дней. Всякое сообщение с континентом отрезано, и я не понимаю, каким образом она может прийти на помощь Мидуэю в такой краткий срок?

Это были слова лейтенанта Форстера, и так как на это не нашлось серьезного возражения, то воцарилось глубокое молчание.

Пришел лейтенант Спарк, также очень взволнованный.

– Господин комендант, – сказал он, – я уверен, что это дело рук этого негодяя Нарвона...

– Нарвона? Повара?

– Да! У него был доступ к бассейнам по условиям его службы и уж в самом начале расследования я узнал, что он брал несколько раз, в том числе и вчера, ключ от железной двери под предлогом осмотра водопроводной трубы, идущей от резервуаров в его кухню...

– Есть еще одна улика, – сказал капитан Бродвей, – это его близость с телеграфистом, исчезнувшим накануне первой бомбардировки.

– Наденьте на Нарвона кандалы и немедленно общите его вещи, – сказал майор. – Если он будет уличен в преступ-

лении, то должен быть тотчас расстрелян. Это событие напомнило мне, что до сих пор у нас не установлено еще военное положение. Я издам приказ о назначении членов военного суда. Вы будете назначены председателем, господин Бродвей!

Великан поклонился, но лейтенант Спарк недоверчиво покачал головой:

– Нарвон исчез в эту ночь, господин комендант. Его помощник, с которым я только что беседовал, не видел его со вчерашнего дня и совершенно не знает, куда он девался.

– Он не покинул остров и, вероятно, скрывается среди скал, расположенных вдоль берега. Нужно немедленно послать патруль...

– Мне кажется, что вы не найдете его, – вмешался старший офицер с «Макензи». – В последнюю ночь, когда мы с моим другом Морисом с нетерпением ожидали за первым рядом скал восхода солнца, мы слышали характерный стук падающего в воду тела. Это был, вероятно, ваш Нарвон, знавший по ему одному известным приметам, что на близком расстоянии проходил японский миноносец или обыкновенная лодка, и он рассчитывал добраться до них вплавь.

Морис Рембо жестом подтвердил его слова.

– Значит, мы окутаны настоящей сетью шпионов? – воскликнул майор, слишком долго сдерживаемое раздражение которого наконец вспыхнуло.

– Да, всюду измена, господин комендант, – сказал капитан

Бродвей. – У япошек это самое любимое средство и самое опасное для нас.

– Таким образом, в один прекрасный день мы можем быть свидетелями, как перестанут действовать наши башенки, пушки не будут стрелять, и электричество вдруг потухнет.

Старый офицер нервно провел рукой по седым волосам, сделал несколько шагов и остановился, скрестив руки:

– Господа! – сказал он. – Наше положение стало в несколько минут гораздо серьезнее, чем вчера. Необходимо, чтобы это отозвалось на дисциплине. Американские войска отличались до сих пор от европейских некоторой небрежностью по отношению к службе, излишней фамильярностью между офицерами и солдатами и большим равнодушием к выправке и аккуратности. Вы согласитесь со мной, что это направление необходимо изменить. Недостаточно говорить, что «при храбрости и припасах можно держаться под защитой крепостного вала бесконечно», – нужен еще строго установленный надзор, необходимы подробные отчеты о всяком событии, нужна абсолютная субординация по рангам... Я буду требовать этого от всех, начиная с сегодняшнего дня.

Затем, подойдя снова к резервуару, он сказал:

– На две недели воды! Подумайте, господа, что через две недели я буду вынужден сдать Мидуэй. Отдать Мидуэй!

Это предположение показалось ему таким невероятным, что он расхохотался тем хохотом, под маской которого силь-

ные люди часто скрывают слезы.

Он подошел к Морису Рембо, положил руку на его плечо и, как бы приглашая его в свидетели, сказал, отчеканивая слова:

– В нашей истории, мой дорогой соотечественник, выделяется одна благородная личность – это Баярд, рыцарь, верный своему долгу и королю. Я хочу, как и он, быть без страха и, главным образом, – без упрека. И так как судьбе угодно было закинуть меня сюда, на эту передовую линию наших островов, то я буду защищать до последней капли крови укрепления, вверенные мне судьбой и американским народом. Прежде чем сдать Мидуэй, его пушки, уголь и мою честь вдобавок, я сожгу уголь и взорву все остальное.

Капитан Бродвей и лейтенант Спарк поклонились в знак сочувствия.

– Располагайте мной, господин комендант, – сказал тогда лейтенант Форстер. – Я, несомненно, предпочел бы сражаться на моем чудном броненосце «Коннектикут», но нужно покориться судьбе. Мидуэй представляет собой судно, бросившее якорь в Тихом океане лицом к лицу с неприятелем. Мы взорвем это судно, когда прикажете.

– А вы, дорогой соотечественник, – обратился старый офицер взволнованным голосом к Морису Рембо, глядя ему в лицо. – Каковы ваши намерения? Ваши знания как инженера могут очень пригодиться нам, хотя бы для уничтожения этого огромного склада угля, прежде чем взорвать крепость.

Мы располагаем двумя неделями для подготовки и выполнения этой работы, состоящей частью в потоплении, частью в сожжении наших толстых слоев угля. Вы принадлежите к стране, остающейся нейтральной и которая поэтому, очевидно, пожелает остаться нейтральной и в этой войне. Поэтому вы имеете право быть и здесь нейтральным. Какую роль вы решили играть у нас?

– Я уверен, что вы знаете вперед мой ответ на ваш вопрос, – сказал молодой человек, крепко пожимая протянутую ему руку. – Я не позволю себе стать очень близко к вам, так как это было бы дерзостью, но хочу всегда быть подле вас, точно так же, как ваш прадед находился всегда около Вашингтона.

– Я так и знал, дорогой соотечественник... Мы докажем, что наши отцы передали нам некоторые военные доблести и между ними чувство чести, доходящее до самопожертвования. У нас имеется до трехсот тысяч фунтов пороха в двух складах: это больше, чем нужно для уничтожения целого города. Не возьметесь ли вы распределить в подходящих местах и соединить между собой минные камеры, которые вознесут Мидуэй в царство звезд? Я прошу даровать мне честь заечь все это.

И когда молодой человек ничего не ответил, он продолжал:

– Быть может, вы возьметесь уничтожить уголь? Это важное дело, важнее всех других. Оставить в распоряжении

японцев огромное количество угля, собранного здесь нашим адмиралтейством под защиту наших пушек, это значит дать их эскадре возможность сжечь Сан-Франциско.

У Мориса Рембо исчезла вся его уверенность, подсказавшая ему первый ответ Гезею. Его глаза избегали взгляда майора, чувствовавшего, как в его руке слегка дрожит рука юноши...

– Ну-с, что же, господин Рембо?

– Господин комендант, – пробормотал молодой человек, – а мисс Кэт?

Лицо старого воина приняло скорбное выражение.

Он ничего не ответил, точно его поразило неожиданное несчастье.

Весь погруженный в сознание своего долга и ответственности, он забыл на минуту свое прелестное дитя, которое он любил больше всего на свете, и ему напомнил о ней этот чужестранец, человек, познакомившийся с ней только несколько часов тому назад...

В эту самую минуту открытая маленькой ручкой железная дверь заскрипела на своих петлях и показалась красивая головка Кэт.

Ее большие глаза газели, отуманенные грустью, вопросительно переходили с отца на присутствовавших офицеров.

– Папа... извини, я не могла дождаться... Что случилось?..

– Ах, бедное дитя! – И для того, чтобы скрыть слезу, упав-

шую на его седые усы, он подошел к ней и поцеловал ее в лоб. – Пойдем, – сказал он вполголоса. – Я расскажу тебе там все...

Овладев собой, он повернулся у тяжелой двери и сказал:

– Решено, господа, мы исполним свой долг до конца...

Ответом был глухой взрыв японского снаряда.

Глава 5

Проект инженера

Морис Рембо вышел из помещения водоемов и отправился в машинное отделение, потрясенный промелькнувшим перед ним призраком несчастья.

Он прочитал множество драм, где долг боролся с чувством, и свыкся с мыслью, что такие положения встречаются только в воображении романистов. Но судьба столкнула его лицом к лицу с подобной борьбой, где долг требовал от чувства величайшей и самой тяжелой жертвы.

Майор Гезей страстно любил свою дочь. Она была для него всем. С ней он переживал все моменты прошлого, когда оно не было посвящено его служебным обязанностям.

Достаточно было увидеть, с какой бесконечной любовью он смотрел на нее, чтобы понять, что в этой прелестной девушке была сосредоточена вся его любовь, согревавшая старческое сердце служаки.

Какой печальный взгляд бросил он на нее только что, и какие подавленные рыдания слышались в его последних словах, обращенных к своим товарищам по оружию!

«Он исполнит свой долг до конца» – этот несчастный отец, но какой ценой!

Морис Рембо вздрогнул при одной мысли о старике, точ-

но пришибленном под бременем тяжелой судьбы. Он признавал, что так живо сочувствовал горю отца Кэт потому, что оно отражалось в его душе с удивительной остротой.

Все содействовало тому, что эта девушка была окружена в его глазах поэтическим ореолом: одиночество, опасности, ее происхождение, взлелеянные ею цветы и что-то сохранившееся в ней в виде грации и изящества француженки старых времен.

Напрасно молодой человек уверял себя, что заявление майора Гезея относилось к числу тех, которые не доводятся до конца, потому что покупаются ценой многочисленных человеческих жизней.

Но все, что ему было известно об этом энергичном воине, его предках и прошлом, опровергало его оптимистический взгляд.

Комендант Мидуэя не принадлежал к практическому и эгоистическому поколению своего времени. Это был смельчак, который не остановится перед безумным геройством, примерами которого полна история старой Франции.

Самое большое, что он может сделать – это постараться избавить свою дочь от ужасной катастрофы, которая превратит Мидуэй в разрушенный вулкан. На острове находилась моторная лодка; отец, несомненно, потребует, чтобы она выехала на ней в открытое море во избежание последствий страшного взрыва. Но согласится ли она?

И молодой человек ответил отрицательно на этот мучи-

тельный вопрос.

В глазах Кэт рядом с мягкостью и умом сверкала большая решимость. Она не захочет пережить катастрофу, первой жертвой которой падет ее отец, не захочет тем более пасть живой в руки японцев.

В эту трагическую минуту она почувствует себя француженкой, но не скажет словами молодой пленницы:

О смерть, подожди! уходи! уходи!
Не все погибло для меня.

Эти стихи были ей чужды. Она пожелает разделить участь своего отца и своих цветов.

«Хорошо! – подумал Морис Рембо, придя к такому заключению. – Мы умрем все вместе! И постараюсь быть около нее в последнюю минуту... Если бы ее рука лежала тогда в моей руке!...»

Эта мысль заставила его вздрогнуть. Любовь наполняла его душу с такой же быстротой, с какой в прошедшую ночь море наполнило трюм на «Макензи». Ужасная драма, совершившаяся на его глазах, изгладилась из его памяти. Он говорил себе с некоторым удовольствием: «Мне предстоит провести около нее две недели. Если бы она могла полюбить меня, то эти две недели стоили бы целой жизни!»

Два залпа больших крепостных орудий прогремели с вершины форта, не прервав грез молодого человека. И только

вошедший лейтенант Спарк вернул его к действительности.

– Положение не может быть таким отчаянным, как полагает комендант. Разве у нас не имеются здесь в достаточном количестве жизненные и боевые припасы? Разве мы не можем построить машину для дистиллирования воды и сделать ее годной для употребления?

Заметив, что молодой француз слушает его рассеянно, он обратился к мастеровому, следившему за ходом сверлильной машины.

– Скажите, Кердок, – промолвил он, – не можете ли вы устроить нам прибор для дистиллирования?

Невзрачный человечек представлял резкий контраст с его широкоплечими товарищами атлетического сложения. Смуглый, с черными, как смоль, волосами, маленькими, глубоко сидящими в своих орбитах глазами, Кердок ответил быстро, не переставая поворачивать кусок металла, разрезаемый стальными лезвиями:

– У нас не хватит труб, лейтенант.

– Как? А та, которая вела в пустую цистерну и не нужна теперь?

Мастеровой покачал головой:

– Прибор... здесь приготовленный... не даст много воды... сразу.

Лейтенант Спарк снова подошел к Морису Рембо.

– Под вашим руководством, – настаивал он, – Кердок легко устроит прибор подобного рода. Допускаете ли вы воз-

возможность этого устройства? Кердок – очень сведущий механик, лучший в мастерской.

Инженер в ответ на эти слова ограничился неопределенным жестом, бросив рассеянный взгляд на рабочего.

– Смешная фигура, не правда ли? – сказал тихонько лейтенант. – Он явился сюда из Канады, помесь индейца с португальцем. Кого только нет в нашей армии!

Скрестив руки, он остановился перед французом и сказал:

– Нет, не может быть, чтобы комендант был доведен до крайности, о которой он говорил сейчас. В ту минуту, когда вы напомнили ему о мисс Кэт – и я хотел сделать то же самое... Невозможно, не правда ли, чтобы эта чудная девушка была принесена в жертву... От нас этого требует наша служба, но она... она...

В одном этом слове «она» уже изощренное чутье Мориса Рембо подсказало ему скрытое обожание.

Безмолвный червячок, влюбившийся в звезду! Он наморщил лоб. Это открытие причинило ему острую боль. Его страдания усилились.

Но разве можно было допустить, что эта прекрасная девушка, озаряющая своей красотой мрачные коридоры крепости, не взволнует чье-либо сердце, не возбудит поклонение многих?

Он направился в предназначенный для него каземат и бросился на кровать. Но он не мог уснуть и, ворочаясь с боку на бок, охваченный лихорадочным волнением, машиналь-

но поднялся и направился к своей одежде, разложенной для просушки на стульях.

Не лучше ли переодеться и сбросить эту форму, в которой он ничем не отличался от остальных защитников Мидуэя и походил на Спарка?

В боковом кармане он нащупал свой бумажник, тяжелый бумажник, набитый не банковскими билетами, которых у него никогда не было, а набросками, чертежами и вычислениями по аэростатике.

Он подумал, что многие бумаги, имеющие для него особенно важное значение, попорчены морской водой, которая совершенно уничтожит на них буквы, если он не поспешит высушить бумаги. Он развернул их с большой осторожностью, разложил на столе и вдруг радостно вскрикнул.

На одной из них он увидел очень подробный чертеж, сделанный китайской тушью и поэтому не попорченный водой. Он представлял собой аэроплан и расплылся только в тех местах, где были красные чернила. Это был не тот аэроплан с тяжелым коробкообразным стабилизатором, как задумали первые французы – Фарман, Делагранж и Вуазен, осуществившие чудо-полеты людей.

Это не был также гениальный биплан знаменитых братьев Райтов с их чудесными опытами – но аэроплан, напоминавший своей конструкцией, изгибом и формой крыльев птицу, первые модели которого были демонстрированы Блерио и Латамом во время известного конкурса в Реймсе, давшие

го несколько лет тому назад такой сильный толчок авиации. Этот аэроплан напоминал гигантскую стрекозу.

Крылья его, изображение которых лежало перед Морисом Рембо, представляли две расположенные друг над другом плоскости, из которых одна выдавалась над другой и соединялась с нею на двух третях длины крыла.

Молодой человек довольно долго рассматривал чертеж, представлявший результат двухлетней работы. Затем он отыскал другой чертеж, изображавший тот же прибор в профиль и дававший разрез по краю крыла.

Погруженный в свои размышления, он долго разглядывал его.

Вдруг он выпрямился, точно его озарило какое-то вдохновение, и быстро спустился в машинное отделение. Он разложил оба чертежа на станке, где работал мастерской, имя которого он запомнил...

– Кердок, – обратился он по-английски, – вам известно, что это изображает?

Метис рассеянно взглянул на чертежи и украдкой, молча посмотрел на Мориса Рембо.

– Вы не имеете никакого представления об этом?

Рабочий снова помолчал, наконец ответил, не поднимая головы.

– Механическая птица... я знаю. Я видел подобную птицу в Квебеке в прошлом году... на конкурсе авиации...

– Вы сведущи по вопросам, касающимся двигателей?

– Я работал пять лет над автомобилями.

– Видите, вот эти изогнутые ребра сделаны из металла – алюминия или стали за неимением алюминия. Найдется ли здесь тавровое железо?

Утвердительный кивок был единственным ответом метиса, по-видимому, не любившего многословия.

– Не знаете ли вы еще: есть ли в Мидуэе подобное полотно, покрывающее крылья?

– Это относится к хранителю пакгауза. Я не знаком с пакгаузом.

– В таком случае оставим вопрос о полотне. Займемся остовом! Считаете ли вы возможным соорудить его под моим руководством?

Метис взял чертежи, рассматривал их близко и долго, с видом знатока, затем сказал быстро:

– Для чего это нужно?.. Летать?..

– Понятно! Для чего же другого я стал бы строить этот прибор?

– В самом деле летать?

– Ведь я же сказал вам!.. Этот род аэроплана испытан. Я видел его модель, хуже этого, – державшуюся в воздухе тридцать часов.

Маленькие глаза метиса впились в молодого человека, точно они хотели убедиться в верности такого категорического утверждения.

– Тридцать часов! – повторил он. – А какова его скорость?

– Семьдесят морских миль в час... Девяносто при благоприятном ветре...

Легкое движение мускулов лица выдало удивление молчаливого собеседника.

Он взглянул еще раз на чертеж и остановил вращение куска стали, который он сверлил.

– Вы хотите построить этот аэроплан... здесь?

– Да!

– И летать?

– Я сказал вам...

– Для того чтобы покинуть Мидуэй?

– Конечно, не для того чтобы кружить вокруг...

– Нужен будет мотор!

– У меня есть...

– Во сколько сил?

– Восемьдесят лошадей.

И снова испытующий взгляд метиса остановился на молодом французе; загадочный человек был, очевидно, заинтересован. Он стал опять рассматривать чертежи.

– Ваши крылья подвижны?

Этот вопрос очень удивил инженера. Он обнаружил довольно большие познания в области аэронавтики, потому что искривление крыльев, подвижность их опорных плоскостей установили превосходство аппаратов Райта во время авиационных конкурсов.

– Да, – ответил Морис Рембо, – искривление крыльев на-

чинается на третьем пролете и производится при помощи тяги.

– Где же руль высоты?

– Его нет; руль направления самостоятельно исполняет его функцию, перемещаясь в вертикальной плоскости. Если повернуть рычаг тяги вперед или назад, то руль направления даст искривление плоскости вверх или вниз.

– В таком случае им может управлять один человек?

– Строго говоря, да; если бы не нужно было следить за двигателем.

– На сколько человек рассчитан аэроплан?

– На двоих. Было бы неблагоразумно отправляться одному в такой далекий путь, но три человека перегрузили бы его.

Помолчав, метис продолжал:

– У вас есть мотор?

– Я уже сказал вам.

– Он находится в лодке, которую вы оставили на берегу?

– Да!

– Он, вероятно, испорчен: в то место попало много снарядов.

– Надеюсь, что он не пострадал... Лодка была защищена со стороны моря большой скалой.

Морис Рембо все более удивлялся вопросам, сыпавшимся на него. Этот рабочий, сведущий в аэропланах, без сомнения, не был обыкновенным рабочим. Если зародившаяся в

голове инженера мысль и могла быть осуществлена, то только при помощи этого рабочего. Но Рембо не мог поделиться с комендантом этой замечательной идеей, прежде чем не убедился в наличии средств для ее осуществления.

– Скажите, – настаивал он, – считаете ли вы возможным построить этот корпус при помощи тех средств, которыми вы располагаете?

– У нас есть все, что нужно.

– Можно ли построить его в продолжение трех – не более четырех дней?

Метис покачал головой.

– Сколько у вас здесь слесарей?

– Двенадцать!

– Этого более чем достаточно, если работать день и ночь.

Кто из них состоит мастером?

– Я!

– Отлично! Хотите работать со мной над изготовлением аэроплана?

– Я согласен, – ответил метис, подумав, – но с условием...

– С каким условием?

– Чтобы лететь вместе с вами...

Ясность, решимость и странность этого ответа еще увеличили удивление молодого француза. Ему были известны некоторые черты американских солдат и рабочих. Он знал, что солдаты малодисциплинированы, а рабочие относятся с пренебрежением к начальству. Но ему не приходилось стал-

киваться с подобным типом рабочего, подчиненного военному регламенту, занимающего ответственный пост в крепости и тем не менее ставящего свои условия, прежде чем согласиться работать для общего блага.

Он решил, что только комендант крепости имеет право ставить и принимать подобные условия, и уклонился от ответа на просьбу мастера.

Когда ему пришла мысль построить аэроплан своего образца, чтобы добраться на нем до одного из островов Океании, откуда можно было бы телеграфировать в Америку о положении Мидуэя, он и не подумал о шофере, который должен его сопровождать. Но вопрос этот неизбежно должен был возникнуть, так как он не мог ехать один. Быть может, ниспосланный Провидением механик был бы очень полезен, но этот человек не менее нужен крепости для некоторых необходимых исправлений во время защиты. И Морис Рембо не мог прийти ни к какому решению относительно этого рабочего.

– Моя роль здесь ничтожна, – сказал он, – я поговорю с комендантом о моем проекте. Он сделает распоряжения относительно вас.

Индеец махнул рукой, точно говоря: «Делайте как хотите». Его маленькие глаза, на минуту блеснувшие оживлением, потухли под опущенными ресницами, он надел передаточный ремень и принялся за работу.

Морис Рембо очутился перед дверью, на которой была

надпись: «Комендантское управление».

Он легко отыскал его среди лабиринта лестниц и коридоров, постучал два раза бронзовым молотком и машинально толкнул дверь, не ожидая ответа.

Дверь тотчас подалась, и молодой человек, углубленный в свой проект, сделал уже несколько шагов, но отступил, кланяясь и робко бормоча слова извинения. Кэт Гезей была в конторе и стояла за стулом сидевшего здесь майора. Она обняла его за шею и, нагнувшись к нему, казалось, шептала слова утешения.

Увидев вошедшего инженера, она выпрямилась и попробовала скрыть свое смущение под слабой улыбкой.

Морис Рембо стал в замешательстве повторять свои извинения.

– Сударыня! Комендант! Я позволил себе... я нашел, кажется, средство для спасения... И я не мог побороть желание поделиться с вами сейчас же... Вы позволите?

Майор встал и повернулся к молодому человеку, стараясь скрыть следы своего волнения.

Но выражение глаз выдавало его настроение.

Старый солдат плакал.

При виде трогательной картины привязанности этих двух избранных натур, этой Антигоны с небесными глазами, овладевшей его душой безраздельно, молодой человек мгновенно пришел в себя.

Так как вдохновившая его мысль могла спасти обоих, то

он готов был потратить на это всю свою энергию. Он развернул чертежи на столе майора и изложил свой проект в коротких, категорических выражениях. Если ему дадут необходимых рабочих, он берется построить в одну неделю аэроплан, детали которого старательно им изучены. Когда аппарат будет готов, он уверен, что достигнет на нем скорости от 150 до 180 километров в час и таким образом в один день доберется до Гонолулу или другого пункта, откуда можно было бы телеграфировать в Сан-Франциско обо всем, что ему прикажут.

Когда он окончил свой доклад, отец и дочь обменялись долгим взглядом. У обоих родилась одна и та же мысль: идея очень смелая, но химерическая – они считали этот проект безумным.

Молодой француз действительно принадлежал к числу живущих утопиями мечтателей, которые еще встречаются на озаренном солнцем Провансе, где поют кузнечики и подвизаются Тартарены.

Если он действительно происходил, по его словам, из Лотарингии – родины уравновешенных и черствых французов – то в числе его предков, вероятно, находился какой-нибудь родственник Сирано XVII века, написавшего «Иной мир», где он поразил своих современников рассказами о фантастическом путешествии на летательной машине в «страну птиц».

– Мой дорогой инженер, – начал майор. – У вас доброе

сердце, и я не сомневаюсь, что ваш аппарат, основательно построенный, мог бы совершать далекие полеты. Но прежде всего, понадобятся недели, месяцы, быть может, для того чтобы довести его до конца. Притом вы попали в Мидуэй, в самый уединенный уголок земного шара. Ближайший остров, на который вы могли бы спуститься, находится на расстоянии тысячи миль отсюда. Никогда, даже если бы вы довели до конца постройку вашей механической птицы, я не позволил бы вам рисковать своей жизнью, так как эта попытка окончилась бы роковым образом – падением в море. Верьте мне, вы будете нам полезны здесь.

Морис Рембо горячо протестовал:

– Заклинаю вас, комендант, не считайте меня мечтателем. Вспомните, что я работал над этим проектом два года, что подобные аппараты, даже менее испытанные, летали тридцать часов, не опускаясь на землю. Ведь случай привел меня сюда с сильным усовершенствованным двигателем, с совершенно готовыми винтами, которые необходимо только спилить для того, чтобы уменьшить их тяжесть. Я понимаю, что вам могут быть неизвестны успехи авиации во Франции, но после сенсационных опытов Блерио, Райта и других известнейших авиаторов, старавшихся вместе с ними открыть тайну устойчивости и продолжительности полетов, произошла как бы остановка в открытиях. Эта остановка была скорее кажущейся, так как люди продолжали работать во всех мастерских, авиаторских союзах, институтах авиации, и благо-

даря ежегодному конкурсу в Реймсе решение задачи значительно подвинулось вперед. Повторяю: я берусь отправиться за помощью куда только вы пошлете меня, с моим мотором в восемьдесят лошадиных сил.

Пылкие речи молодого человека дышали решимостью и отвагой. Майор только покачал в ответ головой и повернулся к своей дочери.

– Мисс, – молил инженер, – будьте защитницей моего дела, вы – добрый гений этого пустынного острова. Клянусь вам, что я могу добраться, доберусь... Я чувствую в себе такую силу, такую веру, что сам удивляюсь. Скажу больше – я уверен, что доберусь до Сан-Франциско, если мне удастся спуститься где-нибудь для того, чтобы запастись бензином. Вы не знаете, какой силой, какой скоростью обладает этот аэроплан, драгоценный чертеж которого Провидение позволило мне спасти. Его простота дает возможность построить его всюду, где есть железо, кузница, плотники и искусные работники. Все это найдется здесь. В чем же состоит работа? Нужно сделать стальную раму, спаяв все точки соединения, затем обтянуть ее полотном, а это могут сделать и женщины. Итак, людей достаточно. У нас есть даже рабочий Кердок, по словам лейтенанта Спарка, – мастер своего дела, который под моим руководством соорудит все не хуже, чем на наших заводах – Биланкура и Пюто! Что я могу сказать еще? – проговорил он, оживляясь и молящим голосом, вместе с тем энергично отчеканивая слова: – Что еще я могу до-

бавить, мисс, для того чтобы вы ясно сознали мое горячее желание спасти этот уголок вашей родины, ставшей и моей, точно так же, как моя родина была когда-то вашей. Я был бы счастлив, гордился бы своим успехом! – Затем он прибавил тише: – Я был бы щедро вознагражден вашим сочувствием и вашей памятью обо мне, если бы даже я погиб, прежде чем доехал...

Глаза молодых людей встретились, остановились друг на друге.

Искренность и живое красноречие инженера достаточно убеждали в его правоте, но девушка, кроме того, угадала что-то более важное в его душе.

В продолжение нескольких мгновений она читала в этой душе, как в открытой книге.

Она почувствовала, что этот незнакомец, появившийся здесь как милый товарищ, посланный ей судьбой на этот пустынный остров, влюбленный герой, жертвующий для нее, для нее одной, своей жизнью с геройским самоотвержением древних крестоносцев.

Необыкновенное волнение охватило все ее существо.

Ее бледность увеличилась, и рука еще сильнее обхватила шею отца, к которому она продолжала прижиматься, точно моля защитить ее от увлечения, с которым она не в силах бороться.

Это была незабвенная минута, когда решалась судьба этих двух достойных друг друга существ.

Среди воцарившегося тяжелого молчания послышался гул японской канонады, точно напоминая им, что прежде чем принадлежать друг другу, им придется подвергнуться тяжелым испытаниям.

– Папа, – взволнованно сказала девушка, – папа! Теперь я верю... Надо разрешить господину Рембо построить свой аппарат и дать ему все, что необходимо...

– Но, дитя мое, ты не знаешь, что до Оаху более двух тысяч километров и более пяти тысяч пятисот – до Сан-Франциско. Японцы, несомненно, находятся в Гонолулу, сообщение с которым прервано, точно так же, как и у нас с континентом! Как ты можешь допустить, что на случайно и спешно сооруженном в несколько дней аэроплане можно предпринять без права спуститься где-либо, так как остановиться – значило бы потонуть, предпринять, говорю я, такой далекий путь, никогда еще не совершенный на аэроплане? Это безумие, повторяю, безумие, правда геройское, но я не могу его допустить...

– Комендант, – настаивал Морис Рембо, – ведь безумием были также названы нашим королем Людовиком Шестнадцатым первые воздушные путешествия Пилатра де Розье и маркиза д'Арланда – тоже наших соотечественников... Но с тех пор, однако...

– Папа, – перебила девушка с несколько лихорадочной поспешностью, – я верю! Верьте так же, как и я... Ничто не мешает построить птицу. Господин Рембо сделает вокруг ост-

рова несколько пробных полетов, причем можно на лодке следовать по его пути, в тот день, когда японцы дадут нам передышку... И вы увидите, свободно ли летает птица... Папа, нужно разрешить, верьте мне! У вашей Кэт хорошие предчувствия...

И во второй раз глаза Кэт и Мориса встретились, и легкий румянец разлился по лицу девушки.

– Вы нашли самое верное средство победить мое упорство, господин Рембо, – сказал наконец старый офицер. – Склонив Кэт на вашу сторону, вам легко было склонить и меня... Но я сдаюсь теперь в последний раз. Я предоставляю в ваше распоряжение всех слесарей гарнизона; вы можете получить все, что вам нужно для постройки вашего аэроплана, обращаясь непосредственно к Спарку как заведующему хозяйством и которому я передам мои распоряжения. Но если я разрешу вам уехать, я еще не обещаю вам этого, – то вы рассчитываете ехать один?

– Нет, комендант, мне необходим товарищ, который исполнял бы должность механика на автомобилях для наблюдения за ходом машины и смазкой ее, за бензином, ибо мне невозможно ни на минуту оставить руль. Мне придется хорошенько выспаться перед отъездом для того, чтобы потом хватило сил бодрствовать двое суток, если это понадобится. Кажется, я нашел такого товарища – это Кердок.

– Кердок? – удивленно переспросила девушка. – Это метис, работающий в машинном отделении. Почему вы выбра-

ли его?

– Потому что он просил меня об этом и умеет обращаться с моторами.

– Я согласна, что он представляет собой ценного работника при постройке, но в качестве верного товарища в пути – это другое дело... Как вы думаете, папа?

– Мисс, – сказал молодой француз, смеясь, – вы забываете, что на аэроплане товарищ всегда верен, если только он не решил тайно покончить самоубийством перед отъездом. Всякое покушение на управляющего аэропланом кончится падением обоих...

– Это верно, – сказала девушка, – но я буду беспокоиться, если вы поедете с ним. Вы говорили с ним? Обещали ему?

– Нет, мисс!

– В таком случае не давайте ему обещания.

– Я поеду с тем, кого вы назначите сами, мисс!

В эту минуту постучали в дверь.

– Войдите, – сказал комендант.

В комнату вошел лейтенант Форстер. Поклонившись, он обратился к своему другу.

– Очень рад встретить вас здесь, – сказал он. – Вы, конечно, найдете нужным попросить у коменданта разрешение ввести в крепость вашу бедную лодку или хотя бы остатки ее, потому что, насколько я мог разглядеть через сторожевую амбразуру, снаряд упал близ нее.

– Но она защищена скалой, за которую мы ее втащили...

– В эту минуту мы находимся под навесным огнем японцев, а от него нет спасения.

– Они метят, очевидно, в башенки.

– Скорее! – сказал инженер. – Нужно торопиться спасти лодку... Вся моя надежда в ней: если уничтожен или хотя бы поврежден двигатель – мой проект невыполним.

– Какой проект? – спросил лейтенант Форстер.

Чертежи аэроплана находились еще на столе. Ему все объяснили.

– Я надеюсь, что вы возьмете меня с собой! – воскликнул он тотчас. – Таким образом я присоединюсь к своему броненосцу.

– Будьте уверены, – сказал Морис Рембо, – но знакомы ли вы с механизмом двигателя?

– Не менее, чем с торпедой Смита, меня считали патентованным минером. Знаете ли вы, что, находясь на суше, я считаю большим счастьем управлять «шестьюдесятью лошадьми» на полном ходу. Двадцать лет тому назад морские офицеры, высадившись на берег, торопились прежде всего нанять в манеже лошадь и кататься на ней без стремян. Немного позже они взялись за бициклетку. В настоящее время они идут за прогрессом и устраиваются у руля автомобиля... завтра – они займутся аэропланом. Я же готов это сделать сегодня... Если вам нужен шофер – я подписываюсь...

– Когда какой-либо проект должен осуществиться, – сказала улыбаясь девушка, – то всегда вовремя Провидение нис-

посылает нужного человека. Господин Форстер явился кстати, для того чтобы вы не могли, взяв с собой Кердока, осуществить выбор, который мне не по душе по непонятной для меня причине.

– Женское предчувствие, мисс! Мы лишены этого чувства, – сказал американский лейтенант. – Мне это хорошо известно и не пришлось никогда сожалеть, когда я покорялся благоприятным или неблагоприятным впечатлениям, произведенным на госпожу Форстер кем-либо из окружающих людей. Советую вам поступать так же, когда вы будете женаты, мой друг...

Морис Рембо ничего не ответил. Его глаза в третий раз встретились с глазами девушки, и Кэт Гезей, краснея, старалась скрыть свое замешательство, рассматривая в глазок чугунной ставни два японских броненосца, которые, стоя на гладком и спокойном море, прорезали горизонт двойным огнем своих тяжелых орудий.

Глава 6

Звездный флаг

Менее чем через час после выраженного майором согласия весь персонал столяров и слесарей маленькой крепости был предоставлен в распоряжение французского инженера.

Все уже знали, что им предстоит осуществить.

Страшное любопытство охватило всех сто сорок защитников Мидуэя.

Эти люди, отрезанные на скале, которую им приходилось защищать, были совершенно обессилены одиночеством, в котором они очутились окончательно, после прекращения телеграфного сообщения.

Они переживали снова те времена, когда известия с континента получались на Гавайских островах только через два-три месяца, когда проходили мимо английские или голландские парусные суда, направляясь на Зондские острова. Одной из главных причин угнетенности, наиболее опасной для гарнизона, является отсутствие известий о внешних событиях для людей, привыкших ежедневно, моментально получать по проволоке краткий перечень всех великих и малых событий на земном шаре. И майор Гезей, не веря в возможность осуществления проекта молодого француза, был доволен, что дал ему средства для этого, чувствуя, какой расцвет

надежды наступил после уныния, царившего накануне.

И в самом деле, все, находившиеся там, от первого офицера до последнего капонира, решились на беспощадную борьбу за сохранение для родины, Америки, этого скалистого утеса, необходимого для ее эскадры, как кислород для дыхания.

Но чего можно ждать, если там, на континенте, не будут извещены как можно скорее и если тотчас не будет оказана помощь?

В какой срок может явиться эта помощь?

Этот вопрос задавал себе каждый после того, как распространилась весть о роковых повреждениях водоемов.

Все знали, что вследствие возникших между правительством микадо и правительством Белого дома новых затруднений по вопросу об эмиграции – американский флот во второй раз обогнул мыс Горн. Флот перешел из Атлантического океана в Тихий, на этот раз не для того, чтобы совершить второе кругосветное плавание и поднять в глазах всех престиж своих моряков, а чтобы наконец занять прекрасный морской порт Окленд, превращенный американцами менее чем в четыре года в грозный военный порт.

Отныне Соединенные Штаты владели укреплением, находившимся напротив Японии и снабженным всем составом современных больших арсеналов: доками, верфями, провиантскими складами и литейными мастерскими.

Под такой защитой американские прибрежные области

Тихого океана стали неприступными, и многие янки требовали, чтобы покончили с Японией, лишь только все будет готово, то есть в будущем году.

Но империя микадо с решительностью, обнаруженной ею при атаке броненосцев Порт-Артура, до объявления войны – не дождалась назначенного противниками срока. Она грубо опустила свою желтую руку на желанную добычу – Гавайские острова, прежде чем эскадры Тихого океана добрались до Сан-Франциско.

31 мая, когда был перерезан кабель, американский флот покинул Каллао и берега Перу, следовательно, в настоящее время он находился, вероятно, около Панамы, и только не раньше как через девять дней может добраться до Окленда.

Если допустить, что перерыв кабеля и многочисленные признаки неприятельских действий, дошедшие до них различными путями, заставили флот увеличить скорость, то он все-таки не может быть в Сан-Франциско раньше 15 или 16 июня.

Поэтому, если бы аэроплан удалось окончить в шесть-семь дней, то есть 12 или 13 июня, – он мог бы в одни сутки добраться до Гонолулу и оттуда предупредить Сан-Франциско накануне прибытия эскадры.

От механической птицы ждали только того, что она долетит до больших островов, где, быть может, еще действовал беспроволочный телеграф.

Допустив, что кабель перерезан между Сан-Франциско и

Гонолулу, точно так же, как между Гонолулу и Мидуэем, допустив даже, что Гонолулу находится в руках японцев, то, несомненно, на самом большом Гавайском острове, расположенном дальше на 300 километров, найдется еще не тронутая станция беспроводного телеграфа, поддерживающего сообщение с континентом.

Все эти вычисления, все комбинации, страстно обсуждавшиеся в гарнизоне с тех пор, как стал известен проект французского инженера, – наполняли все сердца надеждой.

Если эскадра будет осведомлена и поэтому будет уверена, что найдет в Мидуэе уголь, – она прибудет через семь-восемь дней, и можно надеяться увидеть 22 или 23 июня на востоке ее дымок.

22 или 23 июня – это именно день, когда иссякнет запас воды.

Еще придется сократить ее потребление, так как при нормальном положении ее хватит только до 20 июня.

Нельзя было терять ни минуты, и нетерпеливые, взволнованные механики и рабочие ждали, когда им поручат работу по постройке аэроплана.

Но что стало с главной частью аэроплана, с двигателем, подвергавшимся в продолжение тридцати шести часов действию японских снарядов?

Нечего было пробовать, нечего начинать, прежде чем будет дан ответ на этот мучительный вопрос. Морис Рембо упрекал себя в том, что не попросил у майора Гезея разре-

шения взять в крепость свою лодку, раньше чем рассказать ему о своем проекте.

Но этот упрек был не заслужен им, так как комендант, очень щадивший жизнь вверенных ему людей, пока долг не заставит его пожертвовать всеми, вместе взятыми, – не позволил бы рисковать жизнью даже одного человека для того только, чтобы ввести в крепость обломки аэростата, бесполезного для защиты.

Когда дочь убедила его, что проект постройки аэроплана не представляет ничего химерического, он разрешил Морису Рембо и лейтенанту Форстеру отправиться для расследования того, в каком положении находится лодка дирижабля, хотя это было в самый полдень и несмотря на то, что подъемные мосты крепости опускались только для патруля и рекогносцировки – только при наступлении ночи.

Это были редкие минуты в продолжение дня, когда неприятельские суда приостанавливали стрельбу и офицеры, командовавшие на башенках, получили приказ избегать стрелять во время рекогносцировки, чтобы не вызвать неприятеля на ответный огонь. Поговорка «огонь вызывает огонь» так же справедлива на море, как и на суше.

– Я буду сам наблюдать с вершины крепости, – сказал майор. – Близ южной башни есть блиндированная обсерватория, откуда стреляют на ту часть берега, где вы высадились. Я увижу вас в упор в свой бинокль. Вы сделаете мне знак шапкой, если лодка нетронута, и из крепости тотчас отправит-

ся партия рабочих с веревками и рычагами для того, чтобы притянуть лодку на прикрытый путь. Там вы найдете поставленную на рельсы плоскую платформу, которая в несколько мгновений доставит ее в машинное отделение.

Кэт Гезей вошла в каземат в ту минуту, когда ее отец делал последние распоряжения.

– Папа, – сказала она, – для чего вы подвергаете себя опасности и думаете подниматься на эту плохо защищенную обсерваторию? Вы сами признали опасность, так как запретили одному из старших комендоров, просившему вас об этом при мне, оставаться там более двух-трех минут...

– Я не останусь там долго, милая. Но не скрою от тебя, что я хочу воспользоваться случаем и исполнить одну формальность, которая не была исполнена до сих пор по твоей вине.

Девушка удивленно смотрела на него.

– Ты не догадываешься?.. Твое вышивание окончено и, как ты говорила вчера, последняя звезда готова...

– Это правда, папа! Вы все помните... В таком случае позвольте мне сопровождать вас... Помните, что вы обещали позволить мне поднять его самой...

Но старый офицер прервал ее:

– Никогда, дитя мое... Не настаивай, ты хорошо знаешь, что на этот раз я буду непоколебим... Мое обещание относилось к мирному времени, теперь мы воюем, и только я могу поднять на нашей крепости звездный флаг...

– Папа, но...

– Нет, Кэт, нет! Хочешь доставить удовольствие нашему гостю? Покажи ему твою красивую работу.

И когда его дочь ушла в свою комнату, майор сказал:

– Я уверен, дорогой инженер, что вы были удивлены, когда, подъезжая к пристани, не увидели американского флага на ее вершине? Это произошло по вине моей дочери, и с тех пор как события приняли такой оборот, я не раз пожалел, что уступил ей, ибо не одно из наших судов, проходя в отдалении и не видя в свою подзорную трубу наш флаг, могло прийти к заключению, что крепость в руках японцев... Кэт своей мягкой настойчивостью часто делает со мной все, что ей угодно. Она желает, чтобы над Мидуэем развевался флаг, вышитый ее рукой, и она только что окончила его. Мы рассчитывали поднять его с большой торжественностью, – грустно продолжал старый офицер, – при участии всего гарнизона, под звуки труб и двадцати одним выстреле из пушки. Кэт собиралась сама прикрепить его к мачте, и я думаю, что, вспомнив о Франции, где ни одно открытие не обходится без речей, я произнес бы речь. Но все наши благие намерения канули в воду.

Но, – прибавил он, помолчав, – если церемония поднятия флага будет проста, то все-таки не менее трогательна. Она произойдет сейчас и без свидетелей: я подожду, пока вы втащите свою лодку для того, чтобы не обратить слишком рано внимание японцев и не подвергнуть вас опасности. Лишь только я узнаю, что вы в безопасности, как прикреплю сам

и без речей к поставленной уже мачте наш национальный флаг. Нашим трем башням приказано дать залп в честь его, но снарядами в триста двадцать миллиметров и хорошенько прицеливаясь. Никакая речь не стоит пушечного выстрела, господин инженер!

И глаза его весело сверкнули.

Сражение, канонада, опасность – вот где была его жизнь!..

– Позвольте мне напомнить вам о просьбе мисс Гезей, – сказал молодой человек, – не подвергайте себя опасности, комендант!

– Не бойтесь! Если когда-либо я и подвергал свою жизнь опасности – на Кубе или в ином месте, то с тех пор как у моей дочери не осталось никого, кроме меня, я особенно дорожу жизнью и не рискну оставить ее одинокой в такой момент.

Девушка вошла, держа в обеих протянутых руках прелестный красный флаг с белыми полосами из тонкого, мягкого шелка для того, чтобы он легко развевался по ветру. В одном из углов флага были, в виде прямоугольника, рассеяны 45 серебряных звезд, по числу Соединенных Штатов.

Кэт была прелестна – гибкая, грациозная и стройная, она казалась еще выше от окутывавших ее с ног до головы длинных складок, образовавших впереди большой волнистый шлейф.

– О мисс! – молил Морис Рембо. – Поймите так одно мгновенье. Вы напоминаете мне один из героических романов самого блестящего из наших военных рассказчиков,

д'Эспарбеса...

– Автора «Войны в кружевах», – сказала она, смеясь. – Я читала: прелестная, изысканная, героическая полулегенда-полуправда... Я обожаю эти рыцарские видения, так резко отличающиеся от отвратительного современного реализма... «Стреляйте первыми, господа англичане», – и в одно и то же время они посылали друг другу ядра и поклоны. В настоящее время все это происходит иначе, пускается в ход неожиданное нападение, ночная борьба, измена... Но о каком рассказе вам напомнило мое импровизированное платье?

– Его название безразлично, но я вижу сцену и помню имена, точно прочел рассказ вчера. «Драгуны Вильгана любили одеваться в кокетливые и яркие костюмы. Их называли при дворе “слоеными”, но Людовик Шестнадцатый сделал выговор их командиру за эти слишком фантастические костюмы и презрение к военным уставам...»

– Пойдите, господин Рембо, – прервала девушка, – я вспомнила! «Оскорбленный этим выговором, сделанным на поле брани и касавшимся только вопроса о костюме, и огорченный тем, что король даже не выразил полку благодарности за его храбрость и военные успехи, граф Вильган двинулся со своим полком в Германию и сражался повсюду от Лавельда до Фонтенуа. Когда полк вернулся в Версаль, у него оставалось не больше пятнадцати драгун, причем большинство было ранено...»

– И граф Вильган просил у короля аудиенции для них, мисс, и этот смотр...

– Да, и этот смотр представляет в самом деле одну из самых трогательных картин, описанных д'Эспарбесом. Мне кажется, что я видела эту картину, соответствует ли действительности содержание рассказа?

– Продолжайте, Кэт, – сказал майор, – я его не знаю...

– «Когда король явился в парадный зал с завитыми и улыбающимися придворными, с мадам Помпадур и ее штатом, он был поражен при виде этих пятнадцати человек, одетых в фантастические, разноцветные, пышные костюмы из шелковой материи с пестрыми рисунками – вензелями, звездами и взъерошенными птицами. “Какой-нибудь новый маскарад Вильгана”, – пробормотал довольно громко министр д'Аржансон. Разгневанный король спросил: “Что это за шутка, граф? Вам еще мало лент и безделушек, вы решили ввести новую форму?” – “Будьте благосклонны, ваше величество, – сказал полковник, – это стоило жизни четырех сот солдат”. – “Что это значит?” – “Эта форма, ваше величество, сшита из неприятельских знамен!”».

Девушка закончила свой рассказ с серьезным спокойствием, придававшим ее красоте невыразимое благородство.

Вся гордость расы, все добродетели предков заключались в этом сверкающем и вместе с тем мягком взгляде, от которого Морис Рембо не мог оторваться.

И когда, сняв с себя усеянный звездами флаг, который от-

ныне должен был стать святыней крепости, она протянула его инженеру, ему казалось, что перед ним стоит молодая валькирия.

Его волнение росло, любовь увеличивалась, и, взяв знамя из рук Кэт, он воскликнул:

– Три цвета Франции находятся на этом знамени, мисс, и так как это ваша работа, то позвольте поклясться эмблемой наших обеих родин, что если только мне удастся улететь с острова, то я увижу вновь это знамя, развевающееся над Мидуэем, только выполнив возложенную на меня миссию...

– Вы должны вернуться, – сказала она горячо, – мы будем вас ждать, как мессию.

– И ты в самом деле думаешь, что господин Рембо долетит в Сан-Франциско? – воскликнул майор все еще недоверчиво.

– Я уверена, папа! Я тебе уже сказала. Я верю какому-то внутреннему голосу, который велит мне надеяться! Притом, признаюсь, мне будет очень приятно, если мы будем обязаны нашим спасением французу!

– Комендант, – бормотал инженер, сердце которого усиленно билось, – моя лодка... Нужно осмотреть ее... все зависит от нее.

– Будьте благоразумны, господин Рембо, – сказала девушка. – Вы не имеете права рисковать!

И она кокетливо погрозила ему пальцем.

– Я поднимусь туда... – сказал майор. – Когда ты услы-

шишь, Кэт, залп из наших шести пушек, знай, что это салютуют знамени, как на военных кораблях.

* * *

Когда молодой француз, цепляясь по скалам, дополз наконец до своей лодки, у него вырвался крик отчаяния, к которому присоединились проклятия лейтенанта Форстера, пробиравшегося по его следам.

Часть лодки была отброшена на несколько метров в сторону, в зияющем отверстии виднелись стальные части, заржавевшие от морской воды, в ящике с инструментами было вырвано дно, один винт оторван. Все это не было повреждено, а только сорвано со своих мест, и проволока, составлявшая каркас пробковой лодки, торчала в образовавшейся таким образом в передней части лодки пробоине...

Место взрыва японского «чемодана», причинившего это бедствие, находилось в нескольких метрах от лодки, где он и оставил в граните темно-красный след.

На омываемом волнами песчаном берегу разбросанные инструменты и неповрежденный гайдроп напоминали обломки после кораблекрушения, в котором море, впрочем, совершенно не участвовало.

– Двигатель, кажется, не поврежден! – воскликнул приблизившийся лейтенант Форстер.

– Вы думаете?

– Конечно! На первый взгляд... кроме винта, который можно легко восстановить, я не вижу...

Неожиданный взрыв прервал эту фразу: невдалеке взорвался японский снаряд, и сильная воздушная волна пахнула на них. К счастью, ветер отнес ядовитый газ в противоположную сторону.

Морис Рембо, не говоря ни слова, сделал, подняв шапку, условный знак, что нужно забрать отсюда брошенную на берегу лодку, которая еще пригодится.

В ожидании людей оба молодых человека быстро развернули поднятый на берегу гайдроп, прикрепили его концы по обе стороны лодки к осям винтов.

Морис Рембо хотел снять винты для того, чтобы они не подверглись толчкам о скалу во время перетаскивания, но нельзя было тратить драгоценное время. Ему казалось, что из-за гранитных стен на него устремлены добрые глаза, молящие его торопиться.

Люди прибежали, согнувшись и торопясь.

Инженер ограничился тем, что расположил винты горизонтально, чтобы они не загребали землю, поставил у обоих концов гайдропа солдат по мере их прихода и приказал тянуть.

Страх перед снарядами удваивал силы людей: в несколько минут лодка была втащена на скалы, попала на прикрытую дорогу, поставлена на платформу и привезена к подъемному мосту.

Через несколько минут лодка была уже в крепости. Вся операция продолжалась не более двадцати минут. Не было только молодого француза.

– Морис! – позвал лейтенант Форстер.

– Иду, Арчибальд!

Теперь двигатель был в безопасности и молодому человеку хотелось увидеть флаг Кэт развевающимся на верхушке крепости...

Он устремился обратно по пройденному только что пути, так как у подножия скал нельзя было разглядеть, что творится на верхушке. И вдруг он увидел между колоннами двух башен сверкающее голубое пятно.

Затем залп из шести пушек потряс тяжелую скалистую пирамиду. В одной из башен два одинаковых орудия показали на несколько мгновений свои гигантские дула. Два длинных снопа огня прорезали небо, затем дымящиеся стальные пасти исчезли в своих бетонных ячейках.

В эту минуту какой-то шум пронесся в воздухе, и огромный снаряд пролетел с моря.

Японцы не заставили долго ждать ответа, и крейсеры Страны восходящего солнца целились удачно: снаряд упал между двумя башнями.

Раскаленная масса чугуна, рассыпавшаяся на тысячи осколков, образовала в граните пылающий костер, распространяя вокруг себя густые тучи синеватого дыма, и флаг исчез из глаз Мориса.

Мучительный страх охватил его душу.

Отец Кэт находился там, наверху; он только что поднял свой флаг, так как эта честь, по его словам, принадлежала только ему.

Был ли он осторожен в минуту взрыва? Если он ранен, то хватит ли у него сил укрыться от удушливых газов, окружающих теперь крепость легким, радужным облаком?.. Инженер устремился к подъемному мосту.

– Скорее! – кричал только что прибежавший капитан Бродвей. – Поднимемся наверх!.. Комендант!.. Покажите мне дорогу!

– Все вернулись?

– Да, но, пожалуйста, скорее! Комендант, вероятно, в опасности...

– В опасности... где?

– Там, наверху... снаряд упал около него...

Они взобрались по лестнице, и в полусвете первой площадки, на которую выходили казематы, Морис увидел белое платье.

Кэт ждала его возвращения.

– Я очень счастлива, – сказала она, улыбаясь, стоя опершись на перила. – Двигатель не поврежден, я видела ваш сигнал. Я была в артиллерийском каземате, там есть амбразура, откуда...

Она замолчала, заметив на лице молодого человека вместо удовольствия, которое она думала увидеть, непонятный

страх.

– Что случилось?

И когда Морис Рембо, ничего не ответив, хотел пройти дальше и подняться наверх, она тотчас догадалась.

– Папа! – воскликнула она. – Боже мой!

И, придерживая свое белое суконное платье, она устремилась на лестницу за двумя молодыми людьми.

Когда он выскочил за Бродвеем на узкую площадку, в центре которой была воздвигнута мачта для флага, облака дыма, кольца которого казались висевшими на массивных верхушках башен, начинали рассеиваться.

У подножия мачты неподвижно лежал майор Гезей, ничком с раскинутыми руками. Его седые волосы были смочены кровью.

Капитан Бродвей издал глухой стон и тотчас повернул тело.

Лицо начинало синеть, рот был открыт, глаза закрыты.

Инженер, в свою очередь, охваченный невыразимым волнением, приподнял и посадил его.

Но тут появилась Кэт и бросилась на тело своего отца, выпуская душераздирающий крик:

– Папа, скажи мне что-нибудь, взгляни на меня!.. Папа!.. папа, милый...

В эту минуту Морис почувствовал непонятную тяжесть в голове: он тотчас вспомнил совет лейтенанта Форстера... Остаться в этой атмосфере – значило подвергнуться быст-

рому отравлению ядовитым газом.

Бродвей, в свою очередь, производил уже впечатление пьяного... Молодой француз ударил его по плечу:

– Скорее, капитан!.. Возьмите коменданта! Бежим отсюда скорее!

Несмотря на начинающееся отравление, великан сообразил в чем дело. Он поднял неподвижное тело коменданта, взвалил его на плечи и бросился вниз по лестнице.

– Мисс, умоляю вас, идем скорее!

И Морис Рембо схватил ее за руку, стараясь увести. Но он заметил, что и она ослабела.

Сдерживая дыхание, он схватил ее на руки и спустился вслед за Бродвеем со своей драгоценной ношей по двадцати ступенькам лестницы. Очутившись вне опасности, он остановился и опустил девушку на пол с бесконечными предосторожностями, прислонив ее к стене.

Они были одни на узкой площадке.

Внизу поднялась тревога, вызванная появлением коменданта, раздались электрические звонки, кричали на все голоса: «Доктора! Доктора!»

– Мисс!.. – сказал молодой человек дрожащим от волнения голосом. – Мисс Кэт! – позвал он тише.

Она продолжительное время вздохнула, открыла глаза, посмотрела на молодого человека и на минуту потеряла сознание.

Она вдохнула очень мало ядовитого газа и скоро пришла в себя. Вдруг она вспомнила что-то и резко выпрямилась.

– Папа! Где он?

– Пойдемте, мисс, возьмите меня под руку!

Она взяла его под руку. Он чувствовал, как она дрожала, но и его рука дрожала не меньше.

При одной мысли, как будет одинока эта хрупкая женщина, в душе поднималась бесконечная жалость... К любви, которая овладела им всецело, присоединилось еще горячее желание защитить ее.

И, увидев ее держащей в объятиях раненого отца и в отчаянии взывающей к нему на французском языке, как будто в тяжелые минуты жизни она могла выражать свое горе только на языке предков, он почувствовал навернувшиеся слезы.

С этой минуты он не принадлежал больше себе.

Глава 7

Случайный аэроплан

Майор Гезей не умер.

После двух длинных часов, показавшихся бесконечными измученной девушке, дрожавшей у постели отца, раненому стало легче. Непрерывно применявшиеся крепостным врачом отвлекающие средства и ритмическое вытягивание языка способствовали уничтожению асфиксии, от которой лицо старика стало фиолетовым, и мало-помалу грудь начала подыматься, и пугавшая Кэт мертвенная бледность исчезла от прилившей к лицу крови.

Тогда только доктор Сандерсон, которого Морис Рембо видел в первый раз, занялся главной раной, лишившей майора Гезея возможности бежать от ядовитого действия японского пороха.

Когда мундир был срезан, обнаружилась рана. Плечо было совершенно разбито. Верхняя часть плечевой кости была раздроблена, часть оторванных грудных мышц открывала два выступающих разбитых ребра.

Майор был ранен одним из тех стальных осколков, значительно отличающихся от гладких и правильных обломков старых ядер.

В снарядах большой разрывной силы тонкая стальная обо-

лочка под влиянием разрывающего их страшного давления принимает сложные формы, с острыми краями и спиралевидными поверхностями. Самые маленькие куски этих снарядов представляют ядра, во сто раз более опасные, чем пули новейших ружей с головокружательным вращательным, но правильным движением.

Остановив кровотечение, доктор объявил, что есть луч надежды.

Майор был исключительно крепкого телосложения; быть может, он еще выйдет победителем в борьбе со смертью. Кэт, совершенно измученная, казалось, воскресла.

Морис Рембо хотел поддержать ее, шептал ей среди тишины этой печальной комнаты слова утешения. Но лейтенант Спарк, как верная собака, не сводил с нее глаз. И француз подумал, что девушка, вероятно, знает об этом немом обожании, которое должно ее тронуть и при таких трагических обстоятельствах она, несомненно, несмотря на любезный прием, оказанный ею инженеру, предпочла бы найти поддержку у этого офицера, живущего около нее несколько месяцев, чем у незнакомца.

Эта мысль заставляла его страдать.

Наконец майор Гезей открыл глаза, и взгляд его тотчас упал на девушку, робко наклонившуюся над ним.

– Кэт! Мое обожаемое дитя, – пробормотал он слабым голосом, – это ты! Благодарю Бога, что он даровал мне... эти минуты... для того, чтобы снова увидеть тебя!

– О, папа! Не говорите этого! – рыдала девушка. – Вы будете жить... я хочу этого!.. У вас нет больше опасений, доктор, не правда ли?

– Вашему отцу нужен полный покой, мисс!

– Я не буду больше говорить... но скажите мне... скажите ему, что он не должен покинуть меня...

Кэт Гезей ломала руки. Ее прекрасные глаза были наполнены слезами; чудные белокурые волосы рассыпались по плечам светлой волной.

Доктор ободрил всех присутствовавших, и они собирались уже последовать его совету не утомлять раненого, когда глаза последнего остановились на Морисе Рембо.

Он выразил знаком желание говорить с ним, и среди тишины каземата раздался его слабый голос:

– Ваша лодка не повреждена, мой друг?

– Нет, комендант, – ответил молодой человек, растроганный уже одним этим неожиданным обращением.

– И вы продолжаете считать ваш план лететь навстречу нашей эскадре осуществимым?

– Безусловно!

– В таком случае я прошу вас теперь... поезжайте скорее... Приготовьте все и поезжайте... Провидение дарует мне жизнь до вашего возвращения...

– Ваша просьба для меня – священная обязанность, комендант: я уеду!

– Через сколько дней?

– Через семь, быть может, шесть!

Раненый, по-видимому, делал в уме какие-то вычисления и сказал тихо:

– Я проживу до тех пор...

Затем он протянул инженеру свою здоровую руку:

– Благодарю вас за обещание. Будьте любезны ежедневно сообщать мне о ходе работ!

– Я счастлив, что вы разрешаете ежедневно посещать вас, и обещаю вам являться сюда.

– Еще раз благодарю! А вы, Бродвей, примите командование крепостью... Моя роль окончена... Нужно держаться, держаться во что бы то ни стало, Бродвей!

– Рассчитывайте на меня, комендант! – сказал взволнованно великан.

– Если японцы войдут сюда, вы знаете, как вам поступить, Бродвей? Это ваша священная обязанность...

– Знаю, комендант!

– Ключи от пороховых погребов в ящике моего стола...

– Вы утомляете себя, комендант! – сказал доктор Сандерсон. – Прошу вас...

– Хорошо, я буду послушен... Кэт, не уходи, дитя мое!

И голова старика откинулась на подушку.

* * *

Молодой инженер, покинув комнату больного, был весь

полон одной мыслью: как можно скорее построить свой аэроплан.

Кердок в качестве мастера занялся уже в машинном отделении изучением доставленного туда двигателя.

Несмотря на свою неразговорчивость, мастер не мог удержаться и лишь только увидел инженера, как стал очень расхваливать машину.

– Это просто часовой механизм! – говорил он с видом знатока. – Такой двигатель никогда не может остановиться...

– Вы его осмотрели?

– Я не приводил его в действие, но осмотрел тщательно все его части.

– Вы не заметили никаких повреждений или дефектов?

– Нет. Только левый винт свернут.

– Вы должны, Кердок, первым делом починить его. Затем передадите его рабочим, которые уменьшат толщину напильником, доведя ее в центре до одного сантиметра, а по краям – до одного миллиметра. Мы уменьшим таким образом вес на несколько килограммов.

Затем инженер провел мелом черту по бокам лодки для того, чтобы по этим линиям рабочие срезали переднюю и заднюю часть ее.

Таким образом она должна уменьшиться с шести метров до $2\frac{1}{2}$ и принять вид платформы, достаточной для размещения на ней двигателя и двух пассажиров.

В сохранившейся таким образом прочной раме, в кото-

рую будет вставлен мотор, на каждой стороне прикрепят по стальному бруску, к которым приладят согнутые концы крыльев.

Морис Рембо тщательно определил место крыльев, так как от этого зависела устойчивость большой птицы.

Для того чтобы избежать самой страшной катастрофы – опрокидывания птицы, необходимо, чтобы центр тяжести находился как можно ниже, только при распределении опорных плоскостей на достаточной высоте над машиной.

Эта работа производилась под руководством Кердока, который удивительно легко разобрался в чертежах, сделанных для него инженером, а Морис Рембо тотчас занялся крыльями.

Это была действительно оригинальная часть его системы, и ее нужно строить до мельчайших частей совершенно заново.

Авиаторы на этот счет еще резко расходились в своих взглядах.

Большинство стояло за биплан, представлявший большую устойчивость, большую безопасность; известный аппарат братьев Райт представляет один из самых простых типов этой системы: две большие, лежащие друг над другом плоскости, очень удаленные одна от другой и определенной вогнутости.

Фарман, Делагранж, Вуазен, Фербер одобрили то же устройство, но разделили корпус аэроплана вертикальными,

обтянутыми полотном плоскостями на известное число клеток.

Стоявшие за моноплан Блерио, Эрнэ Пельтери, Сантос Дюмои, Левассер утверждали, что только эта система, оказывающая меньшее сопротивление воздуху, придаст аппарату скорость, являющуюся лучшим залогом равновесия, и что прежде всего в подобных случаях необходимо подражать природе, то есть крыльям птицы, представляющим одну плоскость.

«Подражать природе», советовали сторонники двойной несущей поверхности. Разве человек подражал природе, когда он выдумал колесо? Существует ли хоть одно живое существо, которое двигалось бы на колесах? Между тем благодаря колесам достигли такой большой скорости, какой не могут достигнуть самые быстроходные животные.

Зачем же так ожесточенно подражать птице?

Морис Рембо взял среднее этих двух систем.

Его крылья на две трети их длины представляли собой биплан, а оставшая треть представляла собой моноплан. Он придавал им таким образом большую прочность на месте их скрепления и сохранил большую гибкость, приближающуюся к гибкости больших перьев птицы.

Общий вид его аэроплана не напоминал ни одного из демонстрируемых в Мансе, Шалоне и Бетене. Обе плоскости находились на гораздо меньшем расстоянии друг от друга, чем у Райта и Вуазена, и близ окончания крыльев они соеди-

нялись в одну плоскость.

Инженер определил их форму по производящей, воспроизведя двойной изгиб крыльев больших морских птиц, а именно – большой морской чайки с черной спиной.

Эти длиннокрылые птицы действительно смеются над самыми сильными ветрами, и можно наблюдать, как спокойно они парят над самой поверхностью воды, среди сильных вихрей и водоворотов.

После вопроса о форме крыльев, оставалось решить другой, очень важный, – об управлении ими, разрешенный раньше всех братьями Райт и поэтому-то их аппараты долгое время брали верх над всеми своими соперниками.

Произвести изгиб крыльев, как это известно, – значит дать им, по желанию, такой угол наклона, чтобы аппарат сохранил равновесие во всякое время и особенно во время виража.

В начале опытов Морис Рембо попробовал придать каждому из двух крыльев вращательное движение вокруг шарниров, посредством которых они прикреплялись к лодке. Но в этом способе обнаружилось то важное неудобство, что весь аппарат приобретал тяжелый ход и находился в зависимости от степени совершенства передаточного механизма крыльев.

Решено было оперировать искривлением плоскостей только на части, состоящей из одной плоскости, то есть на трети всей поверхности, при помощи тяги и передаточных блоков, расположенных под двойной частью крыльев. В этом

заклучался новый принцип Мориса Рембо.

* * *

Теперь все отдались лихорадочной работе.

Склады, припасы, машины, рабочие – все было предоставлено в распоряжение молодого француза.

Его первой заботой было – найти материал для постройки крыльев. Из предложенных ему полос железа инженер выбрал одну, которая по своей форме представляла наибольшую прочность при наименьшем весе.

Это было угловое железо, применявшееся для постройки подъемных мостов. У лейтенанта Спарка как заведующего хозяйством еще сохранилось несколько образцов от 6 до 8 метров длины... Морис Рембо искал железо именно такой длины, так как общий размер птицы достигал от 19 до 20 метров.

Эти фермы тотчас были соответственно изогнуты на кузнице и образовали внешние ребра крыльев.

Они были соединены между собой поперечными стальными тягами, спаянными и склепанными. Промежуточные ребра были сделаны из пластин австралийского туевого дерева, запас которого хранился для рельсов пути, проходившего по главным галереям крепости.

Но когда рама одного только крыла была сложена на полу машинного отделения, был констатирован факт, что невоз-

можно одновременно соорудить в этом тесном пространстве оба крыла. А это одновременное сооружение необходимо для ускорения работы...

– Вторая мастерская в гроте, – предложил Кердок.

– В самом деле, – сказал лейтенант Форстер, – только там и можно завершить сборку машины. Места должно быть достаточно, так как ваш аппарат в шестьдесят метров поместится там целиком.

– Вы осмотрели его?

– Нет!

– Пойдем!

В грот вела внутренняя лестница, высеченная в скале и начинавшаяся от площадки, на которую выходил каземат коменданта.

Инженер вскрикнул от удивления, когда вошел с мастером в обширный естественный склеп, когда-то размытый морем в огромной скале.

Как удобно было бы здесь его дирижаблю!

Это была обширная, почти правильная комната в 80 метров длиной и 25 шириной. Ее свод подымался почти на 15 метров в высоту, а пол, состоящий из огромных натуральных плит, был посыпан мелким золотистым песком.

У одной из стен базальтовые колонны различной высоты, точно высеченные рукой человека, образовали все вместе большую колонну, напоминавшую разрушенный храм.

На противоположной стороне, в расщелинах стены, вид-

нелись сталактиты сверкающей белизны.

Три дуговые лампы освещали все уголки обширного помещения, оставляя в тени медно-красный след при помощи рефлекторов. И как бы по капризу природы, пожелавшей охранить это прекрасное подземное убежище от выстрелов с моря, его стена делала поворот у входа, и дирижабль, помещенный здесь, был бы в полной безопасности, даже если бы высокие пласты каменного угля не были преднамеренно размещены здесь перед высокой острой башенкой у входа.

Подземные стены тотчас привлекли внимание инженера. Эти груды каменного угля представляли из себя самое ценное в Мидуэе: от него зависело все существование крепости, и никто не думал бы стараться уничтожить ее. Но послужат ли эти груды авиатору плоской и высокой поверхностью, необходимой ему для подъема?

Там находились сотни тысяч тони угля, образовавших настоящие валы по обеим сторонам небольшого канала, вход в который нашли потерпевшие крушение с «Макензи», подъезжая к Мидуэю.

При большом количестве рабочих рук было легко соединить между собой эти штабеля, заполняя отделяющие их промежутки углем, взятым из соседних груд.

И в двое суток можно, пользуясь темнотой ночи и не привлекая внимания неприятельских крейсеров, устроить между входом в грот и морским берегом платформу в 25–30 метров длиной и десять метров в ширину. Брикетты угля, очень

правильные и плотно сложенные, могут быть покрыты помостом из трехдюймовых досок, и аэроплан, ринувшись с этой платформы, с разгоном от шести до семи метров, очутится в самых благоприятных условиях для полета.

– Вы думаете, что двадцать пять метров разбега достаточно для подъема? – спросил лейтенант Форстер, когда инженер объяснил ему свой план подъема.

– Я мог бы довольствоваться половиной или даже четвертью, при условии подняться с довольно высокого места, мой дорогой Арчибальд!

– Я полагал, что нужно известное время катиться на довольно большом расстоянии, чтобы достигнуть скорости сорок – пятьдесят километров, необходимой для подъема...

– Я вижу, что вы еще не ушли дальше бега на колесах бициклетки первых французских авиаторов или разгона по рельсу, при помощи пилона, как у американских авиаторов. Это старая песня, мой друг, а наша, французская, школа авиации нашла прием, который гораздо изящнее, безопаснее и быстрее «отделяет» аппарат от земли, по специальному выражению.

– Какой прием?

– Знакомо ли вам устройство боевой ракеты?

– Я не видел ее никогда, но знаю, что она изображает из себя. Ее теперь больше не употребляют – это архаический снаряд.

– Архаический, пожалуй, но тем не менее остроумный:

изобрести орудие, которое было бы в то же время и метательным снарядом, и метательный снаряд, который двигался бы без помощи орудия – вот изобретение.

– Согласен, но безрезультатно, так как все армии бросили его.

– Его бросили как орудие истребления, но к нему вернулись как к орудию авиации.

– В самом деле? Как же была устроена эта боевая ракета?

– Ее устройство исходило из того же принципа, как устройство сигнальной ракеты, применяемой еще во всех армиях. Это была большая гильза из листового железа, прикрытая сверху заряженным ядром, которое взрывалось при помощи капсюля на месте падения; в нижней части гильзы находился поддон из кованого железа с пробурованными в нем отверстиями. Хвост, направляющий ракету, ввинчивался в центр поддона и своим наклоном давал начальное направление. Гильзу набивали при помощи гидравлического пресса взрывчатым составом, почти аналогичным со старинным порохом, и зажигали со стороны поддона.

– Я знаю. Газы, образовавшиеся при горении пороха, пройдя через отверстие в поддоне, соединяются и вызывают движение ракеты в обратном направлении движению газов: она вылетает вперед и поднимается с увеличивающейся скоростью, которая наконец становится значительной и уносит ее очень далеко. Вероятно, отсюда происходит французское выражение: «бежит, точно его подожгли сзади».

– Нет, – сказал инженер, смеясь, – это не отсюда. Я считаю это выражение более древним и библейского происхождения. Вы помните, триста лисиц Самсона, пущенных в лагерь филистимлян с факелами на хвостах. Это, скорее, отсюда... Что касается боевой ракеты, то она делает шесть или семь километров и если бы удалось найти ее траекторию и определить точку ее падения, то это был бы идеальный снаряд. В настоящее время одна Англия сохранила ее среди своих боевых снарядов: эта ракета Геля, которой изобретатель придал вращательное движение, поместив у выхода каждого отверстия в поддоне маленькие, согнутые, клинообразные пластинки. Франция же снова вводит принцип боевой ракеты, правда, видоизмененной и лишенной своего разрывного снаряда, в аэростатических парках. Вы понимаете, какое применение можно сделать из этой силы, развиваемой газами сгорающего пороха, поместив две или четыре ракеты подобного типа в хвосте самолета для того, чтобы дать ему первоначальное движение?

– Конечно! Но подумали ли вы, что при таком устройстве прибора порох, вместо того чтобы сгорать постепенно, почти взрывается, а это может вызвать мгновенный взлет самолета.

– Не думаю! Для этой большой птицы с распушенными крыльями существует закон инерции, с которым нужно считаться. Если же мы двинем его слишком быстро, то рискуем сломать всю раму. Но я очень рассчитываю на более медлен-

ное действие состава, которое весьма поможет работе винта. А это избавит нас от необходимости применять и вечно таскать с собой колеса бициклетки, представляющие довольно значительную тяжесть.

– Значит, у вас будет рельс?

– Ни в коем случае: достаточно пары простых деревянных полозьев, как в обыкновенных санях, очень гладкой и смазанной салом площадки вроде той, с которой спускается в воду судно, – и мы поднимемся без всякого затруднения.

Когда они вошли в грот, Кердок устанавливал там переносную кузницу, только что принесенную четырьмя солдатами.

– Отличное помещение для сборки машины... – сказал он. – Если разрешите, я буду здесь ночевать до самого отъезда.

Морис Рембо согласился.

Он видел хорошее предзнаменование в охоте и усердии, обнаруживаемом этим ловким и необщительным рабочим.

Он боялся только, чтобы эти добрые намерения Кердока не изменились под влиянием разочарования, когда он узнает, что Рембо не возьмет его с собой. И для своего спокойствия инженер решил немедленно объявить Кердоку о распоряжении майора Гезея.

– Комендант еще до получения раны выразил свое форменное желание оставить вас, Кердок, в Мидуэе. В случае порчи гидравлических аппаратов, поднимающих блинди-

ванные башни, вы один можете произвести исправления: придется отказаться от поездки со мной.

– И вы поедете один?

– Нет, лейтенант Форстер будет сопровождать меня.

Водворилось молчание. На смуглом лице метиса не обнаружилось и тени недовольства. Он посмотрел своими маленькими блестящими глазами попеременно на обоих молодых людей и спокойно сказал:

– Это приказ... пусть будет так!

И он тотчас принялся за устройство мастерской.

К вечеру его импровизированная мастерская была совершенно готова, и второе крыло уже обозначилось на песке грота. Работа подвигалась быстро.

Восемь рабочих были назначены в эту вторую мастерскую, которая силой вещей стала главной, так как здесь происходила по мере их приготовления сборка всех частей механической птицы.

Морис Рембо решил воспользоваться ближайшей ночью для того, чтобы перевести сюда лодку, загромождавшую машинное отделение.

Но он затруднялся закончить оба крыла в гроте, так как мисс Кэт, выразившая желание обтянуть остов полотном хаки, взятым из цейхгауза, была бы вынуждена спускаться сюда и проводить здесь много времени.

Согласится ли она оставлять на несколько часов тяжело-больного отца?

Под этим предлогом, а он ясно сознавал, что искал предлога и наконец нашел его, молодой инженер отправился в комендантское управление и робко постучал в дверь.

Ему отворила пожилая седая женщина в переднике и почти в ту же минуту за нею показалась Кэт, приложив палец к губам.

– Папа спит, – оказала она. – Его слабость меня беспокоит. Если бы он мог уснуть на несколько часов, я, кажется, вполне успокоилась бы, несмотря на недоверчивое покачивание головой доктора... А вы... как ваша работа?

– Она пойдет скорее, чем я предполагал благодаря общему усердию. Кстати, мисс, вам придется отказаться от своих предубеждений против Кердока, так как он будет моим самым усердным помощником.

– Как вам угодно, господин Рембо! Это была мысль... мимолетная мысль, какие часто являются женщинам... И раз он не едет с вами, я готова изменить свое мнение. Оливия такого же мнения на этот счет, а она – хороший советник. Оливия... господин Рембо.

Старая гувернантка вернулась к постели больного и, усевшись с очками на кончике тонкого носа, она принялась за уборку целого ряда склянок, бинтов и повязок, принесенных доктором Сандерсоном.

– Я отрекомендовала вам Оливию, господин Рембо, потому что это не обыкновенная гувернантка. Она живет уже сорок восемь лет в нашей семье. Прежде чем заняться мной,

она воспитала мою бедную маму. Один факт, что она решила последовать за нами в это изгнание, объяснит вам все остальное... У нее доброе сердце... Она была больна и лежала в постели, когда случилось это страшное несчастье, и вы видите, у нее нашлись силы, чтобы тотчас устроиться у постели больного папы... Скажите, доктор не сказал вам ничего особенного, выйдя отсюда?

– Нет, сударыня!

– Умоляю вас, – сказала она тише, – не скрывайте ничего... Мне кажется, впрочем, я вижу по вашим глазам, – что вы не можете лгать... особенно мне. Пойдите осторожно к постели...

Морис подошел на цыпочках.

Темные круги под глазами, впалые щеки и восковой цвет лица показали ему, что смерть уже витает над этой головой, и спокойствие девушки мучительно отозвалось в его душе.

В каком одиночестве очутится это нежное и прекрасное существо, если смерть поразит больного!..

– Бог сохранит его для меня, – бормотала она. – Я так горячо молю Его...

Для того чтобы рассеять ее мысли, он спросил ее: считает ли она возможным, согласно выраженному желанию, заняться сшиванием полотна для крыльев...

– Да, если можно работать здесь.

И было решено, что Морис Рембо принесет к ней скроенные куски полотна, приготовленные для сшивания.

Это был еще один повод подняться в каземат, услышать звуки ее голоса и упиваться ее тонким ароматом.

Он поблагодарил ее взглядом и неожиданно задал ей новый вопрос:

– А ваши цветы, мисс?

Она печально указала на раненого, как бы желая сказать, что она отказалась от них, потому что явились более серьезные заботы...

– Кроме того, потребление воды сокращено, и я не имею права позволить себе эту роскошь... Все растения, которые вы видели вчера на нашем столе, отныне за отсутствием воды принесены мной в жертву.

– Позвольте вас спросить, которое из этих растений вы больше всего жалеете?

– Для чего?.. Я предпочитаю не думать об этом. Между ними находился маленький росток цикламена, состоящий из двух побегов. Я взяла его с собой в мою каюту во время путешествия из боязни, что он погибнет в пути. Здесь я посадила его на открытом воздухе, так необходимом для него. Затем, есть еще один экземпляр растения перекати-поле, с большим трудом возвращенный мной... Но это далеко не самые лучшие экземпляры моего бедного садика. По-видимому, больше всего привязываешься к слабым... и я любила мои цикламены...

Подойдя к постели, она робко наклонилась к бледному лицу, которое изредка искажала конвульсивная дрожь, прислу-

шивалась к хриплому дыханию, вырывавшемуся из раненой груди.

Когда Морис Рембо, уходя, переступил порог, она встала и приветливо простилась с ним движением руки.

Ночь опустилась на крепость.

Морис Рембо отправился в караульную. Он был уже настолько известен гарнизону, что перед ним опустили подъемный мост без всякого разрешения начальства. Когда он объяснил унтер-офицеру, что желает ознакомиться с другим входом в грот, не зависящим от внутренней лестницы, его пропустили беспрепятственно. Но лишь только он очутился в крытом проходе, как тотчас повернул в противоположную сторону. Ему было известно, со слов майора, что в этой стороне, на востоке, находится садик Кэт.

Снаряд изо всей силы ударился позади него в гранитную стену, разлетелся на тысячи сверкающих осколков, оглушив его, точно громом. Инженер уже свыкся с этим грохотом и ограничился тем, что бросился бежать из сферы распространения газов.

Подняв голову, он увидел в расселине скалы фиолетовое пятно, которое выделялось на черном граните – это был пучок глицинии. Сад находился там. Перед ним вилась змеей небольшая лестница, высеченная в скале, и когда он поднялся на узкую платформу, где начинался «Кэтгарден», как говорил майор, у него сжалось сердце...

Жестокая война прошла и здесь.

Это был маленький уголок, едва в несколько квадратных метров, оберегаемый самой природой среди хаоса скал. Осколки чугуна изрыли этот поросший зеленью уголок, перевернули и далеко разбросали чернозем, привезенный с таким трудом из далекой Калифорнии.

Эти осколки перерубили хрупкие стебли арума и обильно и ярко цветущие пионы.

Ядовитые газы шимозы в несколько секунд иссушили широкие листья перекаати-поля, золотые венчики раakitника и нежные чашечки колокольчиков; части бегоний и кирказона были отброшены в извилины скалы и умирали при последних лучах солнца.

– Бедная Кэт! – сказал молодой человек. – Значит, она лишается всего зараз!

И вдруг при умирающем свете дня он увидел маленький цветочный горшок, валявшийся на склоне горы, из которого торчали два цветка с розовыми венчиками.

Горшок был разбит, но цветок остался невредим.

Это и был цикламен, привезенный из Сан-Франциско, о котором ему говорила девушка.

Он бросился к цветку, вынул нежное растение из разбитого сосуда и, наполнив карманы землей, убежал в свой каземат, счастливый, точно нашел клад.

Глава 8

Изменник

Не было ни одного солдата в гарнизоне, который в продолжение последних шести дней не принял бы участия в постройке или спуске аэроплана. Не принимали участия только артиллеристы, вынужденные отвечать на выстрелы японцев, рабочие, доставлявшие при помощи грузоподъемных машин огромные снаряды, хранящиеся в пороховых складах, и караульные солдаты, наблюдавшие за всеми бастионами крепости Мидуэй.

Кто не умел пилить, паять, скреплять болтами или пригонять, тот работал около угольной платформы, которая была уже готова и представляла собой площадь, по крайней мере, в тридцать метров длиной и десять метров шириной, с заметным наклоном к морю.

Из страха, чтобы какой-нибудь снаряд не разрушил площадку в последний момент, решили ждать ночи для устройства помоста из досок.

Чем дальше подвигалась работа, тем больше осажденные интересовались летательной машиной, которая должна была передать американскому флоту их мольбу о спасении. Все были убеждены, что помощь не явится раньше, чем воздушный гонец сообщит командующему эскадрой Тихого океана,

адмиралу Гопкинсу, что Мидуэй еще не сдался.

Теперь механическая птица почти закончена. Кэт и ее гувернантка благодаря привезенной из Сан-Франциско швейной машине, быстро соединили принесенные инженером куски полотна. Портные и сапожники затем обтянули им каркас крыльев и очень крепко привязали.

Крылья были прикреплены к платформе, которую продолжали называть лодкой, и соединили их впереди стальными перекладинами, которые придавали всей машине основательную, особенную прочность.

Для облегчения работы лодка была подвешена на толстой цепи к своду грота. И огромная птица, качаясь на расстоянии метра от земли, казалось, уже парила в вышине. Накануне был прилажен впереди руль глубины, а позади – руль направления.

Руль глубины, называемый также рулем высоты, был такого же устройства, как и изобретенный братьями Райт. Это был род небольшого биплана, образовавшего впереди и на высоте головы авиаторов продолжение полозьев, на которых держится вся система.

Подъем или спуск аэроплана достигались наклоном руля глубины вверх или вниз.

Один из рычагов, находившихся у лодки бывшего дирижабля, был сохранен. Руль глубины был прикреплен к этому рычагу, а мы уже знаем, что движением тяги вперед или назад этот самый рычаг управлял искривлением крыльев. Та-

ким образом авиатор имел возможность лавировать в вышине и противодействовал неустойчивости аппарата.

Второй рычаг был признан бесполезным и уничтожен.

Его заменили простым рычагом, напоминающим регулятор скорости у автомобилей. При помощи этого рычага управляли рулем направления.

Этот второй руль представлял собой довольно длинный хвост в шесть метров, заканчивающийся горизонтальным оперением. На этом хвосте перемещается на вертикальной плоскости треугольная, обтянутая полотном поверхность, очень устойчивая вследствие покрывающих ее нескольких слоев материи и деревянных пластинок.

Оперение способствует сохранению равновесия; вертикальная плоскость определяет изменение направления.

Таков был общий вид аэроплана Рембо.

Но к первоначальному плану, установленному французским инженером, прибавилась еще одна часть, не предусмотренная им.

Составляя план своего аппарата, он не рассчитывал на путешествия над морем и поэтому не принял во внимание случаи падения в море и не пробовал принять меры против потопления.

Возможность такой страшной случайности возбудила внимание Арчибальда Форстера как моряка, случайно превращающегося в авиатора. Он получил от своего друга разрешение приделать к аэроплану прибор, предназначенный

для поддержания его на поверхности воды в случае остановки мотора. Устройство этого прибора было определено заранее еще Сантос-Дюмоном для его гидроплана, предназначавшегося для моряков.

Прибор состоял из двух поплавков, расположенных под лодкой, между пробковым дном и полозьями для спуска.

Поплавки цилиндрической формы оканчивались закругленными в виде ядер конусами и состояли из легкого деревянного каркаса, обтянутого полотном. Это полотно покрывалось при помощи кисти густым слоем каучука, придававшего ему абсолютную непроницаемость.

Каждый поплавок был пяти метров в длину, причем они были расположены на расстоянии одного метра друг от друга. Очень простое вычисление, основанное на законе Мариотта и общем весе аэроплана, показывало, что они могут удержать подобную тяжесть, погружаясь в воду приблизительно на две трети своего объема.

Кроме того, можно надеяться, что если порча мотора вынудит механическую птицу опуститься на поверхность моря, то при тихой погоде она может снова подняться собственными силами, скользя на своих поплавках после починки мотора.

Морис Рембо поставил своему другу одно условие: чтобы вес обоих поплавков не превышал 40 килограммов.

В самом деле, вес аэроплана, готового к отъезду, составлял 780 килограммов, и несущая поверхность равнялась 76

метрам. Так как каждый метр несущей поверхности мог поднять 12 килограммов, то всего механическая птица могла поднять 912 килограммов.

Вес аэроплана в 780 килограммов и вес обоих поплавков, равный 40 килограммам, давали инженеру возможность взять еще 90 килограммов. Этого вполне достаточно для всего необходимого.

Поплавки были построены, прорезинены и поставлены на место в продолжение трех дней.

Кэт несколько раз приходила сюда из комнаты своего отца для того, чтобы судить о ходе работы, и она особенно радовалась нововведению Форстера. Она больше всего боялась за смелых авиаторов, которые в случае порчи мотора будут лишены возможности избежать потопления.

И в самом деле, если допустить, что они, снабженные спасательными кругами или буйками, продержатся на воде после потопления аппарата, то каким образом, затерянные среди бесконечного моря, они привлекли бы внимание какого-нибудь проходящего вдали пакетбота? Аэроплан же, качающийся на своих двух поплавках, будет виден за три мили, и если даже он не будет в силах подняться, то может надеяться на помощь.

Наконец позади лодки, в металлических гнездах, вделанных под дном, Морис Рембо разместил две сильные боевые ракеты, приготовленные и набитые под его руководством фейерверкерами Мидуэя. Их можно было зажечь одновре-

менно трением взрывчатого вещества в капсуле. Для этого достаточно было потянуть медную проволоку, оканчивавшуюся около рычага.

Итак, у Мориса Рембо все было под рукой. Он был единственным хозяином своей летательной машины и независимым от всякого внешнего влияния. Две такие же запасные ракеты были помещены в лодке.

Арчибальд Форстер принял на себя заботы о припасах. Он взял из складов Мидуэя множество бидонов с бензином и маслом и прикрепил за машиной. Остановка мотора была вопросом жизни для аэроплана. Поэтому самым главным было обеспечить достаточное количество бензина в резервуаре. Для того чтобы Форстер мог во всякое время видеть, сколько бензина в резервуаре, вмещавшем 80 литров, Морис Рембо устроил на нем стеклянную трубку против самого сиденья Форстера. Эта трубка показывала, сколько жидкости оставалось в резервуаре.

Что касается съестных припасов, то они были сокращены по возможности. Они были взяты в количестве, необходимом на четыре дня, так как инженер считал, что аэроплан не пробудет в воздухе более 40–50 часов. Они состояли из консервов, прессованного сыра, содержащего при малом объеме много азота, капсуль с нептоном, нескольких бутылок старого вина, присланного Кэт Гезей, готового черного кофе, флакона с колой, предназначенной для борьбы авиаторов со сном. Вот и все. Четыре заряженные петарды и четыре разно-

цветные ракеты находились под рукой для того, чтобы в случае несчастья иметь возможность просить о помощи днем и ночью.

* * *

На шестой день вечером Морис Рембо пустил свой мотор до максимальной скорости в продолжение трех часов безостановочно и был вполне доволен правильностью и легкостью его хода. Винты делали 1800 оборотов: при такой скорости и попутном ветре аэроплан может сделать в час от 160 до 170 километров.

Ветер был вполне благоприятный. Это был период пассатных ветров, дувших по направлению к востоку.

* * *

В течение шести суток усиленной работы Морис Рембо спал не больше трех часов за ночь.

Он наблюдал за всем, контролировал самые незначительные слесарные работы, взвешивал различные части своей машины, проделал все вычисления поверхности, определял центр тяжести всего аппарата и практически проверял его устойчивость.

Но среди цифр и всевозможных опытов перед его глаза-

ми постоянно мелькало бледное лицо Кэт Гезей, склоненное над постелью отца, и он пользовался всеми случаями, чтобы подняться к коменданту и увидеть ее. Но опасное положение больного не позволяло ему говорить с девушкой о чем-либо ином, кроме здоровья раненого или успешного хода работ для аэроплана.

Кэт, в свою очередь, становилась с каждым днем печальнее, так как лихорадка не уменьшалась и не наступало никакого улучшения. Она рыдала после каждого визита доктора Сандерсона. Старая Оливия заключала ее в объятия, а Морис Рембо, чувствуя дыхание смерти в этой комнате, с болезненным страхом думал о приближающейся минуте своего отъезда.

Он будет далеко, когда ее поразит роковой удар. Спарк, наоборот, будет около нее, и эта мысль лишала его на короткое время всякого мужества и надежды.

Он снова овладевал собой, быстро спускался из машинного отделения в грот, лихорадочно торопил рабочих, сам принимался за работу и иногда, охваченный желанием подвергнуть себя опасности, выходил из крепости и предоставлял себя снарядам.

Он наблюдал с высоты своей угольной площадки за японскими судами, которые продолжали стрелять довольно метко, но уже слабее. Эти суда крейсировали на более далеком расстоянии, как бы избегая таким путем удачных выстрелов с башни Мидуэя.

Затем мысль о том, что он может уехать днем раньше, спасти крепость и, может быть, найти в живых отца Кэт, снова гнала его к летательной машине, от которой зависело все. Несмотря на горячее желание поспешить с отъездом, он тщательно проверял все части.

Он являлся в свой каземат только для поливки своих драгоценных цикламенов, употребляя на нее часть воды, доставляемой ему ежедневно, как и каждому защитнику Мидуэя, потому что было решено применять ко всем без исключения безусловно одинаковые правила.

Что касается майора, слабость которого увеличивалась, то он, казалось, оживал при всяком появлении молодого инженера у его постели. Он внимательно выслушивал все объяснения, хотя и краткие, но касающиеся хода работ в течение дня. В нервном пожатии его руки Морис Рембо чувствовал немую просьбу поторопиться с отъездом и горячее желание прожить до времени его возвращения, то есть до того момента, когда старый воин узнает о снятии осады с его крепости и увидит свое дитя в безопасности.

* * *

Ценой усиленной работы Морис Рембо выиграл один день. Благодаря умелому и беспрестанному содействию Кердока сборка аэроплана была закончена в половине шестого дня.

Это был четверг.

Вторая половина дня была употреблена для новой проверки мотора, правильного действия различных частей, исправности смазки, движения рулей и искривления крыльев.

Когда он увидел свое дело законченным, Морис Рембо решил воспользоваться еще двенадцатью часами и уехать в тот же вечер.

Но лейтенант Форстер заметил ему, что было бы слишком рискованно тронуться в путь, не совершив пробного полета.

– Пробный полет, – ответил инженер, – только возбудит внимание японцев и вызовет пушечную пальбу залпами в нас, когда мы в самом деле тронемся в путь. Достаточно семи, восьми снарядов, пущенных сразу, и они изрешетят наш аппарат вместе с нами.

– Но возможно, что ваши вычисления ошибочны в какой-нибудь мелочи, и мы упадем в воду во время отъезда.

– Никогда! В авиации самое главное – вычисления: известной несущей поверхности соответствует известная подъемная сила; определенной скорости вращения винтов – определенная скорость поступательного движения. Для авиации прошли времена, когда мы ходили ошупью, по крайней мере для авиатора, работающего в тихую погоду, как мы теперь. Это время прошло даже для аэростатики, потому что газ, наполняющий шар, подчинен условиям температуры и давления, дающим место вычислениям.

– Быть может, вы правы, мой дорогой Морис, но я был

бы спокойнее, если бы мы могли сделать несколько километров вокруг Мидуэя, прежде чем пуститься в пустыни Тихого океана. Подумайте, ведь для меня, профана, это будет первый полет.

– Вы, значит, не доверяете мне, мой друг?

– Напротив, вполне доверяю! Иначе я не поехал бы с вами... Но отчего бы нам не воспользоваться всеми козырями в вашей игре?

– Существует еще одна причина, не позволяющая мне согласиться на ваше предложение, мой дорогой Арчибальд: пробный полет потребует нашего возвращения в Мидуэй, и я боялся бы сломать одно из наших крыльев об скалу при спуске на землю после опыта. Мы еще не дошли до того, чтобы опускаться, как птицы, осторожно и на точно избранную нами для спуска точку. Место нашего спуска не широко – это платформа, а за ней, если мы не спустимся по ее оси, находится стена, на которую нас может отнести по инерции. Наконец, скоро ночь. Можем ли мы быть уверены, что найдем в темноте эту платформу? Если я не попаду на нее, даже не наскочив на вал, и опущусь на другом конце острова, то придется перевозить в темноте, через скалы, груз в семьсот – восемьсот килограммов с южного на северный бастион! Нет, верьте мне, мой дорогой Арчибальд, раз улетев, нечего и думать о возвращении сюда.

Под влиянием этих доводов, и особенно доверия к своему другу, офицер уступил.

Было решено, что аэроплан отправится в путь на следующий день при первых лучах рассвета и сделает полукруг около Мидуэя, со стороны, противоположной японским крейсерам, для того, чтобы удостовериться в правильном действии всех частей. На остров же они спустятся только в том случае, если будет констатирована какая-нибудь неисправность.

Если же ничего не случится на расстоянии этих первых миль, он полетит прямо на восток.

Морис Рембо спустился в грот для того, чтобы дать Кердоку последние распоряжения в этом смысле.

Мастер также настаивал на необходимости пробного полета. Он полагал, что ему будет посвящен весь следующий день и что инженер воспользуется затем ночным временем для окончательного отъезда, так как звезды являются самыми верными указателями пути и луна с одиннадцати часов вечера находится высоко на небе.

После отрицательного ответа инженера он больше не настаивал.

– Все будет готово, – сказал он. – Но, господин инженер, вам надо отдохнуть.

– Я думал об этом: я буду спать эту ночь.

– Но не на матрасе, в гроте, как в те ночи... Вам нужен полный отдых, в вашем каземате, на вашей постели.

– Вы правы, Кердок, я лягу, как следует. Не забудьте поставить, как всегда, караул около аэроплана.

– Сегодня я буду караулить сам...

– Но вы тоже утомлены?

– Я могу выспаться и после...

Морис Рембо пожал с чувством руки мастера. Успехом этой попытки он отчасти обязан этому прекрасному работнику и, поднимаясь по винтовой лестнице, ведущей на площадку коменданта, он думал о своем несправедливом подозрении при первом знакомстве с метисом.

Он решил попрощаться с майором Гезеем и его дочерью.

Прежде чем отправиться туда, он зашел в свой каземат и захватил горшок с цикламеном.

– Я ждала вас, – сказала девушка, открывая ему дверь. – Отцу так плохо... я боюсь. Мне кажется, что он слабеет с каждым днем. А! Мой цикламен!..

И бледное лицо Кэт покрылось румянцем.

– Мне так хотелось сохранить его, – сказал молодой человек. – Пять дней этот цветок стоял у моего изголовья, но кто будет ухаживать за ним? Я принес его вам, мисс...

– Благодарю вас, – сказала она. – В этой внимательности и деликатности виден француз: другой и не стал бы...

«Другой! – подумал он. – Значит, Спарк...»

Это замечание придало ему смелость. Он готов был сказать ей, что он уносит ее образ в глубине своей души, что он любит ее...

Но он не осмелился говорить в нескольких шагах от раненого, умирающего отца.

Она смотрела на него своими ясными глазами и протяги-

вала золотой образец овальной формы, на котором рельефно выделялся образ Девы кисти Мурильо, поднимающейся на небо среди туч и ангелов, опираясь босыми ногами на луну.

– Я не знаю, существует ли отдельный святой для аэропланов, как святой Христофор, покровитель автомобилей, – сказала она, – вот образец, который я носила на шее, когда жила ребенком в монастыре. Позже он висел у меня на браслете, с которым я никогда не расставалась. Нечего говорить, как я дорожу им и верю в этот образец. Я прошу вас прикрепить его на таком месте вашей лодки, где он был бы постоянно перед вашими глазами...

Молодой человек поблагодарил ее от всей души. В это время с постели больного послышалось какое-то болезненное хрипение.

– Вы слышите... Бедный папа... Он будет так же скверно спать, как и в прошлую ночь...

– Умоляю вас, – сказал он, – разрешите мне остаться здесь... около него... около вас! Вы измучите себя, проводя ночи без сна!

– Мы чередуемся с Оливией... Часто доктор проводит у постели по несколько часов.

– Позвольте мне сегодня заменить его... в этот последний вечер, – сказал он очень тихо.

– Я не позволю, господин Рембо... Вы знаете, что вам придется бодрствовать много времени? Ведь решено было, что вы будете спать всю последнюю ночь.

– Я не усну... я более чем уверен в этом.

– Нет, вы уснете... я этого желаю...

Воцарилась тишина... Хрипение, еще более тяжелое, повторилось и прервало их разговор.

– Этот хрип поражает меня в самое сердце, – сказала она. – Если бы вы знали, как он страдает!

Она поспешила к постели, наклонилась и через несколько мгновений вернулась к молодому человеку, робко отступившему к двери.

– Нет, – сказала она, – возвратите мне мой образок...

– Почему? – спросил он молящим голосом.

– Успокойтесь! Я никогда не отнимаю того, что отдала...

Но мне пришла мысль... я хочу сама прикрепить его к месту, которое я выберу на вашей лодке.

– Сейчас?

– Нет, перед вашим отъездом.

– Значит, мы еще раз попрощаемся тогда с вами...

– В котором часу вы уезжаете?

– В четыре часа утра.

– В котором часу вы выведете аэроплан из грота?

– За полчаса – в половине четвертого. Все готово для быстрой доставки его на платформу. В настоящую минуту настилают покрытый салом помост, с которого аэроплан будет пущен.

– Который теперь час?

– Скоро восемь часов.

– Выслушайте меня: вы пойдете отдыхать, выспитесь спокойно в течение шести часов. Это необходимо в интересах вашего дела. Я так хочу, – повторила она несколько властным тоном, и глаза ее блеснули. – Вы обещаете?

– Я сделаю все, что вам угодно...

– Я буду подражать вам. Оливия заменит меня здесь, а в два часа ночи я отпущу ее. Вы придете тогда за мной сюда.

– В такой поздний час?

– Мы живем здесь вне всяких светских условностей, в осажденной крепости. Не все ли равно – поздний или ранний час?

– Я приду...

– И мы отправимся к аэроплану для прикрепления образка.

– Следовательно, вы будете там в момент отъезда, мисс Кэт?

– Только не на платформе; но я знаю, из какого каземата я увижу ваш отъезд, и буду наблюдать оттуда.

– Из какого каземата?

– Не скажу! Вы не имеете права быть рассеянным в такую важную минуту отъезда... Вам нельзя оборачиваться... Вы будете знать, что я там и молюсь за вас...

– Благодарю вас, – бормотал он.

– Спице, я этого хочу... А в два часа будьте здесь...

Она протянула ему свою тонкую руку, на которой он, наклонившись, запечатлел долгий поцелуй. Он ушел в свой ка-

земат взволнованный, счастливый. Ему казалось, что он чувствует, как она разделяет его любовь.

Его ожидал солдат, состоявший при нем в качестве ординарца. Он отпустил его, приказав разбудить ровно в половине второго под утро. Весь переполненный сладкими мечтами и радостными надеждами, Морис Рембо уснул – ведь она этого требовала...

* * *

Но в течение восьми дней он отвык от продолжительного сна и еще задолго до назначенного времени, в полночь, он был уже на ногах, одетый и готовый к отъезду.

Он проверил, все ли взято с собой: нож, компас, ручной ящик с инструментами, так как на аэроплане нет времени переходить с места на место и все должно быть под рукой. Затем он увидел на стене револьвер лейтенанта, комнату которого он занимал.

Это был револьвер системы «Смит и Вессон». Морис снял его со стены – он был заряжен.

Он подумал, что револьвер может ему пригодиться, а офицер легко найдет себе другой, и положил его в карман.

Ему нужно ждать еще два часа до момента свидания.

Чем заняться в ожидании этого времени?

Он решил спуститься в грот, но там все было готово. Не стоило будить Кердока, приведшего все в порядок накануне

и теперь отдохавшего.

Не отдавая себе отчета, молодой человек очутился у двери комендантской квартиры.

Дверь была полуоткрыта, и он вошел бесшумно, рассчитывая найти у постели раненого старую Оливию.

Но здесь была Кэт.

Она пошла к нему навстречу и, глядя ему в глаза, сказала:

– Мне следовало бы побранить вас заслушание. Но я не хочу лгать, я была уверена, что вы явитесь задолго до назначенного часа, и оставила дверь открытой для вас...

– Благодарю вас, – сказал он вполголоса. – Мысль, что я должен уехать, покинуть вас, не дает мне спать... А вы?

– Папе плохо, и я предпочла не ложиться. Меня все больше беспокоит его положение. Боже мой! А если он покинет меня! Я пригласила доктора.

Молодой человек хотел ответить ей, но душа его была переполнена.

Он вздрогнул, когда больной позвал:

– Кэт, дитя мое! Иди сюда!

Они подошли к постели вместе.

С блестящими от лихорадки глазами майор спросил:

– Разве еще не пора переменить повязку, Кэт? Мне так больно!..

– Пора, папочка!

И, отыскав склянку и бинты, она сказала вполголоса:

– Когда я переменю повязку, он не будет чувствовать бо-

ли в течение двух часов. Доктор, вероятно, прибавил к этой мази болеутоляющее средство, и оно его несколько успокаивает. Бедный папа!..

Она принялась за работу.

– Не помочь ли вам, мисс?

– Я привыкла теперь... Подержите только склянку, вы намажете вату...

И майор Гезей, сжав зубы от боли, не сводил глаз с молодого француза.

Когда перевязка была окончена, он как бы вздохнул легче и поблагодарил дочь взглядом.

Лицо его стало спокойнее, и он медленно отчеканивал слова, снова глядя на инженера:

– Вы уезжаете?

– Да, комендант, сейчас...

– Вы доедете, не правда ли? Нужно доехать...

– Доберусь, комендант!

Майор Гезей продолжительно вздохнул и снова заговорил прерывающимся голосом:

– Нельзя допустить... нельзя, чтобы знамя, находящееся там, наверху... попало в их руки... Японцы представляют собой дикарей, только затронутых культурой... В сущности, они более жестоки, чем китайцы... Если они овладеют Мидуэем, то будут беспощадны... потому что Европа не узнает... А Кэт? Что будет с ней тогда?

Он не закончил. Его худая рука умоляюще потянулась к

молодому человеку, схватившему и крепко пожавшему ее.

Стало тихо, и в это время из раненой груди старого воина снова вырвался резкий звук, напоминавший предсмертный хрип.

Морис Рембо хотел отойти от кровати, но майор Гезей, закрывший глаза от истощения, снова открыл их и, указывая на отрывной календарь, сказал:

– Сегодня двенадцатое июня. Когда же вы вернетесь?

– Я вернусь с эскадрой, комендант! Было бы безумием возвращаться на аэроплане, так как у меня имеются только самые первобытные способы для определения пути, и я рискую не найти Мидуэй среди морской пустыни Тихого океана.

– Да, нужно вернуться с эскадрой... Но когда приблизительно?

Всякому другому, кроме этого умирающего, молодой человек сказал бы, что нельзя точно определить, через четыре или пять дней. Но он встретился с глазами Кэт, тоже глядевшей на него вопросительно. Он понял, что им необходимо точно определить число, воплотить их последнюю надежду...

И, подумав несколько мгновений, он объявил:

– Я возвращусь в Мидуэй двадцать первого июня.

– Двадцать первого, – повторил старый воин, – через девять дней! Я буду считать часы! Благодарю вас, мой друг... Да сопутствует вам Провидение, и да возвратит Оно вас

нам...

Обессиленный этим разговором комендант лежал неподвижно, с закрытыми глазами и свистящим дыханием.

Доктор Сандерсон, приглашенный девушкой, вошел в эту минуту в комнату. Он взялся за пульс больного, но на лице его нельзя было прочесть мыслей.

Доктор сказал вполголоса инженеру, когда тот прощался с ним:

– Это человек старого закала... У него душа крепко связана с телом, иначе...

– Вы надеетесь на выздоровление? – спросил Морис, когда девушка поправляла подушки больного.

– Нет, – ответил очень тихо доктор Сандерсон. – Легкое поражено раной, которая не заживет.

– Значит, я не увижу его, – сказал Морис, направляясь к двери.

– Наверно... Разве вы думаете возвратиться сюда?

– Я твердо надеюсь, доктор.

– Вы серьезно рассчитываете сделать такое огромное расстояние на этом случайном аппарате, который я только что видел?

– Мой аппарат не представляет аэроплана, законченного в мастерской. Каркас его крыльев слишком хрупок, но все вместе построено настолько основательно, насколько я мог этого желать. Огромное преимущество авиации перед аэростатикой состоит в простоте сооружения частей аэроплана,

и если только не изменит мотор...

– Ваш двигатель, по-видимому, прекрасен?

– Несомненно, отличный двигатель. Он действует часами, днями непрерывно. Отсутствие нагревания благодаря громадной скорости, допускающей охлаждение без всякого циркулирования воды, безусловная автоматичность карбюраторов, правильное действие клапанов, совершенство свечей, которые не могут быть замаслены. Все это способствует тому, что мой двигатель ни в чем не уступает лучшим паровым машинам. Скажу больше, он может работать, конечно, несколько слабее, но все же способен действовать при каких бы то ни было жидкостях, при помощи спирта, тяжелого масла – нужно только переменить поплавки карбюратора... Поэтому если я не найду бензина на больших островах, то наверняка найду там спирт. Почему же при таких условиях я не могу добраться до эскадры?

– Если для удачного выполнения плана нужна только вера, все наши пожелания будут сопровождать вас. Вы отправляетесь в грот?

За него ответила Кэт. Она накинула на голову длинное белое покрывало, закрывавшее плечи и спускавшееся до талии.

– Я уйду на минуту с господином Рембо. Я не видела аэроплана готовым к отъезду. Он покажет его мне, и я вернусь сюда. Я оставляю вас, доктор, у постели отца!

Доктор крепко пожал на прощание руку инженеру.

Сопровождаемый Кэт, Морис Рембо спустился с лестницы, ведущей в грот.

Через несколько минут они стояли перед огромной желтой птицей, спускавшейся со свода.

С двумя распушенными, правильно изогнутыми крыльями, она напоминала одно из допотопных чудовищ – наполовину толстокожих, наполовину пернатых, белые остовы которых еще находят среди ледниковых пластов.

Под аэропланом на двух рельсах стояла тележка, готовая принять его и по наклонной плоскости, устроенной у грота, доставить в несколько минут на верхушку угольной платформы. Высокая и черная стена последней, 30 метров вышиной, неясно обрисовывалась в темноте.

– Он кажется громадным, когда висит... – шептала девушка.

– Знаете, как я назвал его, мисс?

– У него есть имя?

– Да, смотрите...

И она прочитала на выступе из пробкового дерева, образовавшем позади лодки перекладину, надпись, сделанную от руки белыми буквами: «Кэтсберд»⁴.

– Вы разрешаете? – спросил он.

Она утвердительно покачала головой и поблагодарила его бесконечно нежным взглядом.

Сердце Мориса Рембо усиленно билось. Его охватило

---

⁴ Птица Кэт.

сильное волнение при мысли, что он находится здесь, в этой пещере, с глазу на глаз с ней... Он и не подумал о том, что никто не караулит аэроплан и почему часовой, назначенный с первого дня к этой машине, не был на своем посту. Он не подумал о том, куда девался Кердок, постель которого находилась здесь, у базальтовой стены, и была теперь пуста.

– Я прикреплю образок, – сказала она... – Но нужно его прибить гвоздем... Где ваше место?

– Там, на сиденье, у рычага...

– Можно его прикрепить к рычагу? Тогда он будет всегда на ваших глазах...

– Это легко! Подождите, мы прикрепим его при помощи винта... Это будет прочнее.

Только теперь он заметил отсутствие Кердока.

– Где же мой мастер? – сказал он.

Поглощенный мыслью отыскать отвертку, он и не подумал звать Кердока и стал искать инструмент в заднем ящике лодки.

– Помогите мне войти в лодку... Я хочу сесть на ваше место и привинтить собственноручно около этой рукояти.

Он помог ей взобраться в лодку, висевшую, по крайней мере, на высоте одного метра от тележки. Когда она вошла туда, огромная птица, казалось, качалась при свете дуговых ламп.

Привинтив образок, она вынула из-за своего корсажа цветок, перевязанный голубой лентой, и прикрепила его около

образка.

Морис узнал один из стеблей цикламена.

– Я сохранила второй стебель, – сказала она, – вы найдете его цветущим после вашего возвращения. Этот... засохнет... но не даст вам... забыть о Мидуэе...

– О мисс! – запротестовал он порывисто.

– Говорят, что птицы теряют память во время полета, – сказала она.

Поднявшись, она прибавила:

– Теперь я увижу вас на вашем посту... Святая Дева да...

Но вдруг она остановилась и протянула руку по направлению к угольной стене.

– Что это значит? – спросила она.

– Что вы видите, мисс?

– Полосы света, движущиеся взад и вперед, там, наверху, на платформе.

– Я ничего не вижу.

– Я нахожусь выше вас и вижу отсюда... Точно цветные стекла показываются... Вот красное... белое.

Заинтересованный Морис Рембо взобрался в лодку около нее, наблюдал некоторое время и крикнул глухим голосом:

– Скорее, мисс, вылезайте!

Он протянул ей руку, помогая соскочить на землю.

Аэроплан качался, и он остановил из предосторожности его движение. Вслед за тем Морис Рембо быстро увел девушку к двери, ведущей на лестницу.

– Мисс, прошу вас, поднитесь к себе и попросите доктора разбудить капитана Бродвея... Пусть он придет сюда с несколькими солдатами...

– А вы?

– Я останусь здесь...

– Что же там творится?

– Я боюсь, что догадываюсь о чем-то страшном... Это Кердок!

– Я не оставлю вас... Вы вооружены?

– Да! Но умоляю вас, идите домой!

– Что же вы будете здесь делать?

– Поднимусь наверх для наблюдения. Это сигналы, даваемые человеком,двигающимся взад и вперед... Кому? Не кому иному, как врагу!

– Дайте слово, что вы не будете себя подвергать опасности до тех пор, пока я не вернусь с капитаном Бродвеем?

– Я не могу дать слова... Все зависит от... – Он замолчал.

Полосы света стали более заметны и появились на верхушке высокой стены.

Взяв девушку за руку, он привел ее к угольной стене, так как они рисковали привлечь внимание спускавшегося человека, если бы попробовали выйти в дверь, ведущую на лестницу.

Покатость, устроенная для подъема на платформу тележки с аэропланом, бросала на одно место стены густую тень. Они подошли к основанию стены именно в этом месте.

И, прижавшись друг к другу, стояли неподвижно, сдерживая дыхание.

Над ними послышался скрип лежавших между рельсами досок под чьими-то мягкими шагами.

Сигнализовавший человек бегом спустился с платформы.

Не доходя до края площадки, он спрыгнул на землю с легкостью кошки и показался при полном освещении.

Это был Кердок.

Морис Рембо думал увидеть в его руках фонари с цветными стеклами, которыми он сигнализировал по направлению к морю. Но у него их не было.

Вероятно, он поместил их там, в вышине, в местах, невидимых из крепости.

Мастер направился к тому месту в гроте, где была прикреплена на большом крюке цепь, поддерживавшая при помощи висевшего под сводом блока аэроплан.

Подойдя туда, он неожиданно остановился.

Он стоял совсем близко к концу одного крыла и глядел на него, как на чудо.

Это было в самом деле чудо, так как крыло качалось.

Инженеру не удалось полностью остановить движение крыла, когда он останавливал аппарат.

Кто же был здесь?

Заинтригованный метис стоял так несколько мгновений с наморщенными бровями, разглядывая большую птицу. За-

тем он осмотрел все кругом, разыскивая невидимого врага, присутствие которого он подозревал.

Морис Рембо почувствовал, как девушка, дрожа, приблизилась к нему.

– Ради бога, – шептала она ему на ухо, – не шевелитесь!

Вдруг Кердок заметил образок и цветок цикламены, привязанный к рычагу голубой лентой.

Его черты исказились.

Он понял, что дочь коменданта приходила сюда в его отсутствие прикрепить все это к лодке и затем вернулась к себе. Идиллия и больше ничего!

Он показал свои желтые зубы. И молодые люди, совершенно скрытые в благодетельной тени, увидели, как он снова медленно поворачивал голову по всем направлениям и наконец направился к двери винтовой лестницы.

Он перешагнул первые две ступеньки и, вытянув шею, стал прислушиваться. Его вид был так страшен и так таинствен, что Морис Рембо опустил руку в карман и вынул свой револьвер, причем девушка почувствовала на своей руке прикосновение оружия.

Она придвинулась еще ближе, и молодой человек заметил, что она дрожала сильнее.

Он сказал ей очень тихо:

– Не бойтесь... Только не шевелитесь...

Она взяла его свободную руку и крепко зажала ее в своих руках, чувствуя себя таким образом под его защитой.

Он вздрогнул с ног до головы.

Эта прелестная девушка, которую он любил уже всей душой, здесь, около него. Он чувствует ее волосы на своей щеке, вдыхает запах вербены.

Весь трагизм положения в эту минуту исчез для него.

Увлеченный какой-то непреодолимой силой, он шепнул, не переводя дыхания:

– Кэт, я вас люблю... Не бойтесь...

Маленькая ручка дрогнула и крепче сжала его руку. Он повторил:

– Я вас так люблю...

Несмотря на то что его голос был не громче шума, производимого крыльями ночной бабочки, порхающей в яркой полосе света электрической лампы, он понял, что Кэт слышит его, так как она шептала ему на ухо:

– Ах, Морис...

Дыхание их смешалось, и они ждали...

Кердок, успокоившись после своего осмотра, запер дверь, ведущую на лестницу.

Он бесшумно закрыл засов, которого инженер до сих пор не заметил и существование которого было совершенно непонятно.

В каких случаях могло понадобиться закрыть доступ в грот тем, которые являлись сюда из самой крепости?

Наоборот, необходимо было закрыть вход с лестницы приходящим извне крепости, так как исключительно этим пу-

тем можно было проникнуть в крепость неожиданно, помимо всех валов, башен и митральез.

Не было никакого сомнения, что Кердок переместил днем засов, закрывавший тяжелую дверь, и эта предосторожность сама по себе выдавала его замыслы.

Что же он будет делать теперь?

Закрыв дверь засовом, он еще раз оглянулся вокруг и, подбежав к концу цепи, снял ее и затем медленно опустил.

Мало-помалу аэроплан опустился и встал на тележку.

Теперь мастер перешагнул через правый борт, перегнулся через машину и достал со дна лодки инструмент, по-видимому, приготовленный заранее. Он отвинтил болты, снял верхнюю часть одного из цилиндров, затем, надавливая на пружину, вынул сердечник одного из клапанов.

Спустя минуту он приподнял этот клапан, вынул его из зажигательной камеры и, подбежав к станку, расположенному на расстоянии нескольких метров, заключил его в тиски. Затем он взял какой-то инструмент, и послышался визг напильника, врезавшегося в закаленную сталь сердечника клапана.

– Разбойник! – шептал инженер.

На этот раз его маневр был ясен; спилив до половины или двух третей сердечники клапанов, он сделал бы их настолько непрочными, что тот или другой из них неизбежно сломался бы через несколько миль...

Это вызвало бы неминуемую порчу мотора, падение в мо-

ре со всеми его последствиями.

Даже при запасных клапанах подобная починка невозможна во время полета.

Метис стоял спиной к молодым людям, когда работал напильником.

На одно мгновение у Мориса Рембо, очень метко стрелявшего из револьвера, мелькнула мысль неслышно подойти и выстрелить в него в упор. Но он мог промахнуться, и что будет тогда?

Разве он мог подвергнуть опасности Кэт, если этот бездельник также вооружен? Который же теперь час? Вероятно, час ночи...

И как мог Кердок так спокойно делать свое дело за час до начала приготовлений к отъезду!

Изменник работал с лихорадочной поспешностью.

Вероятно, он очень поздно освободил себя от караульных и рабочих, находившихся около него до последней минуты.

Он рассчитывал, что весь следующий день будет посвящен опытам, и отложил исполнение своего плана до окончания этих опытов. Таким образом у него оказалось мало времени, когда он узнал, что опыты не состоятся.

Он вернулся к лодке и поднял клапан, посмотрел его на свет дуговой лампы. По-видимому, он остался доволен своей работой и поставил клапан на свое место. Эта операция была одной из самых трудных при разборке мотора, но он с необыкновенной ловкостью вставил конец пружины в ее

паз и через несколько минут возвратился к станку со вторым клапаном. Очевидно, он хотел подпилить так все, может быть, еще и распределительные клапаны.

Инженер почувствовал, как на лбу его выступил холодный пот.

Ему известно, что имеется только шесть запасных клапанов, а части подобной точности не могут быть воспроизведены в мастерской Мидуэя.

Морис Рембо подумал сначала, что скоро сюда явятся рабочие, солдаты, и Кердок будет вынужден открыть дверь, закрытую для того, чтобы его не поймали. В эту минуту он и прикажет убить его.

Но нужно было покончить с ним раньше, нечего было и думать ожидать дольше.

– Кэт, умоляю вас, стойте здесь и не шевелитесь, – шептал он ей на ухо.

Она ничего не ответила, но он почувствовал, как она схватила его за плечо, точно желая удержать.

– Это необходимо, – продолжал он, – машина будет испорчена, и все потеряно...

– Морис, возьмите, – сказала она.

Она положила ему в руку маленький кинжал, лезвие которого было заключено в кожаный футляр. Он с трудом разобрал ее слова, так дрожал ее голос:

– Осторожно... лезвие отравлено...

Морис вздрогнул: для чего и каким образом попало к ней

это оружие?

– Я люблю вас, Кэт! – сказал он еще раз.

Он решился наконец подойти как можно ближе и убить негодяя.

– Кэт, – сказал он в последний раз, – я люблю вас!

И до него долетело, как ветерок, слово, которого он ждал давно:

– Я люблю вас, Морис!

Он почувствовал в себе мужество и осторожно направился к изменнику.

Шум его шагов заглушили песок и скрип напильника, таким образом, Кердок не расслышал их. Он шел как можно дальше, под прикрытием навеса, скрывавшего их, затем он вынужден был выйти из-под него, потому что навес опускался к земле, – и быстро скрылся за лодкой.

Мастер должен был подойти с противоположной стороны. Кердок ничего не слышал.

С этого места Морис мог стрелять в негодяя наверняка, так как он находился на расстоянии пяти метров.

Но Кердок наклонился над станком, повернувшись спиной и спрятав голову, а при таком положении его можно было только ранить.

И Морис Рембо, согнувшись, выжидал.

Прошла минута, и мастер возвратился к лодке.

В это время послышался подавленный крик в том месте, где Морис оставил Кэт. Он понял, что девушка, измученная

страшным волнением, не выдержала и выдала свое присутствие.

Морис Рембо вскочил, держа в руке револьвер.

Но метис, не заметив его, бросился уже с кинжалом в руке по направлению к подозрительному месту...

Мысль об опасности, которая угрожала той, которую он любил, заставила Мориса Рембо вздрогнуть. Перешагнув через нижнюю часть покатого навеса, он подбежал к Кердоку в тот момент, когда тот повернулся, услышав за собой шаги.

И прежде чем негодяй успел поднять руку, он всадил ему пулю между глазами.

Кердок упал, как пласт.

Второй выстрел в ухо Морис Рембо сделал для уверенности, что тот больше не встанет.

Затем он бросился к девушке, лежавшей в обмороке у черной стены.

– Кэт, моя дорогая, это я!

Его пламенные речи привели ее в себя, и еще под впечатлением невыразимого ужаса она конвульсивно прижалась к нему, повторяя:

– Морис... Морис!

– Не бойтесь, – сказал он, – он убит! Уйдем скорее, прежде чем сюда пришли!

Он поддерживал ее, так как она чуть не упала снова при виде вытянувшегося трупа.

Когда они подошли к двери каземата, она прошептала:

– Что я могу сказать вам?

– Кэт, – взывал он, прижимая ее к себе, – Кэт, моя невеста...

– Да, ваша невеста, которая будет вас ждать или не переживет вас!

И на пороге каземата он как жених поцеловал ее в лоб.

Глава 9

Утренний отлет

Проводив Кэт без всяких неприятных встреч, Морис Рембо поспешно, усиленно, нервно постучал в дверь капитана Бродвея, так как по странной случайности оба револьверных выстрела, раздавшиеся в гроте, не были слышны нигде в крепости, настолько толсты были скалистые стены, отделявшие различные уголки крепости.

Очень встревоженный кратким рассказом молодого инженера, не обмолвившегося о присутствии там Кэт, капитан спустился на гауптвахту. Здесь было сосредоточено множество кнопок электрических звонков, сообщающихся с отделениями, казематами офицеров и тремя башнями и дающих возможность призвать к оружию весь гарнизон.

Он узнал здесь, что часовые, стоявшие у аэроплана, были отосланы Кердоком в полночь, причем он уверял очень властно, что инженер не нуждается больше в них. Убедившись в этом, капитан сам нажал кнопки звонков, и вестовые были тотчас отправлены во все концы казарм для оповещения о призыве всех к оружию.

Сигнализация шпиона с платформы, несомненно, имела исключительной целью привлечь при помощи условных знаков японский десант. Японские крейсера стояли в ожидании,

пока крепость Мидуэй, обессиленная сыпавшимися на нее снарядами, не решит сдаться.

Нужно было ожидать высадки, неожиданного нападения, вроде отбитого в первую ночь.

План Кердока был ясен: ввести японцев в грот и отдать в их распоряжение обходную лестницу, затворы которой он изменил, переместив засов на двери.

Сопровождая их по лабиринту казематов и дав им возможность напасть на караульный пост подъемного моста с тыла, он таким образом позволил бы другим частям десанта проникнуть в крепость через главный вход. И всякое сопротивление было бы невозможно.

Если даже допустить, что прибывшим вовремя отрядом нападающие были бы отброшены обратно от лестницы, то неприятель все-таки завладел бы гротом. В подобном случае такое близкое соседство японцев с крепостью, при их большой опытности в обращении со взрывчатыми снарядами, было бы очень опасно.

Наконец, завладев гротом, они уничтожили бы или скорее воспользовались бы аэропланом для своих целей, так как они слишком изобретательны, слишком рассудительны, чтобы не извлечь из него пользы.

– И последняя надежда крепости была бы разбита, результаты шестидневного труда были бы уничтожены.

Капитан Бродвей, отдавая последние распоряжения для приготовления к бою, все время думал об этом. Он не пе-

реставал выражать свою глубокую благодарность молодому французу, своевременное вмешательство которого спасло крепость Мидуэй от угрожавшей ей страшной опасности.

– Вы оказали нам эту услугу, – сказал американский офицер, – в ту именно минуту, когда раненый майор возложил на меня командование крепостью... когда от этого зависела моя личная честь... Вы спасли мне больше, чем жизнь, мой дорогой друг, и я никогда не забуду этого...

Морис Рембо хотел крикнуть: «Нет, это не я, – это Кэт Гезей, волшебная покровительница крепости, та, которую я люблю, спасла всех нас! Если бы ей не пришла внезапная мысль спуститься в грот задолго до отъезда, в то время, когда Кердок, удалив караул, мог рассчитывать на полное отсутствие свидетелей в продолжение, по крайней мере, двух часов, изменник завершил бы свое преступное намерение, и в настоящую минуту японцы вошли бы в Мидуэй. Если бы нарождающаяся любовь девушки не внушила ей мысль собственноручно прикрепить к рукоятке самолета образок и цветочек!..»

Но он не высказал и сохранил в глубине своей души безмолвные выражения благодарности любимой девушке. Он предоставил себя в распоряжение капитана Бродвея для передачи его приказаний и завершения его диспозиции.

Когда все было исполнено, он вспомнил о цветных фонарях, которых не оказалось в руках Кердока. Он, вероятно, поместил их снаружи, для того, чтобы показать неприятелю

место, удобное для приступа.

Морис спустился в грот и поднялся на угольную платформу.

Луна исчезла за линией горизонта, бросая свой последний пучок света на поверхность воды, и, очевидно, за утесом уже занимались первые лучи рассвета. Это был момент, когда на минуту еще держалась темнота, соединяя море и небо в однообразную тень, усыпанную сверкающими и отражающимися звездами.

В разных концах платформы инженер увидел оба фонаря, обращенных к морю. Они были довольно грубой работы, но сделаны так, что не пропускали ни одного луча ни назад, ни в обе стороны; очевидно, Кердок их смастерил сам.

Прежде чем снять их, инженер задумался. Вся крепость была на ногах, не могло произойти ничего неожиданного. Если японцы высадятся, то они будут встречены так, что надолго потеряют желание снова явиться сюда. Лучше всего, если их проучат в эту же ночь.

И Морис Рембо оставил фонари на их местах.

Возвратившись к капитану Бродвею, он сообщил ему об этом обстоятельстве и снова задумался.

Если фланговые митральезы изрешетят снарядами его площадку, то на ней образуются по всем направлениям борозды и царапины, которые будут мешать аэроплану скользить на полозьях.

Но лейтенант Пири, командовавший артиллерийским от-

рядом, назначенным для обслуживания митральез, уверил его, что стрельба из его орудий будет навесная, а не прицельная, и он отдаст приказ в этом смысле.

Двадцать человек поместили в гроте для того, чтобы встретить в упор тех из нападающих, которым удастся спастись от перекрестного огня из бойниц во время их появления на платформе, и для предохранения механической птицы от всяких случайностей.

Для большей безопасности Морис Рембо велел отвезти тележку с аэропланом в глубь грота.

Затем, немного измученный ожиданием, он поднялся на платформу.

Среди окружающей безмолвной тишины ему вдруг послышался какой-то шорох. Он не мог отдать себе отчета, какой шум раздался так неожиданно – точно плеск весел или небольших волн, бьющихся в расщелине скалы.

Взобравшись на доски, он очутился на самом верху платформы, на том месте, откуда его аэроплан оторвется от последней точки опоры и пустится в пространство на собственных крыльях.

С этого возвышающегося гребня тот же шум послышался яснее.

Несомненно, причаливали лодки, и высаживались люди.

Ему послышался скрип гравия в крепостном рву, заканчивавшемся каналом, окаймленным угольными стенами.

Когда глаза его свыклись с темнотой, он различил тени,

скользящие на первых скалах; когда они подошли ближе, он увидел неясные очертания качающихся над их головами лестниц.

Шаги были совершенно неслышны. По всей вероятности, японцы были босы. Не было также слышно бряцания оружия, они оставили, должно быть, на берегу ножны своих стальных штыков. Японцы заменили металлические пуговицы роговыми и почернили сталь своего оружия для того, чтобы ничто не сверкало в темноте.

Пятясь назад, Морис Рембо добрался до грота, сообщил командовавшему здесь начальнику отряда обо всем виденном им. Затем он разыскал капитана Бродвея, поместившегося в стальной наблюдательной башенке, выступавшей на стене, над подъемным мостом. Здесь находились три рефлектора южного бастиона. Каждый из них, вращаясь, описывал дугу в 120° .

Таким образом можно было, по желанию, освещать весь южный бастион или же, поместив один из них над другим, – сконцентрировать, по крайней мере, два пучка световых лучей на идущее в море судно.

– Они высаживаются, – взволнованно объявил молодой человек. – Я только что видел их...

– Я знаю, – спокойно ответил капитан Бродвей. – Часовые, расставленные на прикрытой дороге и взявшие с собой переносные звонки, уже видели их. Благодаря электричеству меня моментально оповещают обо всем происходящем на всех

бастионах крепости. Приблизительно четверть часа тому назад причалила первая лодка.

– И вы позволите им так спокойно причаливать?! – спросил очень удивленный инженер.

– Да, так лучше. Я взял на себя обязанность залить их светом в благоприятную минуту. Ни один выстрел не будет пущен раньше, чем я не зажгу прожекторы, повернув эти коммутаторы. Необходимо оставить желтолицых в покое до последней минуты и перенести на них весь эффект неожиданности, которую они собирались нам устроить... Это будет забавно!

Спокойствие великана вернуло инженеру все его самообладание.

– И вы не скоро осветите их?

– Нет! Еще десять – пятнадцать минут в моем распоряжении. Когда японцы хотят напасть неожиданно, они собираются вместе там, откуда должны броситься. И для того чтобы произвести большее впечатление на противника, они, бросаясь вперед, кричат все вместе «банзай!». Местом их сбора, вероятно, назначена платформа, откуда Кердок сигнализировал и где находятся фонари... Нужно дать им время взобраться туда...

– У них имеются лестницы... Я их, кажется, разглядел...

– Конечно, и, когда они...

Резкий звонок прервал американца.

Он приложил ухо к трубке, выступавшей на металличе-

ской стене, и, прислушавшись, произнес:

– Восемь лодок... значит, их всего около двухсот пятидесяти... Вы уверены, что они не высаживаются в другом месте?.. Хорошо, продолжайте наблюдать! Это известие, – сказал капитан, – доставлено мне с блиндированной обсерватории, высеченной на вершине скалы, вдающейся в море. Кердок не мог, очевидно, предупредить своих товарищей о существовании этих внешних постов, совершенно невидимых с моря. А неприятельские лодки должны были проплыть мимо них, не подозревая, что их пересчитывают на расстоянии нескольких метров.

– Мне бы хотелось находиться около вас в эту важную минуту, – сказал француз. – У меня еще есть десять минут?

– Не больше!

– Я приду...

– Вы торопитесь к вашему аэроплану? Не бойтесь за него... Я дам самые точные указания сержанту, наблюдающему за гротом. Он зажжет дуговые лампы, когда этого потребуют, и ни один японец...

Но Морис Рембо уже не слушал. Нет, он спешил не к аэроплану. Он думал о Кэт. Он стремился к ней: предупредили ли ее? Не испугается ли она, когда начнется канонада так близко от нее?

Это был новый предлог увидеть ее.

Одним прыжком он очутился у двери коменданта.

И на этот раз она была полуоткрыта.

Кэт была уверена, что в первую свободную минуту он придет...

Морис вошел бесшумно.

Майор все еще спал. Доктора при нем не было.

Девушка подбежала к Морису, и их руки соединились.

– Кэт, умоляю вас... скажите мне, что вы не жалеете ни о чем... что только что... в гроте... когда я признался вам... вы прощаете?..

Она прервала, глядя ему в глаза сверкающим взором:

– Нет, Морис, я не раскаиваюсь... я вас люблю, я счастлива. Этот остров стал для меня раем, с тех пор как я узнала, что вы любите меня! Как объяснить вам! Я не знаю... С первой минуты я почувствовала, что не могу быть равнодушна к вам... Потом, когда мы говорили о Франции, мне казалось, что я очень близка вам, что нас связывают очень прочные... очень старые узы... И когда я увидела вас работающим, жертвующим собой для нашего спасения, готовым пуститься в это страшное путешествие... О! Тогда моя симпатия быстро перешла в то... что я сейчас сказала...

– Как я люблю вас, и как я буду вас любить, Кэт!

– Вы любите меня! Морис... Я немножко боюсь, потому что... Одна на этой скале я, быть может, представляюсь вам... как бы вам сказать?.. вы приписываете мне качества, которые исчезнут, когда вы сравните меня с другими... особенно с француженками, которые красивы... кокетливы...

– Но вы же француженка, моя дорогая! Никогда – верьте

мне...

Но он замолчал, вспомнив причину своего появления здесь. Десять минут подходят к концу. При звуке выстрелов майор Гезей внезапно проснется и может сделать резкое движение, опасное для его раны.

Морис быстро сообщил обо всем девушке.

– Я знаю, – сказала она, – лейтенант Спарк предупредил меня...

– Лейтенант Спарк приходил сюда! – И он глубоко вздохнул.

Она, по-видимому, ничего не поняла и повернулась к кровати.

– Приходите, – сказала она, – не уезжайте, не повидав меня. Я буду вас ждать здесь...

Когда молодой человек вернулся к Бродвею в его блокгауз, снова послышался звонок телефона.

– Вы пришли вовремя, дорогой инженер! Встаньте у этой горизонтальной амбразуры и смотрите внимательно. Зрелище вполне достойно этого...

Затем он сказал так же спокойно, как бы командовал на маневрах:

– Да будет свет!

И он повернул находившуюся перед ним ручку коммутатора.

И ослепительная пелена покрыла вдруг угольную платформу. Она была вся усеяна целым роем японцев – непо-

движных, прижавшихся друг к другу.

Свет произвел на них такое же впечатление, как струя кипятка, пущенная в муравейник.

Все зашевелилось, закопошилось, и так как все двинулись назад, то находившиеся на краю падали, увлекая друг друга на скалы.

Но в эту минуту из прорезывавших валы амбразур вырвались целые снопы пламени с продолжительным треском, так удачно сравниваемым с шумом разрываемого полотна.

Целый ураган пуль из пяти различных пунктов Мидуэя врезался в эту копошившуюся кучу. Затем один из прожекторов был перемещен и открыл у самого подножия платформы другую толпу, скрывшуюся среди скал. Другие митральезы, направленные на нее, были приведены в действие. В это время обнаружилось при ярком свете лестницы, служившие для подъема на валы, вместе с линией солдат, внезапно остановившихся среди восхождения и падавших друг на друга, извивавшихся, окровавленных.

Не прошло и двух минут, как на платформе оставалась только куча растянувшихся тел, копошившихся под осыпавшим их градом пуль.

Всюду виднелись бегущие тени, бросавшиеся к баркам, которых нельзя было разглядеть, так как они были скрыты за кольцом рифов.

Вдруг рефлекторы потухли, и тотчас прекратилась стрельба.

Битва, или вернее избиение, было окончено. Оно продолжалось одно мгновение, и в этой расправе было что-то страшное. Сейчас беспощадная стрельба откроется снова, еще на несколько минут, пока лодки, увозящие оставшихся в живых, выйдут из своего убежища для того, чтобы присоединиться к своим судам.

Преследуемые снопами света, они потеряют три четверти своих пассажиров.

Пушки Максима, дающие шестьсот пуль в минуту, блестяще сделали свое дело.

Пехотным стрелкам едва пришлось принять участие в борьбе. Те, которые были поставлены в гроте, не сделали ни одного выстрела. Они просто убили штыками несколько японцев, которые, спасаясь от страшного огня из бойниц, спрыгнули с высоты платформы.

У желтолицых не было ни времени, ни желания сопротивляться.

– Пленников нет! – сказал капитан Бродвей.

И в самом деле их не было.

Любопытное обстоятельство, наблюдавшееся еще под Порт-Артуром: из этой груды раненых не слышно было ни одного крика отчаяния, ни одного стога. Только хрипение раздавалось среди мрака, еще увеличившегося после исчезновения электрического света.

Раненый японец безмолвен, как умирающая лошадь.

Спускаясь в грот вместе с доктором Сандерсоном, явив-

шимся для того, чтобы разузнать, нет ли в американском отряде раненых, Морис Рембо натолкнулся на отодвинутое к двери тело Кердока.

Доктор осмотрел его.

На груди его была татуировка в виде дракона, и поэтому можно было предположить в нем китайца. Но под мышкой нашли другую татуировку, изображавшую солнце, вокруг которого были расположены неизвестные буквы, без сомнения, свидетельствующие о принадлежности его к одному из многочисленных тайных обществ, быстро размножившихся в стране желтолицых.

Китаец или японец, филиппинец или яваец – эти четыре типа имели много общих черт. Кердок два года работал в качестве предателя в крепости Мидуэй, где он находился с самого начала ее постройки.

Был ли он инженером? На эту мысль наводили его обширные познания в механике.

Быть может, он был японским офицером, принявшим на себя, как и многие другие в чужих краях, скромные и часто унижительные обязанности, для того только, чтобы найти лазейку или открыть тайну?

Никто не узнает этого никогда.

Он принадлежал к числу тех бесчисленных шупальцев, запускаемых японцами всюду и собирающих, особенно во французском Индокитае, все необходимые сведения о международной политике.

Он терпеливо выжидал благоприятной минуты, когда можно будет ввести японцев в маленькую крепость. И в то же время он попробовал помешать прибытию какой-либо помощи извне, произведя незаметно порчу самолета.

Это был третий изменник, обнаруженный в гарнизоне за последнюю неделю.

Не было ли их еще больше?

Для защитников Мидуэя это был мучительный вопрос. Скверная черта американской армии была именно в том, что она набиралась из охотников отовсюду, без удостоверения об их происхождении.

Шпионы перерезали телеграф, опорожнили водоем, пробовали ввести неприятеля в крепость. Разве не мог найтись еще четвертый, который взорвал бы пороховой склад? В этом страшном предположении не было ничего невероятного: фанатический японец не задумается пожертвовать собой для своей родины.

Кердок доказал бы это, если бы предчувствие Кэт не привело к иному результату.

Разве он не просил инженера взять его с собой? Для чего это нужно было, как не для порчи самолета во время пути и гибели вместе с молодым французом в пучинах Тихого океана?

Когда Морис Рембо объяснял еще девушке, что нужно обречь себя на самоубийство, чтобы совершить измену на самолете – он уже был вполне уверен, что имеет дело с че-

ловеком, не боящимся смерти.

Разве японцы не доказали при самых разнообразных обстоятельствах, что они не боятся добровольной смерти и готовы удалиться в царство духов, если их самопожертвование может принести пользу родине.

Под впечатлением этой еще раз подтвердившейся страшной истины капитан Бродвей решил тотчас после сражения, что отныне доступ в оба пороховых склада будет открыт исключительно для офицеров.

Дочь сообщила майору Гезею о произведенной атаке на крепость. Он выслушал очень внимательно рассказ об удачной канонаде, разыгравшейся так близко от него.

Его глаз блеснул, когда лейтенант Спарк доложил ему о бегстве нападающих и значительных потерях, понесенных ими.

Перед его взором, отражавшим далекие грезы, промелькнул, очевидно, на несколько мгновений призрак освобожденной крепости, так как он склонился к сидевшей около него в раздумье дочери и улыбка, первая улыбка после ужасной раны, озарила его бледное как воск лицо.

Он удержал движением руки лейтенанта, почтительно поклонившегося девушке и собиравшегося покинуть комнату.

– Кэт, моя дорогая, – позвал он ее.

И когда она наклонилась к нему, он обнял ее красивую голову своей здоровой рукой.

– Слушай, моя девочка, – сказал он вполголоса. – Только

не плачь, услышав мои слова... Я твердо верю, что господин Рембо доберется на аэроплане до места, откуда можно телеграфировать нашей эскадре... быть может, он даже долетит сам до материка... Но я думаю, что не проживу так долго, до его возвращения... Девять дней... это слишком долго... Нет, – сказал он слабым голосом спустя мгновение, – я не проживу девяти дней... я чувствую...

– О папа, дорогой папа, не говори этого!

– Бесплезно обольщать себя надеждами, мое дитя... Ты видишь, я дышу тяжело и скоро задохнусь... Лучше поговорить с тобой, пока я еще в силах, о моем плане... чтобы не оставить тебя одинокой... И можно ли найти для этой беседы более счастливый день, чем день нашей победы...

– Папа, умоляю тебя! – рыдала Кэт.

– Дай мне сказать тебе... Лейтенант Спарк любит тебя, ты, конечно, не могла не заметить этого, а я знаю. Этому офицеру из известной мне семьи и с благородными чувствами принадлежит будущее. Он достоин вступить в нашу семью и продолжать в ней военные традиции, чтимые нами в продолжение двух веков... Ты желаешь мне, дитя мое, спокойной смерти?.. Прими его предложение и разреши объявить о твоём обручении, пока я еще в силах...

Девушка слушала отца с растерянным видом. Когда он замолчал, крупная слеза скатилась по его бледной щеке...

Она ничего не ответила.

– Мисс, – умолял лейтенант, – верьте мне... я не думал,

что сегодня будет решаться вопрос, от которого зависит моя жизнь... Но так как ваш отец, разрешивший мне поделиться с ним моими чувствами, взял на себя ходатайство обо мне, то... позвольте мне сказать, что мое преклонение перед вами началось со дня вашего появления здесь. Самое искреннее мое желание – это посвятить мою жизнь вам.

– Отвечай же, Кэт, дитя мое, – бормотал усталым голосом старик.

Девушка не хотела посвящать своего отца в драму, свершившуюся в гроте.

Опасность, которой она подвергалась, необычайное положение ее там, признание, услышанное ею в такую трагическую минуту и нашедшее в ее душе такой глубокий отклик, все, без сомнения, взволновало бы раненого.

Это осталось тайной между нею и Морисом. Следовало ли ей открыть все отцу и признаться, что она любит француза, в то время когда старик высказывал иные намерения?

Не рисковала ли она огорчить его, ухудшить его состояние? Несмотря на всю симпатию к инженеру, не могло быть сомнения, что майор давно лелеял надежду на брак своей дочери с американским лейтенантом. Он владел приличным состоянием и был поэтому желанным женихом в глазах отца, стремившегося обеспечить своей дочери безбедное существование. И, конечно, он не одобрил бы ее желания принадлежать другому, неизвестному человеку, без всякого состояния.

Эти мысли с быстротой молнии пронеслись в голове девушки и, подавляя усиленное биение сердца, она ответила:

– Папа, умоляю вас, не говорите так... Я не хочу, чтобы вы покинули меня, и я также не хочу еще уходить от вас.

– Ты подумай, дитя мое, и дай мне ответ, которого я жду...
Вспомни только, что это будет для меня лучшим предсмертным утешением.

Лейтенант Спарк простился и встретился в дверях с входившим Морисом Рембо.

Молодой человек решил немедленно улететь на аэроплане.

По его требованию были присланы люди для очистки платформы от покрывавших ее трупов, по крайней мере, от тех, которые могли помешать «Кэтсберду» скользить по ней.

Трупы были сброшены на скалы – раненые и убитые без разбора. Их похоронят на следующую ночь в море, с обломком скалы на шее.

Когда платформа была очищена, молодой авиатор думал только о том, чтобы улететь до восхода солнца, главное – до возобновления бомбардировки. Он поручил своему другу Арчибальду присутствовать при последних приготовлениях при подъеме аэроплана на платформу, при возобновлении смазки досок салом для того, чтобы лучше скользили полозья. Необходимо было еще определить точно угол направления при помощи магнитной стрелки и, главное, переменить подпиленные Кердоком клапаны. Вместе с тем лей-

тенант осмотрит и остальные и в последний раз испробует двигатель.

Он отправился к Кэт Гезей попрощаться в последний раз. Ему хотелось еще раз услышать от нее, что она любит его. Он не верил своему счастью и постоянно задавал себе вопрос – не ошибается ли он, не изменится ли она до его возвращения под влиянием размышлений или отцовских советов?

Но когда он очутился около нее – все его сомнения исчезли. В больших грустных и добрых глазах девушки снова сияла любовь. Она приложила палец к губам для того, чтобы предупредить его, что отец уснул, а Оливия сидит у его постели. Она увела его на площадку.

Быстро осмотревшись вокруг, они убедились, что были одни.

– Морис, – сказала она, – я люблю вас и буду ждать... Но отдайте мне оружие, которое я дала вам ночью.

Морис наморщил лоб и сказал:

– Нет, моя дорогая, я не могу, я не дам вам в руки такого страшного орудия... Для чего вам этот отравленный кинжал?..

– Для того, чтобы не отдаться живой в руки японцев, если они войдут раньше, чем вы вернетесь сюда за мной.

Он ничего не ответил ей. Он столько же удивлялся ей, сколько и любил, – и отдал ей оружие.

Затем, лихорадочно прижавшись друг к другу, они еще раз обменялись поцелуями на уединенной площадке...

Они думали, что на площадке никого нет... Но на самом деле они были не одни. Свидетель их излияний стоял в темном углу площадки, ведущей с другой стороны в склады, которыми он заведовал.

Это был лейтенант Спарк.

Острая боль, точно ножом, поразила его сердце.

Неожиданно рассеялась его мечта именно в ту минуту, когда он считал близким ее осуществление.

Для этого достаточно было появления этого иностранца. Француз, незнакомец отнял у него счастье. Оно отнято безвозвратно – никогда Кэт не будет принадлежать ему – он видел это ясно. Ее горячее прощание, сверкающие глаза и придававшее ей еще больше красоты внутреннее волнение убедили его, что он должен отказаться от нее.

Невыразимая злоба овладела американцем, и глаза его налились кровью. Нет, он не позволит так издеваться над собой! Он сейчас же пошлет вызов этому обольстителю. Дуэль состоится немедленно, и убьет ли он или будет убит сам, но один из них должен исчезнуть.

Придя к такому решению, он, со сжатыми кулаками спускаясь с лестницы, громко повторял: «Один из нас исчезнет через час!»

Влюбленные разошлись. Кэт отправилась к больному от-

цу, а Морис спустился в грот, не подозревая, какая драма вспыхнула только что благодаря их прощанию.

Аэроплан был уже поднят на платформу и казался снизу хищной птицей с распушенными крыльями, вырвавшейся из своего гнезда и готовой ринуться в пространство.

Шесть человек удерживали его из боязни, чтобы аэроплан не соскользнул по скату в море, прежде чем будут приведены в движение его винты.

Широкие, красные лужи на досках площадки напоминали о недавнем избиении.

– Оставьте эти лужи, – спокойно сказал лейтенант Форстер. – Кровь склизка и поможет аппарату скользить.

Морис Рембо явился сюда с капитаном Бродвеем, пожелавшим присутствовать при отъезде для того, чтобы доложить обо всем майору.

Он быстро взглянул по направлению к морю.

– Торопитесь, – сказал лейтенант Форстер, – японские суда оповещены теперь о гибели их десанта. Нам сейчас, с минуты на минуту, пришлют сюда «чемодан».

И в самом деле на горизонте, по неподвижной, как озеро, поверхности моря скользили две волнистые полосы дыма.

Рассветало.

Через несколько минут светлые очертания крыльев аэроплана будут видны в японские подзорные трубы.

Нельзя было терять ни минуты.

Среди гарнизона в Мидуэе уже распространилась весть об

отъезде смелых авиаторов, и это известие вызвало такое же сильное волнение, как и призыв к бою.

Из всех бойниц, из всех амбразур были устремлены взоры на платформу.

Там, в вышине, около башен, вышедшие из своих стальных колпаков артиллеристы смотрели во все глаза на большую птицу, созданную в шесть дней французским инженером.

Полетит ли он на самом деле?

Как же он поднимется, не коснувшись воды, спустившись по наклонной плоскости по направлению к морю?

Не разобьется ли он об скалы, остроконечные верхушки которых торчали в шести метрах под выступом места спуска? И успеет ли вовремя подобрать смелых авиаторов единственный моряк «флотилии» в Мидуэе, Гилт, снарядивший для этого свою моторную лодку и ожидавший в маленькой бухте?

Подобными вопросами обменивались, крайне заинтересованные, все обитатели Мидуэя. У них не было никакой надежды на скорую помощь без участия этого смелого и почти фантастического аппарата.

– В дорогу, Арчибальд! – кратко заявил инженер.

Лейтенант Форстер повернул рукоятку, и мотор стал сильно трещать. Отголоски этого короткого и чистого треска громко раздались среди скал, так как во избежание излишней потери части двигательной силы глушитель был снят и

газы шумно вырывались в атмосферу.

Морис Рембо занял место у колеса, и глаза его тотчас устремились на маленький образок и стебель цикламена, которые будут напоминать ему в момент головокружительного полета о ней.

Когда он поднял голову, глаза его встретились со взором только что появившегося лейтенанта Спарка, и он был поражен выражением его искаженного лица.

Спарк также заметил голубую ленту и цикламен. Он понял, чья рука прикрепила их здесь, и его злоба удвоилась.

Он видел, как Морис Рембо занял свое место, слышал отданное им приказание снять деревянные подпорки, придерживавшие полозья, увидел, как он включил винты.

Лишь только они пришли в движение, как сильная воздушная волна пронеслась по платформе... Громадная птица вздрагивала...

Спарк, сделавший несколько шагов по направлению к инженеру, остановился, точно загипнотизированный.

Необычайное зрелище, ожидание чудесного, невиданного им полета человека на аппарате, который тяжелее воздуха и как бы не подчиняется законам тяготения, неожиданно остановили руку Спарка.

Его удержала мысль, что, быть может, он увидит, как аппарат вместе с пассажирами после нескольких поворотов винта исчезнет в море на глубине трех тысяч футов. Наконец его охватило волнение, овладевшее всеми защитниками Миду-

эя, вся надежда которых была сосредоточена на этом хрупком и гениальном аппарате.

И снова красный туман закрыл его взор. У него явилось страшное желание сорвать цветок цикламена и бросить его в лицо своего соперника.

Вышел бы скандал: Морис Рембо отложил бы отъезд для того, чтобы ответить на вызов.

Офицер не пошевелился. Между двумя перекладинами, соединявшими крылья, лейтенант Форстер развернул американский флаг. И американский офицер ясно понял все величие миссии, совершаемой ненавистным ему человеком.

В нем проснулось сознание чести солдата. Как могла ему прийти в голову мысль мстить за личное оскорбление, убить человека, построившего этот чудесный аппарат, которым он один только и может управлять, человек, который обрекает себя на самые страшные опасности для спасения этого клочка американской земли!

Если один из них должен погибнуть, то никак не авиатор.

Если волею судьбы его соперник возвратится в Мидуэй с эскадрой, он, Спарк, исчезнет.

И скрестив руки, сохраняя внешнее спокойствие, он ожидал отлета «Кэтсберда», название, прочитанное помутившимся взором на корме лодки.

Морис Рембо отдавал спокойным голосом последние распоряжения.

Аэроплан держался еще на единственной веревке, проде-

той через ввинченное в скалу кольцо. Человек, вооруженный топором, должен был перерубить эту веревку в том месте, где она лежала на тяжелой деревянной перекладине, но не раньше, чем прикажет авиатор.

– Слушай! – крикнул инженер.

Он быстро потянул медную проволочку, соединявшуюся с задними ракетами.

Вдруг из-под лодки вырвались два пучка пламени и дыма, аэроплан сильно вздрогнул, его крылья заколебались со звуком, напоминающим трещотку, точно горя нетерпением ринуться против ветра Тихого океана.

Нажимая на педаль рычага движения, Морис Рембо сообщил винтам скорость 1800 оборотов.

– Руби! – крикнул он сильным голосом.

Топор опустил, и лодка сделала движение вперед. Она начала скользить с увеличивающейся скоростью. Менее чем через секунду лодка очутилась на краю платформы.

Затаив дыхание, все зрители вместе со Спарком увидели, как аэроплан спускался к морю с возрастающей скоростью, точно болид, появившийся из межпланетных пространств и готовый погрузиться в океан.

Но инженер привел в действие руль глубины. Аэроплан предоставил ветру наклонную поверхность своего переднего биплана, затем двойной изгиб своих крыльев и, пронесшись одно мгновение в нескольких метрах над водой, «Кэтсберд» грациозно поднялся, достиг вышины в двадцать мет-

ров и повернул налево.

У одной из выходявших на платформу бойниц маленькая ручка махала длинным белым покрывалом.

Уже совсем рассвело. Там, на востоке, первые лучи солнца упали на желтые крылья поднявшейся птицы. Японские суда увидели аппарат, о намерении которого улететь, вероятно, Кердок сигнализировал в прошлую ночь.

Две молнии вспыхнули вдали, и заметившие их кричали «спасайтесь!».

Прошло несколько мгновений, и страшное шипение прорезало воздух. Два огромных снаряда пролетели, как молния.

Один из них упал в море, в десяти метрах от берега, подняв гигантский столб воды.

Второй долетел, скользя над водой, до платформы, только что покинутой аэропланом.

Артиллеристы, орудийная прислуга, механики, свыкшиеся с подобными тревогами, даже сам капитан Бродвей – все поспешили скрыться через вал в глубину грота.

Один только лейтенант Спарк продолжал стоять, скрестив руки и устремив свой взор вдаль.

Искромсанный, раздробленный, он как бы растаял в месте взрыва...

Лейтенант Спарк исчез раньше, чем он думал.

Пролетев несколько миль влево, аэроплан напоминал огромную чайку, парящую над морем. Видно было, как он

снова сгибался, увеличивался, приближался к Мидуэю, для того чтобы описать условленный круг. Когда он проходил невдалеке, белое покрывало с увеличившейся лихорадочностью снова колыхалось, резко выделяясь на темно-коричневом граните.

Затем «Кэтсберд» повернул к востоку с согнутыми плоскостями крыльев, ход ускорился, шум мотора рассеялся в пространстве. Его длинный хвост уменьшился, из чайки он превратился в морскую ласточку, затем в маленькое белое пятно, которое исчезло в лучах рассвета.

Глава 10

Над Тихим океаном

Теперь «Кэтсберд» неся над пустынными пространствами Тихого океана, и скалистый островок Мидуэя медленно исчезал за ним в утреннем тумане. Огромная желтая птица скользила по воздуху, подталкиваемая винтами, с возрастающей скоростью, по мере того как нагретый мотор достигал своей наибольшей силы.

Оба авиатора не проронили ни одного слова. Они молчали под впечатлением почти благоговейного трепета.

Все это представлялось чудесным, грандиозным, почти сверхъестественным, особенно лейтенанту Форстеру, совершенно незнакомому с аэропланом – кроме его мотора, – с его быстрым, поступательным движением, не имеющим ни малейшего сходства со всем виденным им до сих пор.

Таким образом, человек, опустившись сначала на подводных лодках в глубь океана, теперь проник в область птиц не в качестве аэронавта с его огромными машинами, получающими благодаря водороду подъемную силу, которую не может развить самостоятельно, но как настоящие, легкие, быстрые птицы, более удобные, чем всякие иные орудия передвижения по воде или земле.

Осуществилась древняя мечта Икара: у человека выросли

крылья!

Американец почувствовал во время полета неизъяснимое чувство, что-то вроде впечатления, испытываемого при быстром спуске подъемной машины.

Мы видели, что площадка для спуска была с наклоном к морю для ускорения подъема и поэтому аэроплан, казалось, в первые минуты устремился в пучину.

Наблюдавшим его подъем казалось, что он неизбежно должен упасть и задеть верхушку скал, окаймлявших остров острыми и зубчатыми выступами.

И вдруг на высоте не более трех метров от поверхности воды он, руководимый рулем глубины, поднялся, пробежал несколько секунд горизонтально, точно паря над морем, подобно чайкам в бурную погоду. Затем все увидели, как он поднялся на воздух и овладел воздушным пространством... Это была незабвенная минута, промелькнувшая как молния. Но эта минута укрепила веру американского офицера в успех их предприятия.

Отлет был, собственно, самым трудным моментом путешествия, тем более что не было возможности сделать пробный полет. Поэтому-то этого момента все боялись больше всего, не смея признаться.

С тех пор как аэроплан «Кэтсберд» удачно тронулся в путь, не было основания предполагать, что он не доберется до цели путешествия.

Сэр Арчибальд Форстер со спокойной душой вдыхал пол-

ной грудью морской воздух, причем щит из слюды предохранял авиаторов от слишком резкого ветра при подобном ходе.

Что касается Мориса, то он чувствовал какое-то одуряющее волнение, наполнявшее его душу и внушавшее непоколебимую веру в успех.

Конечно, он доберется...

Он доберется, толкаемый и несомый любовью, составляющей теперь его силу, веру и жизнь...

Если бы ему суждено было погибнуть, то это случилось бы сейчас же.

Он услышал бы через несколько минут после отъезда позади себя неправильные взрывы, так называемые перебои в ходе мотора. Затем последовало бы большое замедление, винты, дергаясь, двигались бы в воздухе. Тогда аэроплан, перестав подчиняться рулю глубины, мало-помалу приблизился бы к волнам и затем опустился бы окончательно. Он никогда и не подумал бы, что его клапаны, подпиленные предателем, сломались, а такая серьезная починка немислима на хрупком плоте, качающемся на двух поплавках. И он стал бы в тот же день добычей японских миноносцев, крейсирующих у берегов острова.

Его не покидала мысль, что Кэт, только Кэт по какому-то предчувствию устранила эту опасность, раскрыла преступление и сделала возможным отъезд. Одна она содействовала успеху предприятия. Из-за нее и для нее он достигнет цели...

В момент отъезда и в то время, когда он, согласно своему обещанию, описывал на аэроплане полукруг над островом, его внимание было привлечено не японскими крейсерами, медленно двигавшимися на горизонте, не сверканием снарядов, снова падавших на остров, а усеянным звездами флагом, тихо развевавшимся при утреннем ветерке. Он представлял себе, как его серебряные звезды рассыпались на молодой груди Кэт.

Это была святыня крепости, что-то вроде древнего Заимфа, в которой задрапировалась Саламбо перед взором ослепленного варвара!

Устремив взор на прикрепленную ею на рукоятке аэроплана голубую ленту, он, казалось, слышал среди сильного грохота машины и шелеста крыльев признания, совершенно преобразившие в несколько минут его жизнь.

Он повторял их, тихо шептал себе нежным, ласкающим голосом ее имя.

Хотел ли он немедленно испытать действие главных частей «Кэтсберда» или же почувствовал потребность подняться к небу в то время, когда душа его была переполнена счастьем любви, но он наклонил руль глубины под довольно большим углом.

Послушный и проворный аэроплан, скользивший на расстоянии двадцати метров над поверхностью воды, повернул свои крылья против ветра и одним взмахом очутился в ста метрах над водной равниной, блестящие волны которой сли-

лись перед взорами авиаторов в гладкую, лазурную поверхность.

Чудесная птица продолжала бы подниматься выше, к солнцу, выплывшему теперь из-за волн Тихого океана, если бы к Морису Рембо не вернулось благоразумие и он не наклонил бы в противоположную сторону плоскость, направленную против ветра.

Спустя несколько секунд аэроплан летел снова на высоте двадцати метров над водой и держался так с математической точностью. Чувствовалось, что при желании пилот мог бы заставить его слегка коснуться воды тонким острием поплавков.

– Чудесно, Морис, просто чудесно...

Это было первое слово, сорвавшееся с уст американца.

Инженер ответил ему вопросом:

– Какое направление, Арчибальд? Вы следите за стрелкой?

– Направление правильное, Морис. Стрелка перемещалась со времени отлета только на два-три градуса в ту или иную сторону и постоянно возвращалась к ста двенадцати градусам.

– Сто двенадцать градусов – это угол направления к острову Оаху, понимаете?

– Или на Гонолулу. Будьте спокойны, я рассчитал точно.

И он указал пальцем на циферблате подвешенного перед ним компаса на линию, по которой он правил и которая была

параллельна оси аппарата.

Эта линия действительно образовала определенный угол с синим острием магнитной стрелки.

– Вы движетесь прямо, как стрела, – сказал он после нового наблюдения в продолжение нескольких мгновений. И затем прибавил: – И скоро же он мчится... Я никогда не думал, что можно так скоро ехать!

– Не забудьте, что наш мотор в восемьдесят лошадиных сил, и редко можно найти на аэроплане подобный двигатель!

– Сколько же мы делаем километров?

– Вероятно, более ста километров в час. Я слишком мало знаком со скоростями аэроплана, чтобы отдать себе отчет, делаем ли мы сто двадцать или сто пятьдесят километров. Мы можем это вычислить, измерив пройденное пространство, и для этого нам нужны точки опоры. Какой остров будет первым на нашем пути?

Американский лейтенант развернул морскую карту, заранее положенную в кожаную сумку с левой стороны. Она была совершенно белая, представляя только часть Тихого океана с обозначенными на ней цифрами глубины, доходившей от четырех до шести тысяч метров.

И только на верху карты цепь Сандвичевых островов выделялась на пустынном океане в виде нескольких серых пятен, изрезанных желтыми кружками, обозначавшими маяки. Не принимая в расчет маленькие островки, которые были раньше всего рассыпаны под ногами авиаторов, архипелаг

состоял из восьми островов – четырех больших и четырех средних. Первый из них был маленький остров Ниго, находящийся на расстоянии 1900 километров от Мидуэя, а последним – большой остров Гавайи, лежащий на 550 километров дальше, по величине равный всем остальным вместе взятым и поднимающийся к небу грозными кратерами своих двух вулканов.

Остров Оаху, на котором находился Гонолулу – главный город Гавайского архипелага – был третьим в группе. В самом низу карты, налево, находилась группа островов Самоа, направо – архипелаги Туамоту и Товарищества с островом Таити. Но все эти острова Полинезии находились в четырех-пяти тысячах километров от острова Гавайи.

Американский офицер перевел свой взор с карты на необъятную ширь моря, залитого ослепительными лучами восходящего солнца. На гладкой и сверкающей поверхности воды самая маленькая скала выделялась бы ясно, точно китайская тень.

Не видно было ни одной скалы, ни одного рифа.

– Прошло три часа с тех пор, как мы выехали, – сказал он. – Мы должны были проехать мимо острова Лисянского, но он остался далеко направо от нас.

– На каком расстоянии от Мидуэя находится он?

– Четыреста двадцать километров.

– Это, кажется, низкий остров.

– Песчаная мель.

– Мы находимся на такой высоте над морем, что могли не заметить его.

– Какой же остров следует за ним?

– Остров Лейзан, поднимающийся всего на три метра, следовательно, незаметный с открытого моря, затем идут рифы Маро и Дусет, оба в двадцати милях налево.

– В двадцати милях... мы их не увидим!

– Дальше – остров Гарднер находится на самом пути нашем. Если мы будем строго держаться нашего направления ста двенадцати градусов, мы должны пролететь прямо над ним.

– Он выделяется над морем рельефно?

– Да, это утес пятидесяти двух метров высотой.

– На каком расстоянии от Мидуэя?

Офицер проверил по заранее составленной таблице.

– В тысяче двадцати километрах.

– В котором часу мы выехали из Мидуэя?

– В пять часов и двадцать пять минут.

– В таком случае около полудня мы должны увидеть этот утес и можем тогда вычислить нашу скорость.

Молодой инженер говорил, не поворачивая головы, не сводя глаз с поверхности моря. Его друг заметил ему это.

– Вы не будете в состоянии поддерживать такое напряженное внимание более десяти – двенадцати часов, не утомив глаз или не подвергнув себя страшному мозговому переутомлению. Авиация возможна только при условии смены

дежурства, как на судах. Не согласитесь ли вы уступить мне ваше место у колеса через несколько часов, например, над островом Гарднер, так как мы будем тогда на полдороге от больших островов?

Молодой француз ничего не ответил.

– Вы не доверяете моим способностям, – сказал, смеясь, американец. – Меня это очень удивляет. Тем не менее мне кажется, что управление аэропланом гораздо проще управления автомобилем, и при некоторых ваших указаниях я скоро изучу все тайны.

– Здесь, над гладкой поверхностью, я также уверен в этом, – ответил Морис Рембо. – Достаточно держать руль в неизменном положении. Так как не предвидится надолго виража, то нет надобности применять более сложную операцию искривления плоскости. В данном случае мы имеем дело с самой упрощенной авиацией по прямой линии, без всякого лавирования. Это невозможно над поверхностью земли. Там нужно лавировать беспрестанно, если нежелательно на высоте ста метров рисковать всегда тяжелым падением. Держась на высоте десять – пятнадцать метров над землей, то есть на высоте четырех- или пятиэтажного дома, нужно всегда быть готовым натолкнуться на него. Вот почему управление аэропланом представляет в таких случаях большую трудность, чем управление автомобилем на дороге. Авиатор, пользующийся большей скоростью, должен предвидеть препятствия на большом расстоянии.

– Теперь – это только удовольствие, – сказал американец, – и я надеюсь, что вы дадите мне возможность немного насладиться им.

– Я сделал бы это охотно, мой дорогой Арчибальд, если бы не боялся нарушить равновесие в момент нашего перемещения с места на место. Вы видели, как тщательно я, вешая свой летательный аппарат, привел его в равновесие очень точно по отношению к его оси. Что же будет, если это равновесие будет нарушено, если произойдет наклонение?..

– Но это равновесие уже нарушено разницей в нашем весе. Вы легче меня... Вспомните... когда вы просили в предыдущий вечер взвеситься, между нами оказалась разница в шесть-семь килограммов.

– Верно! Я просил вас взвеситься для определения этой разницы. Но десять и даже двадцать килограммов не вызовут очень чувствительного наклона крыльев ввиду понижения нашего центра тяжести... При внезапном же перенесении восьмидесяти или восьмидесяти пяти килограммов с одной стороны оси на другую – это другое дело. Лучше не производить подобного опыта.

– В таком случае я не думаю, чтобы аэроплан так скоро найдет себе применение, – сказал, смеясь, американец. – Никогда путешественники, и особенно путешественницы, не будут в состоянии вы сидеть неподвижно несколько часов на одном месте!

– Это неудобство будет устранено маятниками, которые

могут автоматически поддерживать равновесие. Французский изобретатель Мармонье придумал в этом смысле остроумную систему. Когда аппарат порывом ветра или по какой-нибудь иной причине выведен из равновесия, то маятник, оставаясь в вертикальном положении, оказывает влияние на искривление плоскости в желательном направлении и автоматически приводит аэроплан в равновесие.

– Несомненно, – сказал американский офицер, – что в этой области все идет вперед гигантскими шагами, особенно при предлагаемых авиаторам со всех сторон денежных поощрениях. Но следует признаться, что Франция далеко опередила все страны, даже мою родину...

– Не сетуйте, у вас есть Райты, явившиеся предвестниками, за которыми навсегда останется заслуга, так как только они дали толчок всем остальным.

– Это верно, но француз, великий француз Блерио первым осуществил чудо, поднявшись с вершины утеса Па-де-Кале для того, чтобы спуститься на землю Великобритании. Теперь, по сравнению с тем, что произошло за последнее время, его подвиг могли бы забыть, но этого не случилось, и это справедливо. Его имя прославлено наряду с именем Монгольфьера, Уатта и Эдисона. Его можно поставить на одну доску только с одним Латамом, который рискнул подняться над водным пространством и упал. Преимущество Блерио состоит в том, что он после стольких лет, посвященных исследованию, один построил аэроплан и перелетел на нем че-

рез пролив. В настоящий момент опять-таки француз собирается побить все рекорды в мире... Самое необыкновенное на этот раз состоит в том, что этот француз не ждет никакого денежного поощрения или приза за свой беспримерный подвиг.

– Ошибаетесь, Арчибальд! Его ждет по исполнении этого подвига такая прекрасная награда, которая никогда не может сравниться с тем, что он может совершить.

Молодой француз сказал это с глубоким и пылким чувством. Он испытывал потребность высказать свои надежды, поделиться наполнявшим его восторгом и произнести громко, среди безбрежного воздушного океана просившееся на его уста имя.

Скромная улыбка друга убедила его, что тайна известна, и Морис обрадовался, ибо это даст ему возможность иногда помечтать вслух в длинные часы, которые им придется провести без сна с глазу на глаз.

Но в первые часы воздушного путешествия инженер не имел права отдаться этим прекрасным мечтам. Нужно было пользоваться безветрием среди безбрежных пространств для того, чтобы подготовиться к тяжелому положению, в котором они очутятся во время спуска на острова или, быть может, при взлезании на вершины вулканов. Для этого ему приходилось постоянно следить за своим аэропланом, как всадник следит за лошадью, нужно было знать, чего можно ожидать от него, быть всегда готовым совершить соответствен-

ный маневр и, главное, время от времени проверять действие руля направления.

В то время как лейтенант Форстер, очень внимательно относившийся к своей обязанности механика, беспрестанно наполнял резервуар бензином и следил за правильным выделением из лубрикатора масла, столь же необходимого для мотора, как и бензин, Морис Рембо заставил аппарат совершить несколько виражей, сначала на небольшом расстоянии от воды, а затем на высоте 100–120 метров над поверхностью моря.

Побуждаемый частичным искривлением крыльев аэроплан грациозно наклонялся при виражах, точно огромный альбатрос, задевающий одним крылом водную поверхность, между тем как второе крыло приподнимается. Авиатор в то же время уменьшал приток газа в моторе, замедляя скорость движения винтов, и убедился, к своей великой радости, что может достигнуть замедленного хода от 50 до 60 километров в час. Нечего было и думать спускаться при скорости в 100 или 150 километров в час. Он рисковал бы согнуть или сломать свои крылья слишком быстрой остановкой.

Даже при скорости в 50 километров необходимо гладкое пространство от 20 до 30 метров в длину, покрытая травой или песчаная площадка, для постепенного спуска до полной остановки, не задевая рамы своего воздушного корабля.

Успокоенный своими опытами, он снова поднялся на среднюю высоту в 20 метров, пустил мотор полным ходом

и снова взвился к солнцу, стоявшему теперь высоко и золотившему своими лучами безбрежную водную равнину.

– У меня шесть пустых баклаг, что с ними делать? – спросил американец.

– Тщательно хранить... На аэропланах нет надобности выгружать балласт, как на аэростатах. Быть может, сосуды понадобятся нам в Гонолулу для возобновления запасов. Привозный бензин, кажется, доставляется в бочонках, а они гораздо менее удобны, чем фляги, для загрузки аэроплана, как с точки зрения распределения тяжести, так и при наполнении резервуара.

– Лишь бы мы нашли там бензин!

– Меня это очень беспокоит, мой дорогой Арчибальд. Это теперь моя единственная забота после того, как я убедился в правильном ходе аппарата... Но важно...

Его внимание было привлечено движением лейтенанта Форстера. Офицер поднялся для того, чтобы лучше разглядеть поверхность малопрозрачного щита и протянул руку по направлению к горизонту.

– Черная точка, впереди направо...

– Судно?

– Нет, ведь мы не находимся на пути судов, которые, направляясь в Японию или на Зондские острова из Гонолулу, обходят это скалистое место и проходят южнее.

– Это остров Гарднер, – объявил американец, после нескольких минут наблюдения.

– Неужели?

– Я уверен...

Десять минут спустя черная точка в самом деле приняла очертания обрывистой скалы с черными краями. Когда они приблизились, то остров показался значительно обширнее и выше Мидуэя. Аэроплан направлялся прямо на него. Легкое движение руля повернуло его налево. Когда он пролетал над островом, среди его высоких стен прокатилось эхо от шума мотора, и многочисленные морские птицы сорвались с пронзительным криком из всех ущелий, как бы протестуя против появления в их царстве этой огромной и шумной птицы, прилетевшей с запада.

Они были здесь единственными обитателями. На голой скале не видно было ни одного клочка зелени...

– Сорок минут одиннадцатого, – сказал американец, когда аэроплан пронесся вдоль острова со скоростью урагана.

– Вы точно измерили расстояние между обоими островами, Арчибальд?

– Насколько это было возможно сделать по морским картам адмиралтейства, найденным в столе коменданта Гезея. Расстояние равняется тысяче двадцати километрам.

– В таком случае результат получился более блестящий, чем я ожидал, – сказал молодой инженер, сделав быстрое вычисление в уме. – Мы делали с момента нашего отъезда в среднем до ста шестидесяти пяти километров в час.

– Я никогда не поверил бы в возможность подобной ско-

рости, если бы вы не утверждали этого. Я делал до ста километров на автомобиле, и хотя эта цифра значительно ниже вычисленной теперь вами, но мне казалось, что я двигался по дороге быстрее, чем теперь. Скажу больше, езда по земле производит более сильное впечатление, чем парение в воздухе.

– Я того же мнения, но это зависит от шума и тряски автомобиля, который при значительной скорости скачет, а не скользит, как аэроплан, и еще от близости предметов, движение которых представляется нам более быстрым, чем движение этих волн, уходящих из-под наших ног.

– Сто шестьдесят пять километров! – повторил удивленный американец. – Какой же скорости достигнут впоследствии?

– Ученые утверждают, что скоро достигнут скорости в двести километров, а позже она дойдет до трехсот и четырехсот километров в час.

– Четыреста километров, – воскликнул американец, – ведь это сто – сто десять метров в секунду! Это скорость движения револьверной пули!

– Конечно!!

– Но тогда невозможно будет дышать и придется строить закрытые помещения для пассажиров, стеклянные киоски для пилотов...

– Нужно будет очень много такого, о чем мы и не думаем теперь... Аппарат, на котором мы летим в эту минуту,

покажется тогда архаическим и смешным, точно так же, как первые локомотивы кажутся нам жалкими и неустойчивыми в сравнении с тяжелыми и массивными современными компаунд-паровозами. Наши потомки найдут то, в чем мы нуждаемся больше всего – средство удержаться на воздухе, когда неисправность двигателя остановит движение винтов. Аэроплан будущего будет приводиться в движение электричеством, и если аппарат воспользуется во время полета своей скоростью – частью для зарядки крайне легких аккумуляторов, которые будут вскоре изобретены каким-нибудь Эдисоном, – то возможно будет долго держаться в воздухе, не восполняя запасы двигательной силы. Быть может, эту электрическую энергию будут заимствовать у туч, у атмосферы, обладающей бесконечными ее запасами. Во всех этих случаях люди не будут стеснены, как мы в настоящее время, а это очень важно.

И Морис Рембо стал снова выражать беспокойство по поводу бензина.

Найдут ли они его на больших островах? Если японцы не высадились там, то, конечно, найдут; в противном случае – нечего рассчитывать на это.

Солнце озаряло теперь своими лучами неподвижное море и превратило Тихий океан в огромное зеркало. Отражение было так резко, что Морис Рембо вынужден был прищурить глаза и избегать глядеть вниз.

Его товарищ, внимательно подливавший бензин и масло,

время от времени осторожно вставал со своего сиденья для осмотра наружных частей мотора, передвигал взад и вперед бюретку с маслом, бросал взгляд на циферблат компаса и глядел в висевший у него на шее морской бинокль.

«Кэтсберд» продолжал свой путь еще в течение четырех часов и держался теперь на средней высоте в пятьдесят метров, так как инженер заметил, что на такой высоте пассатный ветер дул с большей силой, чем у поверхности моря, и помогал движению аэроплана.

Направо от них остался в стороне остров Неккер высотой в 85 метров и гораздо больший остров Берд, на котором возвышалась остроконечная гора в 250 метров. В половине четвертого пополудни на горизонте обрисовались как бы сахарные головы правильной формы; затем показались другие, менее высокие, вынырнули справа и слева, и перед взором авиаторов появился целый зубчатый берег, более низкий, чем у Неккера.

Лейтенант Форстер, придя в восторг от этого зрелища, воскликнул:

– Вот и большие острова!

И преисполненные надежды осуществить первую часть своей миссии, добравшись до обитаемых земель, чтобы найти там телеграф, молодые люди вглядывались с возрастающим волнением в выступающий из воды остров Ниго, являющийся передовым пунктом Гавайских островов.

Высокий конус Коая, возвышающийся на три тысячи фу-

тов на острове того же названия, находился позади Ниго, подавляя его своей громадой.

Направление, принятое с самого момента отъезда, не изменилось ни на минуту. Аэроплан подошел к архипелагу с его западной стороны, совершенно не изменяя своего первоначального направления.

Когда они находились в пяти-шести милях от Ниго, Морис Рембо решил:

– Мы пролетим через эту скалистую гору... Я вспоминаю, что, судя по очертанию на карте, она довольно узка...

– Вы не ошиблись: остров имеет не более тридцати километров в длину и от шести до семи километров в ширину. Только эта скала гораздо выше, чем вы полагаете; там имеются вершины от четырехсот до пятисот метров высоты.

– Мы отыщем в этой горной цепи низину; это будет для нас некоторым опытом для того, чтобы освоиться с лавированием, которое предстоит нам при спуске на Оаху.

Они замолчали. Инженер был весь поглощен своим маневрированием, а его товарищ – наполнением резервуара бензином до краев, так как можно было опасаться, что во время предстоящих движений при подъеме по довольно большому наклону бензин не попадет в карбюратор, если его уровень в резервуаре не будет достаточно высок.

После продолжительного двенадцатичасового перелета на авиаторов произвела сильное впечатление близость острова, который, быть может, будет концом их опасного путеше-

ствия.

Морис Рембо поднялся на высоту в 200 метров, какой он еще не достигал до этого момента, для того только, чтобы ввиду близости вершин ему не пришлось делать слишком больших углов с плоскостью горизонта. Вместе с тем он сократил число оборотов винтов до 900, а поэтому и скорость движения аэроплана до 80 километров для того, чтобы свободно распоряжаться направлением и виражами. Миновав обрывистый берег, окаймлявший остров Ниго, «Кэтсберд» очутился над гладкой плоской возвышенностью, покрытой редкой травой, затем он пролетел над чахлыми деревьями, выросшими на каменистой почве.

За ними возвышалась скалистая гора, составляющая главную часть этого острова.

Морис Рембо избрал место для спуска. Это было отлогое ущелье от 200 до 300 метров шириной, расположенное в 30 градусах по левой стороне от них.

Лейтенант Форстер удивлялся плавности, с какой постепенно опускалась автоматическая птица.

Потянув к себе рычаг направления, он искривлял крылья в ту сторону, куда хотел повернуть, и оба больших придатка постепенно наклонились влево. В то же время вертикальная плоскость, устроенная на длинном хвосте «Кэтсберда», изогнулась в требуемом направлении, и аэроплан направился к ущелью с легкостью, недоступной никакому другому экипажу, так как воздух представляет собой идеальную среду для

прямолинейного поступательного движения тел.

Еще одно движение руля глубины – и аэроплан был на равнине.

С другой стороны этой площадки, не более как в трех километрах, виделось море. Но та сторона косогора, над которой они опускались, была покрыта густой зеленью, между тем как другая сторона его была совершенно обнажена.

Лейтенант Форстер, менее занятый, чем его товарищ, восторгался этой богатой растительностью. Под ними сверкали и сливались цветы магнолии, эвкалипта, диких померанцевых деревьев и древесных папоротников. Ему казалось, что он видит в просвете несколько канакских хижин и небольшие светлые квадраты, вероятно, представляющие сады или возделанные поля. Перед его взором быстро промелькнул этот пестрый ковер, и тотчас на его месте уже показалось море, а налево, в нескольких милях огромный остров Коай, второй в Гавайском архипелаге. Аэроплан стал снова поворачивать для того, чтобы приблизиться к нему. Но Морис Рембо и не думал взбираться на отлогую возвышенность второго острова, так как на этот раз его глазам представились настоящие крутые скаты.

Весь остров представлял собой потухший вулкан, главный кратер которого казался огромным пограничным столбом, поставленным на западе архипелага.

Ученые объясняют происхождение архипелага Сандвичевых островов следующим образом: в доисторические време-

на целый ряд гигантских извержений образовал в море громады настолько прочные, что они могли противостоять действию волны, затем вокруг них накопились кораллы, образовавшие фундамент островов, на котором с течением веков отложились пласты земли и более или менее толстые слои чернозема.

Очутившись приблизительно на расстоянии мили от берегов Коая, изрезанных многочисленными и глубокими бухтами, «Кэтсберд» расправил крылья и понесся вдоль берега.

Он продолжал путь полным ходом. В течение получаса он летел в виду большого острова с берегами, открытыми на протяжении 80 километров.

– Вот Колоа, – сказал американский офицер.

Морис Рембо быстро взглянул налево. В глубине порта, окруженного гранитными скалами, поднималась до самого подножия леса из кокосовых пальм небольшая деревня. Это был первый населенный пункт больших островов, и у инженера явилось серьезное желание направиться к нему. Быть может, он найдет там станцию беспроводного телеграфа, благодаря которой будет тотчас восстановлено сообщение с Сан-Франциско. Быть может, японцы, озабоченные скорейшим захватом Гонолулу, главного города, расположенного в 800 километрах отсюда, не обратили внимания на этот остров?

– Сколько осталось бензина, Арчибальд?

– Около пятнадцати фляг – сто пятьдесят литров.

– В таком случае – марш к Оаху!

И желтая птица продолжала свой путь. Что могли подумывать плантаторы сахарного тростника, португальские и китайские работники на Коае?

Какие легенды прибавились в рассказах туземцев к многочисленным легендам, воспевающим могущество богини Пеле, заключенной в огромном вулкане Колоа?..

Теперь аэроплан летел над плантациями сахарного тростника, составляющими богатство Сандвичевых островов. Среди густой зелени выделялись высокие трубы завода; за ним следовали леса из самых ценных на архипелаге деревьев альжероба – растущих быстро без воды, на всякой почве и приносящих обильные бобы, представляющие очень ценный корм для скота.

За поворотом берега перед ними выросла неожиданно скала. Она круто поворачивала на север. Теперь «Кэтсберд» должен был снова вылететь в открытое море. Лейтенант Форстер обозначил взглядом направление, которого следовало держаться – 126°.

– В дорогу, к Гонолулу! – повторил инженер.

И аэроплан снова спустился к безбрежным морским равнинам.

Теперь американский офицер чувствовал себя на «Кэтсберде» так же хорошо, как на мостике своего крейсера. Легкость, быстрота, с какой они пролетели 1800 километров, внушали ему безграничную надежду!

Гонолулу находился менее чем в 300 километрах. Было около шести часов, и они могут добраться туда до наступления ночи.

И в самом деле через час на горизонте показался мерцающий огонь маяка, расположенного на верхушке Коэны, на высокой скале. За ним смутно вырисовывалась цепь возвышенностей, а приблизившись, можно было увидеть вторую цепь, более высокую и параллельную первой. В этом-то коридоре в 20 километров ширины, расположенном между этими двумя цепями, находились плантации бананов, ананасов, рисовые и кофейные поля, превратившие древнее полинезийское царство Калагауа в богатую и плодородную американскую колонию.

У южного выхода этой долины был построен город Гонолулу – вероятно, окончательный предел их путешествия.

Авиаторы располагали еще одним только часом дневного света. Инженер ускорил ход самолета.

* * *

«Кэтсберд» делает теперь 180 километров в час, так как 300 километров, отделяющие два больших острова Коай и Оаху, пройдены в один и три четверти часа. Солнце еще не успело сесть, когда послы из Мидуэя прибыли на вершину Бербера, в 25 километрах до Гонолулу. Кто знает – будет ли этот город пределом их отважного путешествия? Самолет

замедлил свой ход и поднялся на сто метров над только что появившейся перед ним скалистой вершиной. Авиаторы различают теперь вдаль, на противоположной стороне залива, где вместо скал виден песчаный берег, ряд высоких горных, покрытых лесом вершин, у подножия которых расстилается большой город.

Это Гонолулу, представляющий не только столицу, но и единственный большой порт, поддерживающий сношения между всем архипелагом и остальным миром.

– Взгляните налево, Морис!

Протянутая рука лейтенанта Форстера указывала приятелю на другой город, расположенный ближе.

Инженер спохватился, что поступил неосторожно, выдав свое присутствие и предоставляя себя, так сказать, их взорам, если японцы находятся на острове. Через несколько секунд аэроплан опустился и понесся в нескольких метрах над тростниковыми плантациями, тянувшимися насколько мог охватить взор.

Он чуть не задевал цветущие венчики. Здесь, совсем близко, на расстоянии не более шести или восьми километров открывается новый порт Пирл-Харбор, который федеральное правительство намеревалось превратить в перво-классный военный порт.

Это обширное естественное озеро в двенадцать квадратных миль, разделенное внутри на три широких бассейна. Огромные постройки, доки, пакгаузы, железные дороги

окружали эту внутреннюю бухту, где мог бы укрыться от выстрелов с моря не один флот.

На высоком гребне, поднимающемся на севере, можно было различить форты, батареи, башню, где, вероятно, находилась станция беспроволочного телеграфа. Какой флаг развевается на этой неоконченной крепости? Нельзя разглядеть. Но два крейсера, стоящие на якоре в центральном бассейне, выкрашены в серовато-синий цвет, принятый японцами для того, чтобы их суда были менее заметны с моря.

Это плохой признак.

Вот и еще два крейсера у входа в пролив. Они, по-видимому, крейсируют замедленным ходом.

Пока лейтенант Форстер разглядывал суда, стараясь найти ответ на мучительный вопрос, аэроплан продолжал свой путь. В этом состоит его неудобство по сравнению с дирижаблем: для того, чтобы удержаться в воздухе, аэроплан должен двигаться вперед и не может остановиться для отдыха или наблюдений. Он может спастись от какой-либо опасности, только двигаясь безостановочно вперед.

Дирижабль, очутившись в положении наших авиаторов, мог бы остановиться, повернув к ветру свое острие, и дать обратный ход винтам. «Кэтсберд», как Вечный жид воздуха, безостановочно движется вперед. Приблизительно на расстоянии трех километров их взорам открылся новый порт. Он был расположен на гладкой, слегка выступавшей возвышенности. Аэроплан пролетел над ней и продолжал путь.

Уже можно было различить валы, защищающие орудия от продольного огня, пушки с длинными, черными дулами, две верхушки средних башенок.

Если суда, крейсирующие около Мидуэя, известили жителей Оаху при помощи беспроволочного телеграфа – а это вполне возможно, – и если аэроплан был замечен на мысе Барбер с момента своего появления, то при прохождении над крепостью он будет встречен выстрелами из митральез или сильной канонадой. Эта мысль заставляет Мориса Рембо действовать рулем направления. «Кэтсберд» описал полукруг по направлению к югу и пустился прямо к скалам.

Но замечание лейтенанта Форстера тотчас изменило намерение инженера:

– Осторожно! Морской берег наводнен акулами!

И в самом деле, нигде нельзя встретить такое множество этих чудовищных рыб, как в водах Гавайского архипелага. Но это не мешает как туземцам, так и светскому обществу в Гонолулу купаться в море во всякое время дня и ночи на излюбленном морском берегу при всегда одинаковой, весенней температуре. Неосторожность купающихся только кажущаяся, так как окружающие острова коралловые рифы не подпускают акул близко.

И если аэроплан опустится за этими рифами, то авиаторы будут проглочены акулами в несколько секунд.

Если же, выйдя в море, они уйдут от крепостных митральез, то попадут под выстрелы судов. Падение неизбежно,

если пуля поразит Мориса Рембо.

Все эти мысли мелькали в голове молодого инженера, пока «Кэтсберд» парил с наклоненными крыльями по направлению к рифам. Прежде чем достигнуть их, он продолжал полет для того, чтобы описать полный круг. Несколько минут спустя аэроплан исчез из виду долины Гонолулу, за тянущейся параллельно западному берегу цепью высоких холмов.

– Как же узнать теперь, – сказал инженер, – после того как мы избежали первую опасность, не находятся ли там японцы?

– Боюсь утверждать, – ответил американец, – но все заставляет опасаться этого. Какие же это суда, если не японские? Они находятся слишком далеко для того, чтобы можно было различить их, но, очевидно, эти суда не принадлежат нашей дивизии стационаров Окленда. Работы в Пирл-Харборе подвинулись не настолько, чтобы наше правительство отрядило сюда постоянное морское войско. Итак – это японские суда, тем не менее...

– Что же делать?

– Спуститься в Гонолулу с севера, минуя форты и суда.

– Что же мы найдем в окрестностях города?

– В конце есть соединяющаяся с целым городом улица Форт-стрит, где находится казарма... Я хорошо знаком с городом, так как был здесь два года тому назад. Пролетим над ним ближе и заглянем внутрь. Если город занят японцами,

мне удастся легко отличить их черные мундиры от синих хаки наших солдат.

– Согласен! Мы отделаемся несколькими выстрелами... Прежде всего необходимо знать...

Аэроплан скользил над обширными полями сахарного тростника, и заводы следовали за заводами, показывая какой степени процветания достигло на архипелаге со времени американской аннексии в 1898 году производство сахара. В настоящее время производится до 500 тысяч тонн сахара на сумму 600 тысяч франков. Сахарный король играет такую же роль на Сандвичевых островах, как хлопчатобумажный король на юге Соединенных Штатов.

Ближе к берегу тянулись прорезанные тысячами каналов рисовые плантации с разбросанными на них домиками, крытыми сверкавшими на солнце металлическими пластинками, представлявшими не что иное, как обломки коробок от консервов, употребляемых китайцами. Эти же китайцы монополизировали разведение риса в Оаху. Дальше идут каучуковые леса, плантации хлопчатой бумаги и табака.

И несмотря на серьезность вопроса, который им предстояло разрешить, Морис Рембо не мог не сознаться при виде этих цветущих полей, обширных поместий, высоких дымящихся труб – как далек он был от мысли найти подобное богатство на этих отдаленных островах, которые во Франции считают горами лавы.

Очевидно, французская торговля относится к ним с пре-

небрежением потому только, что не знает их.

Аэроплан пронесся теперь прямо на Гонолулу, незаметный для приближающихся с севера, среди разбросанных деревьев. Железнодорожный путь тянулся вдоль берега озера, высокие трубы сталелитейного завода извергали среди зелени целые тучи черного дыма. Белые дорожки прорезали луга, усеянные быками и овцами, представлявшимися сверху в горизонтальной проекции. Шум моторов долетает до авиаторов, и автомобили останавливаются и следят за странной птицей, прорезывающей синеву вечернего неба.

– Мы найдем здесь сколько угодно бензина, – сказал инженер.

– Я думаю, дорогой Морис, все американские миллионеры, приезжающие сюда для восстановления расшатанного здоровья или для наблюдения за своими плантациями, владеют автомобилями или яхтами. Достаточно двух часов для того, чтобы возобновить все наши запасы.

– Где же нам опуститься?

– Над этой казармой, к которой мы приближаемся. Там имеется плац для маневров в полумиле, плоский, как ладонь.

– Слушайте...

Справа послышался грохот, эхом прокатившийся среди высоких гор, расположенных по левой стороне. Морской офицер пробормотал:

– Орудие!..

Как бы в ответ через несколько секунд раздался ближе,

по-видимому, из города, второй выстрел.

– Возможно, это сигнал к тревоге, – сказал Морис Рембо.

– Вероятно, нас видели в Пирл-Харборе, куда, несомненно, телеграфировали о нашем отъезде из Мидуэя, и теперь все предуведомлены об этом.

– Соотечественники не стали бы прибегать к подобной сигнализации...

– Я полагаю...

– В таком случае я поднимаюсь!..

– Это будет благоразумнее, и еще благоразумнее было бы поторопиться...

– Не сделать ли нам полукруг?

– Лучше все разглядеть: по крайней мере, мы не будем жалеть, что продолжали путь к Гавайским островам.

Через несколько минут «Кэтсберд» достиг 200 метров высоты, а винты его, делая по 1600 оборотов, ускорили движение к открытому морю.

– Вот казарма, о которой я говорил... и рядом плац для маневров, окруженный двойной аллеей кокосовых пальм...

– Напрасно мы будем пытаться скрыться, – заметил инженер. – Даже когда совершенно стемнеет, шум нашего мотора привлечет внимание целого города. Мне следовало приобрести бесшумный двигатель с глушителем.

– Ну, я не думаю, чтобы они попали в нас при подобной скорости аэроплана!..

– Достаточно одной пули...

– Бог милостив...

Глядя в морской бинокль, американский лейтенант ждал, пока под их ногами появился двор, окруженный невысокими постройками. Можно было различить маленькие правильные группы, точно шашки, расставленные для игры в домино, другие, по-видимому, пробирались на плац для маневров...

Теперь был виден весь город, менее чем в двух милях испещренный садами и фабриками, лесопильными заводами, литейными мастерскими и складами угля и дерева. Среди обширных лужаек выделялся своими белыми террасами, прекрасным парком, коралловыми стенами старинный дворец гавайских королей, представляющий теперь резиденцию губернатора. Вблизи дворца возвышается здание, напоминающее укрепленный замок, служившее во времена независимости больших островов гвардейской казармой.

Дальше тянулись обширные отели, окруженные набережными, красивые тенистые бульвары, храмы, разбросанные среди зелени, и над всем этим возвышался потухший кратер Пенчбуля, откуда Камеамеа, Петр Великий канаков, объявил себя властителем целого архипелага.

– Это японцы, – объявил лейтенант Форстер. – На этот раз я уверен в этом... Скорее, Морис!

Больше он ничего не успел сказать.

Послышался треск, и град пуль рассыпался в воздухе, точно рой жужжащих мух. Одна из них, по-видимому, попала в

звякнувший мотор, другие прошли через крылья.

Послышался короткий вопрос инженера:

– Вы не ранены, Арчибальд?

– Нет, а вы?

– Нет! Крепитесь!

И под впечатлением неожиданного вдохновения Морис Рембо резко повернул руль глубины, нагибая его к земле. «Кэтсберд» сразу опустился с 200 метров до 40 и, казалось, уже задевал верхушки кокосовых пальм и эвкалиптовых деревьев. Глядевшим на него снизу, вероятно, казалось, что он падает! В эту же минуту раздался второй залп, направленный в высоту, откуда он уже исчез.

До авиаторов смутно долетали крики, рев; японцы рассчитывали на падение, которое отдаст им в руки смелых завоевателей воздуха.

Но руль быстро был повернут в другую сторону, и огромная птица взвилась, как она делала это легко перед отъездом. Задевая деревья, избегая скал, «Кэтсберд» исчез от взоров тех, для которых казался на высоте 200 метров, легкодостижимой мишенью. Теперь перед ними расстился порт, мол, а у набережной стояли на якоре миноносцы. Раздались еще отдельные выстрелы – стреляли точно в куропатку.

Что касается митральез, то они были в этом случае совершенно непригодны, так как их лафетам нельзя было придать вертикальное положение, необходимое для такой стрельбы. Огонь японской пехоты, не приученной целиться в звезды,

был также совершенно недействителен.

«Кэтсберд» очень рискнул, обнаружив свое присутствие, и теперь не остается ничего больше, как устремиться к большому острову Гавайи, где японцы, вероятно, еще не высадились, потому что там не было порта для прикрытия крейсеров.

Но когда аэроплан проходил над коралловым валом, окружавшим морской берег Вайкики, – послышался первый после отъезда перебой мотора, затем второй... и равномерная работа винтов стала прерываться вздрагиваниями и затем толчками.

Это было начало агонии мотора!

Крик, или скорее проклятие, вырвалось у лейтенанта Форстера.

Он совершенно забыл о резервуаре.

Неужели он не успеет теперь наполнить его, и «Кэтсберд» по его вине попадет во власть акул?

Они пролетали теперь над коралловыми рифами.

Если у Мориса Рембо в этот критический момент не хватит присутствия духа, то все погибло.

Но молодой француз имел в виду подобную случайность. Он наклонил аэроплан слегка к морю для того, чтобы остаток бензина в резервуаре попал в карбюратор и поддержал в продолжение нескольких минут ход поршня.

Не поворачивая головы, он пробормотал сквозь зубы:
– Скорей, Арчибальд, бензина! Ради бога, торопитесь!

Американец не ожидал этой просьбы, бросился за флягой и уже лихорадочно старался откупорить ее.

Но это ему не удалось и, как часто бывает в подобных случаях, не было под рукой инструмента для того, чтобы срезать свинцовую пробку.

– Второй! Скорее второй сосуд! – кричал инженер сдавленным голосом, так как находился на расстоянии не более пяти или шести метров над поверхностью воды, и скорость заметно уменьшалась.

Американец схватил второй сосуд, который ему удалось открыть без труда и вылил бензин, разбрызгивая его во все стороны, в отверстие резервуара.

Перебои моментально прекратились.

– Скорее! Еще один!..

Между тем как сэр Арчибальд лихорадочно откупоривал и наполнял резервуар доверху, инженер круто повернул аэроплан направо, так как в 300 метрах от них находились скалистые вершины, окаймленные столетними пальмами Бриллиантовой горы – второго кратера потухшего вулкана.

Об эти скалы мог бы разбиться аэроплан.

Наконец он поднялся, обогнул мыс и устремился полным ходом в открытое море.

Еще не оправившись он волнения, лейтенант Форстер стал сам себя бранить, уверяя, что этот страшный урок навсегда устранит его рассеянность.

– Рассеянность в самом деле строго воспрещается авиаторам, – сказал все еще бледный Морис Рембо, – мы спаслись удачно: вы видели миноносец, подошедший к валу слева, в надежде явиться туда вовремя и подобрать нас на поверхности воды?.. Это было бы для нас еще лучшим исходом: лучше попасть в руки японцев, чем в пасть акулы!

– Я не заметил миноносца, потому что был слишком поглощен моими сосудами с бензином. Теперь я забыл смазать! Право, я плохой шофер, Морис!

– Смазка не так важна! Но займитесь ею, прежде чем еще не стемнело окончательно. Затем вы скажете мне, какой звезды я должен держаться как точки направления. Беда в том, что мы прибудем на Гавайи темной ночью, луна взойдет позже.

– Напротив, это лучше, Морис... Если там стоит какой-нибудь миноносец, например в маленькой бухте Гило, то не заметит нашего прибытия и у нас будет достаточно времени для розысков бензина в небольших деревнях и на заводах, цепью окружающих остров.

Если бы морской офицер обернулся в эту минуту, то увидел бы при последних лучах закатывающегося солнца стальное веретено, быстро разрезавшее волны, и не был бы так спокоен.

Это был японский миноносец-истребитель – один из морских собак, делающих от 28 до 30 узлов.

Он бросился очертя голову вслед за аэропланом.

Глава 11

На краю вулкана

Ночь опустилась на Тихий океан. На небе загорались звезды, и аэроплан несся над темными волнами.

– Нам придется отказаться от намерения телеграфировать в Сан-Франциско, – сказал Морис, когда равномерный стук мотора разогнал его последние опасения. – Мы могли это сделать только из Гонолулу, но так как японцы утвердились там...

– Очевидно, они перерезали всякое сообщение с Америкой, но, быть может, какая-нибудь станция беспроводного телеграфа устроена где-нибудь на большом острове и не захвачена ими.

– Не надейтесь, нам не останется ничего больше, как перелететь над остальной частью Тихого океана, – сказал Морис, которого не покидала мысль о Кэт.

– И поэтому необходимо во что бы то ни стало найти бензин на острове Гавайи, – прибавил лейтенант.

Погруженные в свои размышления и как бы подавленные трудностью задачи, которую им предстояло разрешить, они замолчали.

Морис Рембо замедлил ход до 60 или 70 километров в час. Он не мог решиться поддерживать прежний быстрый ход мо-

тора.

Неправильное движение колеса, слишком маленький угол руля глубины – и аэроплан может в несколько секунд очутиться на поверхности воды, а он не был вполне уверен, что поплавки, придя в соприкосновение с водой, будут держаться над нею при поднятых плоскостях руля.

При подъеме аэроплана не было сделано опытов с ним, как с гидропланом, а теперь не время подвергать его испытаниям.

Кроме того, следующие острова были уже близко. Четыре острова были расположены группой, очень близко друг от друга и отделены Гавайским проливом в 60 километров шириной от большого острова того же названия.

При свете электрической лампы, которую они захватили с собой, лейтенант Форстер рассматривал карту. Первым из островов, отделенных от Оаху проливом Каиви, был Молокай.

– Остров Прокаженных, – прибавил он...

– Он населен исключительно прокаженными?

– И ухаживающими за ними миссионерами Пикпуса и францисканскими монахинями.

– В таком случае японцы, наверное, не появлялись на этом острове...

– Вероятно, нет! Что они нашли бы на нем? Мы не найдем там ни капли бензина, так как это исключительно царство болезни и смерти, и вы согласитесь, что американские мил-

лионеры, владельцы яхт и автомобилей, не рискнут жить в подобном «санатории»...

– А остальные острова?

– Остров Ланай, лежащий рядом с Молокаем, не имеет порта и представляет собой только одну деревню. Следующий большой остров Мой, почти весь состоящий из огромной каменной глыбы в три тысячи метров над уровнем моря, и затем самый маленький из восьми островов Кагулани, населенный исключительно туземцами.

– В таком случае нам придется лететь прямо к Гавайи.

– Без размышлений...

– Хватит ли для этого бензина?

Американец пересчитал оставшиеся баклаги.

– Осталось больше чем нужно для отделяющего нас от большого острова расстояния в триста километров.

– Вычислите угол направления для того, чтобы держаться близко к первой группе островов и перелететь Гавайский пролив.

– Хорошо! Но это еще не все: большой остров Гавайи имеет от ста сорока до ста пятидесяти километров в ширину... С какой стороны мы подойдем к нему?

– Вам знаком остров?

– Мне известен один пункт на нем: я, как и все туристы, не желающие пропустить какого-либо единственного в мире чуда природы, поднимался на муле на большой вулкан Килоа.

– Я думал, что он называется Мауна-Лоа или Мауна-Кеа?

– Так, в самом деле, называются два кратера в тринадцать тысяч восемьсот и тринадцать тысяч девятьсот футов, находящиеся в центре острова. Они также постоянно действуют, но очень немногие путешественники рискуют подняться до их вершин. Представьте себе два Монблана на расстоянии восьмидесяти миль друг от друга!

– А два месяца тому назад я и не подозревал об их существовании! Как мало мы знаем во Франции о том, что не относится к ней! Итак, третий вулкан доступнее?

– Килоеа расположен близ моря, имеет только три тысячи футов высоты, и подъем на эту гору представляет из себя обыкновенную экскурсию. Кроме того, на краю кратера помещается одна из наиболее комфортабельных американских гостиниц.

– Гостиница... значит, мы найдем и бензин.

– Я не надеюсь на это, так как не видел там автомобилей. Дороги там слишком плохи для того, чтобы по ним можно было ездить иначе как на мулах или в первобытных местных экипажах.

– Куда же нам направиться?

– Погодите! Я вспомнил большую плантацию сахарного тростника близ вулкана, на пути к маленькому порту Пуналуу, обслуживающему сахарный завод. Там мы, вероятно, найдем бензин...

– В таком случае скорее на Гавайи! Какого угла направле-

ния держаться?

– Мы находимся, по-видимому, на высоте Молокая и пролетим очень близко к холмам.

И действительно, когда они пролетели 50 километров, с левой стороны обрисовались высокие силуэты гор. Американец протянул по направлению к ним руку.

– Кратер, о котором я говорил, находится где-то среди этой глыбы. Это одна из достопримечательностей острова Гавайи, и он наполнен морской водой:

– Следовательно, он сообщается с океаном?

– По-видимому, сообщается с ним, так как уровень этого маленького озера, находящегося на дне кратера и имеющего до пятисот метров в окружности, находится в зависимости от прилива и отлива Тихого океана... Это озеро пробовали зондировать, но никак не могли достигнуть дна.

– Положительно Гавайские острова представляют особенности, которые должны были бы привлечь сюда путешественников со всех концов мира!

– Будьте уверены, что и на самом деле они привлекают немало туристов. Только французы, когда-то великие путешественники, в настоящее время заперлись в своей стране и предоставляют английскому, немецкому и американскому флотам перевозить целые караваны туристов в эти моря, куда мало-помалу переносится центр мировой торговли.

– Тише, мой дорогой Арчибальд, не браните мою родину. Когда мы пускаемся в путешествие, то, по крайней мере,

оригинальным способом, как, например, теперь...

– Ах, верно! В царстве воздуха... вы отыгрались, и нельзя забыть, что француз осуществил действительно отважный, первый полет над морем. Каким сильным толчком был для авиации опыт Блерио! И кто мог предвидеть тогда, что будут сделаны, как теперь нами, не сотни, а тысячи километров! Руль налево, Морис, мы подошли слишком близко к горе...

– Наблюдайте хорошенько, а то бог знает на что мы будем обречены, попав ночью на эти скалы!..

– Вы отмечаете одно из неудобств авиации в сравнении с аэронавтикой, мой друг! На дирижабле можно было бы пролететь очень высоко над этими выступами земли. Вы же вынуждены сообразовать ваш ход с ними, не поднимаясь высоко.

– В настоящее время – да! Но когда изобретут моментальный парашют, который в случае порчи мотора будет поддерживать аэроплан и авиатора – станут подниматься гораздо выше.

Теперь оба друга, пришедшие в себя после недавнего волнения, избавленные от опасности первых опытов и полные веры в чудесный мотор, громыхавший позади них, беседовали так же спокойно, как у дверей вагона.

Наступила ночь... Луна, еще закрытая высокими скалами Молокая, давала знать о своем присутствии, выделяя своим опаловым светом контуры острова, а звезды отражались на каждом выступе алмазным блеском.

Через час молодой француз уже свыкся с видом моря в темноте и держался известного расстояния над ним, не боясь неожиданно нырнуть в воду.

И только из предосторожности он еще уменьшил свою скорость, и аэроплан не делал больше 50 или 60 километров в час. Но он поднялся на сто метров над поверхностью воды. В таком положении большая шумящая птица, выбрасывая снопы раскаленного газа, наверняка привлечет внимание жителей острова, расположенного не более как в двух милях.

Эта мысль пришла американцу в голову в ту минуту, когда он, внимательно следя теперь за наполнением резервуара, повернулся для того, чтобы привести в порядок пустые фляги.

– Наш аэроплан не только трещит так, что может разбудить всю рыбу Тихого океана, но еще и оставляет за собой настоящий огненный след... Взгляните...

Морис посмотрел, нагнувшись в водяное зеркало, отражавшее мерцающий отблеск взрывов газа в моторе.

– Этим мы опять-таки обязаны отсутствию глушителя, – сказал он. – Право, за нами можно следовать по пятам... Как я был бы доволен, если бы мы были немые и невидимые...

– Море как будто менее спокойно в этом месте, – заметил лейтенант. – Быть может, мы находимся в Гавайском проливе?

Вскоре поворот скал сам ответил на этот вопрос: остров Кагулани, вблизи которого они пролетали, круто поворачи-

вал к северу и «Кэтсберд», продолжая путь на восток, очутился среди необъятной водной равнины.

Луна вынырнула из-за прикрывавших ее гор и поднялась высоко, бросая на море колеблющийся, как шарф, длинный серебристый шлейф.

Но это море не представляло собой теперь неподвижно-го зеркала Тихого океана, которое они видели в морской пустыне. Заключенное между двумя гранитными стенами, разбиваясь об длинные ряды скал, море рвалось, вздувалось, и звезды бешено плясали в подвижных призмах его волн. Вдали исчез теперь темный горизонт, на котором уже обозначился первый проблеск утренней зари – ночи в это время года здесь коротки. Небо озарилось пурпуровым заревом, то превращавшимся в медно-красную тучу, то вспыхивавшим более ярким отражением, прорезываемым у основания бледными зарницами.

Американец, наблюдавший некоторое время это переменчивое явление, протянул руку к горизонту.

– Мауна-Лоа! – воскликнул он.

И, в самом деле, только этот вулкан мог на расстоянии более 80 километров дать зрелище такого яркого снопа пламени.

На ясном экваториальном небе его вершина, не имеющая равных себе в целой Океании, покрыта вечным снегом среди местности, где царит вечная весна. И внезапно озаряемая вырывавшейся раскаленной лавой снежная вершина ве-

ликана казалась издалека бледными зарницами, сверкавшими время от времени у основания вспыхивавшего зарева.

– А Килоеа, к которому мы направляемся, – спросил инженер, – виден отсюда?

– Он расположен левее, менее заметен, так как он ниже.

– Но его извержения, вероятно, сильнее всех прочих, потому что он волшебнее всех вулканов на Сандвичевых островах...

– Ошибаетесь, это потухший вулкан и представляет собой не более как озеро, наполненное кипящей лавой. Но какое озеро! Какое зрелище! Когда мы приблизимся к нему, то вы увидите направо от больших верхушек красный отблеск. Это-то и будет озеро. Когда тучи висят низко, этот отблеск освещает их и всю ночь можно любоваться чем-то вроде солнечного заката, пылающего в виде огромного зарева.

– Как жаль, что мы не можем осмотреть его в качестве приемников Кука, – сказал инженер.

– Следует приехать сюда спокойно на пароходе, мой дорогой Морис. Зрелище стоит того...

– Но какое зрелище, какое путешествие может сравниться с нашим теперешним!.. Не хватает только...

– Мисс Кэт, – прервал американец, смеясь.

Морис Рембо взглянул украдкой на своего товарища. Если даже Морис намеревался закончить свою фразу иначе, то все-таки произнесенные только что Арчибальдом слова настолько соответствовали его тайной мысли, что он не нашел

на них ответа.

Да, она все время была с ним, перед его глазами, то с нежной улыбкой на устах, среди своих цветов, то с влажными и сверкающими глазами у изголовья своего умирающего отца. И в самые тяжелые минуты этого полного опасностей путешествия его поддерживала мысль о ней. Мысль о ней внушала ему решимость, гнала его вперед, не считаясь с препятствиями и опасностями.

Американец боялся, что проявил нескромность, и, чтобы дать другой оборот разговору, сказал:

– Мы прибудем к заводу Пуналуу при первых лучах рассвета. Замедлите ход по возможности для того, чтобы мы могли при свете дня избрать удобное место для спуска.

– И главное, удобное для нового подъема, – ответил инженер. – Это самое важное... Если мы найдем крутой скат, которому предшествует отлогий склон, и по которому нам можно будет скользить на расстоянии десяти метров, то мы очутимся в таких же условиях, как и в Мидуэе.

– Там существует крутой скат, окружающий вулкан. Это отвесная стена в сто пятьдесят – сто восемьдесят метров высоты и пятнадцать километров в окружности: я еще помню цифры, сообщенные нам проводником отеля.

– Да, но этот откос спускается к озеру кипящей лавы, как вы сказали? А я считал возможным в случае порчи мотора падение в море перед отъездом из Мидуэя, но вовсе не рассчитывал попасть в кипящую лаву...

– Кратер с лавой не занимает целого дна этого огромного круга, а только небольшую часть его. Мы поднимемся с самого отдаленного от Галемаумау пункта на скале...

– Галемаумау?

– Да, так называют канаки колодезь с лавой – местопребывание богини Пеле согласно легендам. Известно ли вам, что это самое знаменитое на Гавайских островах место для паломничества? Сюда стекаются туземцы со всех островов с такой же глубокой верой, как магометане путешествуют в Мекку. Они приносят сюда дары: самые бедные – гирлянду из редких цветов, а богатые – поросенка или шелковый платок, которые бросают в огонь. Все время своего паломничества они обязаны думать об исполняемом ими религиозном обряде, не принимать пищи, не собирать ни ягод, ни цветов, молодые люди не имеют права даже думать о предметах своей любви. И так как вы отправляетесь на богомолье к вулкану, то вам остается только радоваться, что мы не ханжи, мой дорогой Морис.

Этот новый намек на его тайные мысли вызвал улыбку молодого француза, и его взор невольно остановился на том месте, где открылся Килоеа.

Аэроплан обогнул очень высокий мыс, состоявший из базальтовых колонн.

На южной стороне, недалеко от темной вершины Мауна-Лоа, появилось характерное зарево.

Не Килоеа ли это – место паломничества канаков?

Американец продолжал:

– Во время моего путешествия на Гавайи два года тому назад я наблюдал одно из этих туземных паломничеств. Они тихо пели свои освященные преданиями мелодии, останавливались время от времени, для того чтобы украсить дорогу, нежно клали на скалу несколько листочков или расправляли сломанное ветром растение... Эти старые гавайские обычаи окутаны, на мой взгляд, легкой дымкой самой трогательной поэзии. Как жаль, что белые привили им свои пороки, свои потребности и преобразили менее чем в полвека этих людей с их пленительными странностями.

– Мне рассказывали, что вашим англиканским миссионерам удалось отучить туземцев ходить полуголыми для того, чтобы они одевались в английские хлопчатобумажные изделия и, таким образом, развивая чувство скромности среди этого племени, одновременно способствовали торговле фабрикантов Манчестера.

– Это правда! Наши миссионеры – отличные коммивояжеры: канаки носят теперь одежду ярких цветов. Но самое скверное, что мы привили им – это алкоголизм. Сахарные плантации производят не только сахар, но и ром, так что множество туземцев уже заражены алкоголизмом.

– Не стану сожалеть об этом, – сказал инженер, – так как если бы не было алкоголя, то не было бы и бензина, и куда мы обратились бы теперь?

– Я полагаю, – сказал вдруг американец, – если мы не

найдем здесь бензин, то можем быть уверены, что найдется спирт... Будет ли этого достаточно для вашего мотора?

– Да, если найдется вполне очищенный спирт.

– Плантаторы производят из тростника спирт, который дистиллируют, затем заключают его в пористые перепонки, откуда просачивается вода, оставляя девяностовосьмиградусный спирт.

– Такой спирт будет прекрасен для нашего мотора при условии, что он будет разогрет перед отъездом. Нужно будет немного видоизменить карбюратор.

– Отлично! – воскликнул лейтенант Форстер. – Ваши слова значительно облегчили мою душу, так как я уверен, что мы скорее найдем на острове спирт, нежели бензин.

– Мы можем также воспользоваться спиртом из карбюратора.

– В какой пропорции?

– Пятьдесят на сто спирта... Пятьдесят на сто бензина или очищенной нефти.

– Нужно надеяться, что у нас хватит времени сделать запасы... Японцы быстро захватили в свои руки столицу архипелага Пирл-Харбор и, вероятно, все наши склады угля, за исключением Мидуэя... Но им не пришло в голову забрать в свои руки гостиницу на Килоеа...

– Конечно! Мы проведем там только несколько часов.

– И в том числе придется употребить три-четыре часа на отдых... Признаюсь, я очень нуждаюсь в нем...

– Да, у меня также начинают слипаться глаза...

– Время, посвященное сну, не будет потеряно, мы наверстаем его после, – сказал американец. – Вы не рассчитывали вчера делать больше ста пятидесяти километров в час, а достигли ста семидесяти... Смотрите, смотрите! Заревое от вулкана...

Килоеа обрисовался на небе не в виде расширенного конуса высоких кратеров, выделявшихся вдали, а как равнина, увенчанная красным отблеском, ярко-красным заревом, являющимся отблеском только так называемого «живого пламени».

Аэроплан летел вдоль берегов... Он обогнул вершину Копого – самую восточную в архипелаге – и на левой стороне начинало рассветать.

Было около половины третьего утра. Лейтенант Форстер, очень внимательно относившийся к своим обязанностям, наполнял маслом маленький резервуар, так называемый лубрикатор, позволяющий добавлять масло при помощи действия клапана по мере требования машины. Когда он повернулся для того, чтобы убрать флягу, у него вырвалось подавленное восклицание, и он тотчас громко сказал про себя:

– Что это значит?

– О чем вы говорите? – спросил инженер, не поворачивая головы.

– О судне, огибающем мыс Копого на расстоянии получа са отсюда, и которое, по-видимому, следует за нами по пя-

там.

– Военное судно?

– Несомненно! Миноносец-истребитель, насколько я могу судить... Подождите, я скажу вам сейчас наверно...

И, повернувшись, американец, озабоченно наморщив лоб, навел бинокль на пришельца.

– Не может быть сомнения, – сказал он, усаживаясь, – это одно из быстроходных судов, делающих по тридцати узлов.

– И вы полагаете, японское?

– Иначе быть не может. На этом берегу нет наших судов, и особенно судов подобного рода. Это судно с турбинами последнего образца. У японцев имеется шесть подобных миноносцев.

– Неужели они следят за нами от Гонолулу? – спросил инженер.

– Очень возможно: за нами очень легко следить по отблеску, который мы оставляем позади себя. Затем они могли избрать кратчайший путь, пока мы летим вдоль берега островов. А при нашем замедленном ходе они могут двигаться с такой же скоростью.

– Присмотрите немножко за колесом и дайте мне ваш бинокль.

Вероятно, беспокойство инженера было велико, если он согласился уступить на мгновение управление аэропланом.

Не вставая с места, Арчибальд немного нагнулся и взялся за колесо. Морис Рембо, повернувшись, поднес бинокль к

глазам.

– Это, действительно, одно из самых быстроходных судов, и боюсь, что оно послано для того, чтобы преследовать нас... Разве судно при нормальном плавании потушило бы так рано свои огни?

– Да, Морис, они тушат их при восходе солнца.

– Миноносец идет без огней... Очевидно, он крейсировал всю ночь без них, потому что хорошо изучил берега... Что делать?

– Следовать нашему первоначальному решению, – ответил офицер, – добраться до Килоеа, так как мы уверены, что найдем там все необходимое для нас. Если нас в самом деле преследуют, то нечего и думать останавливаться на этом берегу. Мы уже отрезаны от Гило, где у нас было больше всего шансов запастись всем...

– А на западном берегу?

– Где бы мы ни спустились теперь, мы будем тотчас захвачены. Если же между нами и миноносцем будет расстояние в тысячу метров, то мы выиграем семь-восемь часов, я припоминаю, что именно столько времени мы употребили для подъема от моря на вершину вулкана.

Морис Рембо занял свое место у руля.

– Решено! – сказал он. – Мы таким способом можем еще скрыться от их взоров крутым поворотом налево и найти где-нибудь долину, где спрячемся от их биноклей... Черт возьми, если им вздумается разыскивать нас в окрестностях вул-

кана!..

– Все равно, – пробормотал лейтенант Форстер – вот и еще одно осложнение. Все шло слишком хорошо до сих пор...

Аэроплан перелетел над большим мысом Копого, на вершине которого можно было различить маленькую башню. Это был первый маяк, встречаемый в Тихом океане судами на пути из Америки. Но на маяке не было видно в эту ночь огня, и офицер задал себе вопрос: не заняли ли предусмотрительные и мелочные японцы этот пункт, для того чтобы потушить на маяке огонь и лишить американские крейсера этого необходимого во время навигации знака? Если так, то японцы могут с занятого ими маяка сигнализировать при помощи различаемого около башни семафора проходившему миноносцу о направлении аэроплана.

Пока в голове проносились эти мысли, Морис Рембо, поднявшись на 200 метров над поверхностью воды, повернул направо к берегу.

Перед ними в самом деле открылась долина, ведущая к вулкану...

«Кэтсберд» пронесся над рядом рифов, о которые разбились пенящиеся волны, перелетел первые ряды скал и направился к долине, но не увеличивая своей скорости, так как не был уверен в своем маршруте.

– К счастью, я начинаю различать кое-что среди этого мрачного ущелья, – сказал Морис Рембо, – и если долина

делает поворот налево, как я полагаю, то они не найдут нас, обогнув мыс.

– Лишь бы караул на маяке не дал им соответствующих сигналов, – произнес морской офицер.

Молодой француз ответил на слова Арчибальда жестом, выразившим его беспокойство. Это очень правдоподобное предположение грозило тяжелыми последствиями.

Нужно ли взять обратный ход, пуститься с усиленной скоростью, которая быстро опередила бы миноносец, и добратся до другого острова?

До какого же? Быть может, лучше перелететь мимо возвысившихся перед ними гор к противоположному берегу, так что преследующий их миноносец не будет оповещен об их перелете, потому что с маяка нельзя будет проследить за ним.

Но удастся ли аэроплану взобраться на находившийся перед ними скат в три тысячи метров, спускавшийся от Мауна-Лоа.

Не зная, где он находится, и располагая только несколькими минутами для принятия какого-либо решения, Морис Рембо остановился на первоначально принятом плане. Там они, по крайней мере, найдут спирт или бензин.

Это самое важное для них, все остальное – второстепенное дело.

Так как долина делала поворот к большим, расположенным вдали кратерам, отдаляя их с его пути, то инженер ми-

новал ее и направился к вулкану Килоеа, красный отблеск которого указывал на его местоположение по левой стороне.

Он пролетел над склоном горы, усеянной обгоревшими скалами, черной лавой и желтоватым вереском. Затем они увидели плоскую и отлогую возвышенность, огромные пустоши, лишенные цветов, и поля, покрытые серой травой с копьевидными листьями, над которыми выступали чахлые деревца.

– Где же плантация, Арчибальд?

– Левее, но я не вижу на этой стороне места, удобного для подъема самолета.

– В таком случае спустимся на самый вулкан!

– Я думал об этом, ибо если они действительно преследуют нас, то вы можете выгадать несколько часов, отделив себя от них кратером.

– Это верно... но спирт... как его доставят нам?

– По той дороге, которая проходит еще левее, я отыщу ее при помощи канаков плантации. Пройдя по ней, можно избежать одновременно кратер и японцев.

– Вы думаете, что они в самом деле будут преследовать нас?

– Все возможно, раз они вышли для этого из Гонолулу, добыча стоит того!..

– Я предпочитаю потопить мой самолет в лаве, чем отдать в их руки...

– Вот и гостиница!..

На вершине горы действительно виднелось большое здание современной архитектуры, двухэтажное и окруженное чахлыми деревьями и несколькими хижинами.

Когда аэроплан находился на высоте 20 метров, у инженера вдруг вырвалось восторженное восклицание:

– Как это прекрасно!

* * *

Позади гостиницы открывалась круглая площадь, окруженная вертикальными стенами от 150 до 220 метров высотой. Основанием этой площади служит кратер Килоеи, изображавший круглую пропасть с покрытым остывшей лавой дном, сквозь которое просачивались серные пары.

Перед этой пропастью образовалась другая – это самый вулкан Галемаумау.

По мере того как аэроплан приближался и обрисовывались подробности, Морис Рембо, как бы загипнотизированный этим сверкающим отблеском литой стали, устремился к вулкану с охватившим его, как и Арчибальда, сильным волнением.

Зрелище было в самом деле захватывающим, просто бесподобным!

Вулкан представлял собой круглый колодезь в 100 метров глубиной и в 400 метров шириной. Содержащаяся в нем раскаленная лава находилась в постоянном движении и непре-

рывно выбрасывала с глухим шумом разбивающиеся у его краев столбы огня в 20 метров высотой.

Шум и страшный жар не поддаются никакому описанию.

И Морис Рембо не без усилия оторвался от этого зрелища. Он не имел права дольше останавливаться на нем.

Необходимо было без замедления отыскать место для спуска на краю этого утеса.

Он заметил такое место при свете зари от вулкана.

Это был род обнаженного откоса, напоминавшего реку из внезапно застывшей лавы.

Он обратил еще внимание, что окрестности были усеяны желтоватым вереском, среди которого желтый аэроплан, быть может, не будет замечен в бинокли, которые будут наведены с моря, так как верхушка кратера видна оттуда.

Эта последняя мысль заставила его прийти к решению.

Для того чтобы добраться до избранного им места, нужно было перелететь над кипящим озером.

Это была незабвенная минута.

Клокотание расплавленной массы, вырывавшейся из глубины, поднималось из этого адского горнила к смелым авиаторам вместе с волнами горячего воздуха.

Они не могли подавить овладевшего ими страха и чувствовали головокружение, когда смотрели вниз, в этот огненный колодезь.

Инженер, в свою очередь, задавал себе мучительный вопрос – не изменяется ли состав воздуха над этим горнилом и

не ослабится ли вследствие этого карбюрация в его моторе?

Но они уже пронеслись над озером из лавы.

С другой стороны аэроплан очутился на высоте не более десяти метров над обширным утесом. Морис Рембо не решился прекратить аллюмаж, прежде чем не будет над самой скалой. Таким образом он перелетел немного дальше избранного им места. Мотор остановился, винты перестали действовать.

«Кэтсберд» парит еще одно мгновение, опускается, скользит еще около 20 метров и останавливает свои дрожащие крылья, точно орел, только что опустившийся на свою жертву.

Поверхность была немного более шероховата, чем следовало, но плоская. Спуск был удачен настолько, насколько этого можно было желать.

Лейтенант Форстер соскочил на землю и вынул свои часы. Была половина четвертого утра.

«Кэтсберд» находился в пути 22 часа. Он сделал вместе с ночными объездами 2900 километров при среднем ходе в 130 километров в час. До Сан-Франциско оставалось еще 3300 километров.

Можно ли думать снова пуститься в путь, запасшись драгоценной жидкостью, играющей роль крови в аэроплане?

Это будет разрешено отправляющимся немедленно в путь американцем.

Он направится, прежде всего, в гостиницу, спустившись

в кратер через замеченную им во время спуска трещину.

Из гостиницы он будет телефонировать на плантацию, прося немедленно доставить спирт или бензин, за который будет тотчас заплачено. Он же поедет на взятой в гостинице лошади впереди мулов, везущих драгоценный груз и, повернув налево, заставит их обогнуть утес.

Он рассчитывал, что до его возвращения пройдет шесть часов.

– Быть может, было бы лучше спуститься прямо к плантации и устроить там плоскость для подъема аэроплана при помощи туземцев. Но кто знает, возможно, что китайцы, осведомленные о захвате островов желтолицыми, отнеслись бы враждебно к двум белым или удержали бы их до прихода миноносца?

Но всякие подозрения и сожаления были теперь излишни. «Кэтберд» опустился здесь и должен отсюда улететь.

Во время отсутствия своего друга Морис Рембо повернет аэроплан на полкруга, так как он должен уехать в сторону кратера. Затем почистит и выровняет поверхность земли, как можно лучше, до самого откоса.

Наконец, согласно сигналу, данному ему из гостиницы Форстером, лишь только ему станет известно, доставят ли им спирт или бензин, Морис разберет карбюратор или оставит в прежнем положении.

Они условились, что если с плантации могут доставить бензин, то развевающийся над гостиницей американский

флаг, очень ясно различаемый на расстоянии, по крайней мере, двух миль, будет спущен до половины мачты. Если же можно получить только спирт, то флаг будет совершенно спущен. И, сердечно попрощавшись, оба друга расстались.

Стоя на краю пропасти, Морис Рембо видел, как неустрашимый американец спускался по узкой тропинке в трещине, ведущей в глубину кратера. Он следил за ним, когда он цеплялся по извилинам, скользил и быстро пробирался к скале. Он казался в ту минуту совсем маленьким, когда, прыгая через расселины, огибая потоки еле успевшей остыть лавы, направлялся к обнаженным пустошам.

Вот он около Галемаумау!

Арчибальд Форстер осторожно и на почтительном расстоянии обходит колодезь, наполненный лавой.

Наконец он дошел до тропинки туристов и исчез среди синеватых облаков серных испарений, непрерывно поднимающихся от земли к небу, точно вечно угрожая извержением.

Глава 12

Погоня

Стоя на самом высоком берегу кратера, инженер увидел спускающиеся к морю изборожденные лавой откосы и длинную полосу скалистого берега, оканчивающуюся у вершины Капоко.

В предусмотрительно оставленный ему другом бинокль он разглядел большой миноносец, крейсировавший в нескольких сотнях ярдов, вблизи маяка, без сомнения, для обмена сигналами с его караулом. Затем он видел, как миноносец приблизился к берегу, описал полукруг и исчез за незаметным валом вулкана.

Предположение, что это судно послано в погоню за ними, получило теперь еще большее подтверждение у инженера, и, несмотря на начинавшую овладевать им крайнюю усталость, он поторопился подготовить свой аэроплан для полета. Он заставил его без особенных усилий сделать полкруга на своих полозьях и во время этой операции убедился, что при проезде над Гонолулу в «Кэтсберд» попали три пули: одна позади – поцарапала ящик с инструментами, а две пробиты левое крыло. Таким образом могло легко случиться, что пуля попала бы в одного из авиаторов. Убедившись в этом, инженер пожалел, что не укрепил под сиденьями стальной

лист в шесть-восемь миллиметров толщины, который служил бы щитом от вертикальных выстрелов. Очистив затем почву перед аэропланом и запрягшись в веревку от тяги, ему удалось подтянуть «Кэтсберд» на 20 метров по направлению к кратеру и вывезти его на гладкую и наклонную площадку, высмотренную им раньше. С этого места аэроплан может пробежать до 40 метров, прежде чем очутится в пропасти. Это более чем нужно для того, чтобы быть уверенным в удачном подъеме.

Когда эта работа была закончена, молодой француз поднял глаза к гостинице и не увидел там больше американского флага. Следовательно, лейтенант Форстер уже добрался до нее и успел телефонировать на плантацию. Ответ был ясен: сюда пришлют спирт. Морис Рембо предпочел бы продолжать путь с бензином, так как никогда нельзя быть уверенным в степени очистки спирта, и образующаяся от него вода, сгущаясь на свече во время отъезда, часто вызывает перебои мотора.

Но нужно было считать большим счастьем и такое разрешение вопроса. И, разобрав карбюратор, Морис Рембо заменил вынутый им поплавок другим, немного более тяжелым, соответствующим плотности спирта в 0,800.

Затем он занялся очисткой свечей, смазкой осей винтов и шестерни.

Наконец он заменил в их местах под лодкой обе ракеты, способствовавшие отъезду из Мидуэя, и от которых остались

одни оболочки, двумя новыми ракетами, хранившимися в лодке.

Но у него не оставалось больше ракет, и если бы «Кэтсберд» опустился на землю еще раз, то не пришлось бы подняться таким способом.

Затем он поместил пустые фляги на земле для того, чтобы наполнить их спиртом, лишь только привезут груз. Он был уверен, что его доставят в бочонках. Окончив все эти приготовления, утомленный, он вытянулся на краю кратера, стараясь побороть охватившее его непреодолимое желание уснуть.

Напрасно искал он, глядя в бинокль, на открывавшемся перед ним необъятном море таинственный миноносец-истребитель – его не было видно. Но ему показалось, что на первых откосах, выдающихся над самым морем, движутся какие-то черные точки. Он следил за ними несколько мгновений и видел, как они исчезли в лесу из кокосовых пальм. Были ли это работники одной из многочисленных плантаций, окаймляющих вулканы большого острова зеленой лентой? Быть может, это матросы, посланные японским контрминоносцем?

Не было ни одного характерного признака, который дал бы ему возможность ответить на один из этих вопросов. Морис вспомнил, что его приятель употребил восемь часов для совершения экскурсии на Килоеа. Поэтому если японцы решили взобраться на откосы и взять в плен «Кэтсберд», то они

вяжутся сюда слишком поздно: спасительный спирт будет доставлен, и аэроплан улетит раньше, чем они доберутся сюда.

Утомленный напряженным в течение двадцати двух, часов вниманием, он не мог надолго сосредоточить свои мысли на одном предмете. Он не подумал также, что если ему удастся улететь и на этот раз, в длинный путь к Сан-Франциско, то он никоим образом не будет в силах управлять аэропланом в продолжение следующих двадцати часов, не уснув у руля.

Для того чтобы побороть сон, он отдался воспоминаниям об Мидуэе.

Что делает теперь Кэт? Накануне он завтракал с нею и Форстером у постели уснувшего коменданта, и им прислуживала старая Оливия. Вели разговор о воздушном путешествии. Она выражала полную надежду и считала несомненным прибытие авиаторов на большой остров Гавайи и среди беседы рассказала молодому человеку слышанную ею от отца историю открытия архипелага капитаном Куком и о его трагической кончине.

Знаменитый мореплаватель высадился на остров Коай 17 января 1778 года, и ему был оказан восторженный прием. Священники признали его древним богом Лано, возвратившимся из длинного путешествия. Все население пало перед ним ниц и принесло в виде жертвы ему и его экипажу множество фруктов и овец.

Но англичане злоупотребили гостеприимными наклоностями населения островов с очень мягкими нравами. Они

вели себя как суровые победители в покоренной стране, обложили туземцев слишком тяжелыми налогами, оскорбляли священников и вождей. И однажды, когда Кук плыл с судами «Резолюция» и «Дискавери» к южному берегу большого острова Гавайи и велел разрушить храм для снабжения экипажа топливом, его окружило возмущенное население и убило ударом копья.

Морис вспомнил, что это историческое событие произошло в бухте Кеалы-Кегуа, совсем близко от вулкана, у которого он находился теперь. Вскоре, когда он поднимется для продолжения своего пути на восток, то увидит пирамиду, воздвигнутую английским правительством на берегу моря в память великого мореплавателя.

Он перевел свой взор от моря к вулкану.

Его прельщал вид огненного озера.

При виде кипевшего озера, выбрасывавшего к небу высокие столбы пламени, он понял, почему невежество и суеверие чаще всего поклонялось огню как самому грозному богу.

Глаза его стали слипаться от долгого взирания на сверкающую поверхность. Иногда более высокие и более яркие снопы лавы вытягивались под влиянием ветра, носились в воздухе и падали длинными, шелковистыми разделенными волокнами темно-золотистого цвета, напоминавшими стекловидную канитель.

– «Волосы богини Пеле», по словам канакской легенды...

Морис вспомнил о золотистых волосах Кэт. Глаза его сли-

пались.

Конечно, сон одолеет его...

Солнце стояло высоко на горизонте, и жара была изнурительной. Он доплелся до группы древесных папоротников, расположенных на некотором расстоянии, опустил под их листьями и погрузился в глубокий сон.

Его разбудил раздавшийся где-то вблизи выстрел. В ту же минуту он услышал голос звавшего его лейтенанта Форстера.

Одним прыжком он вскочил на ноги.

– Арчибальд!

– А! Вот и вы! Я очень волновался, не найдя вас на месте. Я искал вас всюду, до самого подножия скалы, и не знал что думать, опасался какого-нибудь несчастья... сам не знаю чего... Но вы невредимы... Знаете ли вы, что японцы приближаются сюда!..

Они услышали свист, пронесшийся над их головами, и с противоположной стороны кратера, у верхушки высокого утеса, остановилось на окружавших его кустарниках мастикового дерева маленькое синеватое облачко.

– К счастью, – сказал американец, – вам пришла в голову храбрая мысль отделить себя от них кратером. Прежде чем они обойдут нас с востока – в нашем распоряжении будет еще два часа.

– Но, – сказал молодой француз, еще не совсем очнувшийся от сна, – я, кажется, слышал выстрел где-то вблизи...

– Вы не ошиблись, – это стрелял я. – В двадцати метрах

отсюда я был вынужден всадить пулю в лоб одному желтолицему с плантации, не пожелавшему гнать скорее своего мула. Негодяй обдумывал что-то, прислушиваясь к выстрелам. Все желтолицые осведомлены о наступлении японцев и ждали этого давно.

Во время разговора лейтенант, не теряя ни минуты, распоряжался разгрузкой бочонков.

– К счастью, – продолжал он, – двое остальных канаков – честные туземцы, которым я обещал щедрое вознаграждение. Особенно вот этот мастер, указавший мне ближайшую дорогу, огибающую кратер. Если бы не он, я очутился бы у глубокой трещины и потерял бы еще час в поисках прохода. А час... в такое время...

Поместив бочонки за скалами, американец дал канакам понять, что нужно принести сюда пустые фляги, приготовленные инженером.

Это были два прекрасных представителя гавайской расы с бронзовым телом и очень добрыми глазами. Мастер был метисом со смуглой кожей и курчавыми волосами. У всех троих были, согласно местной моде, надеты на шею гирлянды цветов.

– Отведите мулов за скалы, – приказал американец. – Незачем предоставлять их пулям этих японцев... Хорошо, что это моряки, стреляющие, как тюлени, и не установившие еще прицела... Сколько будет отсюда вниз? Тысяча пятьсот – тысяча шестьсот метров... Правда, это расстояние не бла-

гоприятствует отдельным выстрелам...

И действительно, маленькие столбы разбрызганной лавы, указывая на место падения снарядов и сопровождаемые сухим треском, точно от удара кнута, распределялись на расстояние от 200 и 300 метров. Это доказывало, что японские матросы были более опытны в обращении с их национальным оружием – ружьем «арисака».

– Но достаточно одного удачного выстрела, – сказал инженер, – а «Кэтсберд», к сожалению, представляет отличную мишень, и слишком заметную издалека.

– Благодаря аэроплану я только и мог отыскать вас, мой друг. Смотрите, мы уже опорожнили сосуд с маслом, это прекрасное машинное масло и наш плантатор сказал мне, что мы будем очень довольны им... К счастью, я нашел там своего соотечественника... Лишь только он узнал, в чем дело, как тотчас приложил все старания. Он ручается за свой спирт, который очень близок к абсолютной крепости в девяносто восемь градусов. Они вынуждены доводить его до подобной дистилляции для уничтожения известного характерного запаха...

Переливание из бочонков во фляги подвигалось быстро благодаря трем воронкам, которыми плантатор снабдил своего помощника. Когда фляги были наполнены и осторожно закупорены, то авиаторы отнесли их в лодку и тщательно устали за машиной.

– По-видимому, им надоело стрелять по воробьям, – ска-

зал американец, подняв голову и глядя в противоположную от кратера сторону, – они прекратили стрельбу...

– Быть может, это грозит еще большей опасностью, – сказал Морис Рембо. – Можно думать, что, убедившись в недействительности огня, они решили обойти кратер.

– Или, карабкаясь, перейти через Галемаумау... Может быть, пока они стреляли, один из проводников гостиницы присоединился к ним и указал им дорогу. Три четверти прислуги, проводников, лавочников, отдающих внаем квартиры, служащие на островах – исключительно японцы.

– Кто-нибудь был в гостинице при вашем появлении?

– Человек двадцать иностранцев различных национальностей, все очень смущенные и осаждавшие меня вопросами, так как они видели аэроплан и собрались все на балконах, чтобы увидеть его отъезд...

– Вы опасаетесь, что есть дорога для спуска в кратер?

– Я нашел там одну для спуска отсюда... не очень удобную... Я думал, что сверну себе шею, прежде чем проберусь вниз... И если они рассчитывают подняться сюда по ней и напасть на нас...

– В сущности, – говорил он, осматривая находившийся не более как в 20 метрах выход на расселины, – это очень возможно... японцы – настоящие акробаты и это влезание сюда, наверное, не остановит кого-нибудь из японских моряков. Будем торопиться! Наши фляги уже наполнены, за исключением восьми, еще содержащих бензин...

– Выльем его в резервуар... Я буду тогда уверен в удачном ходе мотора в момент подъема...

Когда все было сложено, оказалось, что было употреблено меньше времени, чем было рассчитано. Остался еще один бочонок спирта в 30 галлонов, то есть немного больше 120 литров.

– Нужно взять его с собой, – сказал Морис Рембо. – Позади имеется достаточно места для него и будет легко, когда уровень жидкости в резервуаре понизится, вылить ее из бочонка при помощи резиновой трубки, играющей роль сифона. У нас имеется трубка с делениями в ящике для инструментов. Я выну ее заранее...

– Но это увеличит груз, – возразил американец.

– Нам нужно было четыреста восемьдесят литров для двух тысяч восьмисот километров, – сказал Морис, – а до Сан-Франциско будет три тысячи пятьсот, то есть на семьсот километров больше. Эти сто двадцать литров и составят точно – очень точно – необходимое для этого излишка пути количество спирта.

– Никогда аэроплан не подымет этот излишний вес, – энергично оспаривал лейтенант. – Вы вычислили, что мы можем располагать недовесом в восемьдесят или девяносто килограммов, следовательно, половина этого излишка спирта должна быть оставлена... А если мы не поднимемся?

– Я поднимусь, мой друг, не бойтесь! Но прежде всего нужен достаточный запас механической силы, без чего аэро-

план упадет в море, прежде чем прибудет к месту назначения...

– Вблизи континента мы встретим суда, идущие к Ванкуверу или Акапулько. Быть может, нам посчастливится даже натолкнуться на нашу эскадру...

– Это простое предположение, Арчибальд. Нельзя основывать исполнение нашей миссии на каких-то предположениях. И главное, от чего нужно оградить себя, – это от отсутствия бензина или спирта до прибытия на место. Я думал об этом целые часы, проведенные нами вместе вчера и в последнюю ночь.

– На чем же вы остановитесь?

– Я решил заменить ваш вес спиртом и продолжать мой путь без вас.

Американец привскочил от удивления.

– И не думайте об этом! – сказал он.

– Напротив, – я решил это настолько серьезно, что прошу вас, во имя вашей дружбы и преданности, принести эту неотложную жертву.

– Но это невозможно!..

– Я никогда не решился бы предложить это вам перед отъездом из Мидуэя, но теперь я настолько уверен в моей машине и так хорошо изучил ее, что, без сомнения, справлюсь один.

Арчибальд Форстер не обратил почти никакого внимания на упавшую близ них пулю. Американский офицер был, по-

видимому, поражен удивлением.

– Скажите, – спросил он, кладя руку на плечо своего друга, – как вы думаете соединить на одном аэроплане обязанности шофера и механика?.. Как вы будете ежеминутно переходить с места на место для наблюдения надо всем? Я, взявший на себя только одну из этих обязанностей, чуть не отдал нас на съедение акулам благодаря моей невнимательности. Подумайте, что вы проведете всю ночь и весь следующий день в воздухе... Никогда вам не удастся долететь до цели...

Послышалось шипение точно рассерженного кота, закончившееся сухим стуком, напоминавшим щелчок пальцами по барабану. Вторая пуля пробила левое крыло аэроплана.

Стрелки теперь изловчились. Они, по-видимому, нашли желательный прицел и стреляли старательно и твердо. Очевидно, их было не более двух-трех человек, стрелявших с длинными интервалами.

Куда девались остальные? Оба авиатора были слишком поглощены предстоящей им новой задачей и не думали об этом.

– Я долечу до цели путешествия, мой друг, – повторил энергично француз. – Вы знаете, что одна мысль преобладает во мне над всеми прочими и она поддержит меня всюду! Если я упаду и не вернусь, вы увидите Кэт Гезей... вы скажете ей, что это была моя последняя мысль... Но мы увидимся, потому что мне удастся долететь...

Офицер взял своего друга за руку:

– Подумайте еще, Морис: нельзя ли выбросить из лодки некоторые менее нужные, нежели масло и спирт, предметы, например ящик с инструментами, весящий, по крайней мере, двадцать килограмм?

– Нет, мне может понадобится починка...

– Однако ящик и поплавки, вместе взятые, соответствовали бы весу моего тела, если прибавить к этому немного от остающегося в нашем распоряжении недовеса...

– Поплавки? Нет, мой друг, – они вашей работы, и необходимость их неоспорима... Вспомните, что отсюда до Сан-Франциско...

Морис Рембо замолчал. Мастер схватил офицера за руку, делая ему знак опуститься, и увлек его на край пропасти.

Подойдя сюда, он протянул руку направо и Арчибальд увидел в этом направлении десяток людей, взбиравшихся с ружьем в руке по скалам, унизывавшим углубление кратера. Они нашли, как боялся Арчибальд, трещину в противоположной стене и, быть может, даже приведенные сюда японцем из гостиницы «Вулкан Килоеа» направлялись к расселине, оканчивавшейся близ аэроплана.

Очевидно, они выехали из Гонолулу на преследующем авиаторов миноносце, получив приказ овладеть аэропланом во что бы то ни стало.

Они находились на высоте не более 700 или 800 метров и обходили в эту минуту огненное озеро.

Быть может, остальные, ушедшие вперед и которых не было видно, находились уже в самой расщелине.

Вдали, на другом берегу, продолжалась стрельба, поддерживаемая для виду двумя-тремя моряками. Но около них виднелось множество силуэтов, работников с окрестных плантаций или путешественников из гостиницы «Вулкан», присутствовавших при этой страшной охоте.

Морис Рембо подошел к своему товарищу:

– Вы видите теперь, нельзя терять ни минуты... Притом само Провидение устраивает все как нужно, погрузив меня в восстанавливающий силы сон на пять-шесть часов в то время, как вы не отдыхали ни минуты. Я могу теперь смело летать в продолжение целых суток. Вы поможете мне уехать, перерубив удерживающую веревку, как было сделано в Миудуэ.

– Но... – хотел еще возразить Арчибальд.

– Нет, довольно! Вы обещали повиноваться мне... Я напоминаю вам об этом в критическую минуту...

– Слушаю, – сказал офицер. – Но что мне делать после вашего отъезда?

– Вы отправитесь на север, к тому маленькому порту, мимо которого мы пролетели сегодня утром.

– Гило.

– Да! Вы узнаете там, нет ли на острове станции беспроволочного телеграфа, и если вам посчастливится найти ее, то посылайте в Сан-Франциско телеграмму за телеграммой

для оповещения о критическом положении Мидуэя.

– И о вашем отъезде на восток.

– Согласен.

– Если же станции не окажется там?

– Ждите в Гило или его окрестностях судно вашей эскадры, которое заберет вас мимоходом.

– Сколько риска во всем этом? – задумчиво промолвил офицер. – Увидимся ли мы еще раз, Морис?

– Мы избежали вместе уже столько опасностей, – сказал француз взволнованным голосом, – что я назначаю вам свидание в Мидуэе через восемь дней без всякого колебания.

– Мы теряем время, Морис... Усаживайтесь! Вы видите, желтолицые прекратили стрельбу, они чувствуют, что их товарищи уже здесь, совсем близко... Они думают, что нас успели схватить.

– Я умышленно медлю с отъездом, пока они не доберутся до подножия скалы, вынужденные взбираться на откос, где может пройти сразу только один человек... Я не думаю, чтобы они могли тогда послать мне мимоходом хоть одну пулю...

– Вы правы, но будьте готовы... Они миновали Галемау-мау... через десять минут они будут у подножия утеса...

Неожиданно в нескольких шагах раздался короткий свист.

Это свистел метис. Он явился к обоим белым бегом и указал им пальцем на отверстие в расселине.

– Японец... там, – сказал он по-английски.

В эту минуту показалась голова, покрытая синим беретом, на ленте которого была сделана надпись золотыми буквами.

Это был японский матрос, с широким полосатым воротником, открывающим мускулистую шею желтого цвета.

Его винтовка была на перевязи для того, чтобы свободно располагать обеими руками при опасном взлезании на скалу.

Морис Рембо выхватил револьвер «Смит и Вессон», принадлежавший лейтенанту Спарку, при помощи которого он совершил суд над предателем Кердоком.

Он вспомнил в эту минуту, что не заменил два патрона новыми. И, когда собирался теперь зарядить револьвер, американец положил руку на его плечо и сделал движение, означавшее: «Позвольте мне распорядиться!»

Он быстро подбежал к японцу, выступавшему до половины над площадкой и который не видел его, так как обернулся к канакам.

Когда, опершись в последний раз на руки, японец встал обеими ногами на плиту из лавы, переходившую на расстоянии двух метров в страшный откос в 150 метров – он, прежде всего, взял в руки свою магазинную винтовку, висевшую на перевязи.

Но он не успел этого сделать.

В ту минуту, когда он снимал ремень через голову, у него с силой вырвали оружие и страшным толчком сбросили в пропасть.

Он упал с протянутыми руками, закричав хриплым голосом, ударился на 50 метров ниже об выступавшую на черной стене каменную глыбу, перевернулся и разбился у подножия утеса.

Метис хохотал, показывая все свои зубы. В этом смехе сквозила вся ненависть его к японцам.

Продолжая смеяться, он присел на корточки около расщелины и сделал знак, по-видимому, означавший: «Будьте полностью спокойны, буду караулить... я знаю теперь, что надо делать».

– Усаживайтесь, Морис, – сказал офицер, – нельзя терять ни минуты!

Затем он с полным хладнокровием попробовал затвор так удачно присвоенного ружья.

– Пять патронов в магазине, – сказал он. – Я могу с этим ружьем продержаться в лесу восемь дней, если это понадобится. Что касается вас, мой друг, – прибавил он шутливым тоном, – то я оградил вас от военных действий, которые не были бы одобрены вашим послом. Все к лучшему...

– А вы? – спросил Морис.

– Я сяду верхом на привезшего меня сюда мула, мой друг плантатор подарил бы мне его, если бы был здесь.

– Возьмите эти три коробки с консервами, у меня убавится груз... И не теряйте времени! Мне хочется уехать со спокойной душой за вас!

– Гораздо важнее, если я буду спокоен за вас. Я хочу по-

вернуть рукоятку.

– Начните прикреплять веревку к скале, находящейся позади нас. Я умышленно придвинул туда аппарат и, как в Мидуэе, перерубите канат одним ударом этого топорика.

– Я могу сделать это своим ножом, чтобы не лишать вас этого полезного орудия.

– Нет, нужно перерубить веревку одним ударом. Оставьте у себя топорик, мне он не нужен.

Укрепив канат, Морис Рембо уселся у руля, но вспомнил о прощании и повернул голову.

Та же мысль пришла в голову и лейтенанту Форстеру. И он также повернулся в эту минуту. Оба приятеля бросились друг другу в объятия.

– Не забудете! – сказал француз.

– Нет, ни ее, ни вас! Благодарю вас еще раз за мою родину! Ах! Я забыл! – прибавил он поспешно. – Шестьдесят один градус на Сан-Франциско, шестьдесят один – помните...

– Шестьдесят один градус – буду помнить...

Через минуту, по данному твердым голосом приказу авиатора, «Кэтсберд» спустился при шуме винтов по предварительно очищенному скату из лавы, подталкиваемый своими ракетами, и скользил к огромному отверстию кратера.

Страшное волнение охватило лейтенанта Форстера.

Ведь на 200 метров под ним находилось не море, то есть возможность выплыть после более или менее продолжительного ныряния, а огненная, кипящая лава, вырвавшаяся из

недр земли при температуре от двух до трех тысяч градусов. Лава, в которой аэроплан вместе с авиатором исчезли бы, сгорев и превратившись в продолжение нескольких минут в газообразное состояние.

И, затаив дыхание, согнувшись вперед, американский офицер следил за огромной птицей, распущенный хвост которой спускался к яркому зареву Галемаумау.

Спуск был быстро остановлен: от действия руля «Кэтсберд» грациозно наклонился и взвился к небу. Когда он очутился с противоположной стороны кратера, то находился уже в пятидесяти метрах над покрытой кустарником площадкой.

В то же время можно было видеть, как он наклонился, слегка согнув левое крыло и расправив правое, и парит в пятидесяти метрах на противоположащей гостинице площадке, скрывшись таким образом от любопытных взоров агентства Кука и японских стрелков.

Затем он скрылся за передними откосами, спускавшимися к морю.

– Bravo! – не мог удержаться и воскликнул американец, стоя на краю расщелины.

Когда он повторил свое восклицание, в двух шагах от него, на выступе из лавы, откуда только что был сброшен первый японец, протянулись две стиснутые руки. Это явился второй японец тем же путем.

Американец держал в руке кирку, которой только что пе-

перубил канат, удерживавший аэроплан.

Недолго думая, одним ударом он отрубил одну из показавшихся рук, и вторая рука исчезла среди брызнувшей крови.

Лейтенант следил глазами за этим вторым падением.

Он положил в руку снова звонко хохотавшего метиса десять монет из полученных им в Мидуэе в обильном количестве.

– Это для тебя и твоих товарищей, – сказал он. – Ты скажешь своему хозяину, что наш флот прибудет сюда через восемь дней, и я тогда отошлю ему его мула, если мне не удастся поблагодарить его лично. Теперь уходите сейчас же!.. Теперь им нет смысла подниматься сюда, раз аэроплан улетел.

И когда мастер помог ему усесться верхом, он сказал, повернувшись к снежной вершине Мауна-Лоа:

– У меня есть припасы, хорошее ружье и восемь дней отдыха... Я задамся целью подняться на эти тринадцать тысяч восьмьсот футов... Будет чем поделиться в нашем клубе, когда я вернусь в Окленд...

Когда он отъехал до группы магнолий, скрывавших его от кратера, он остановился, закурил папиросу и с наслаждением втягивал первые клубы ее дыма. Целые сутки он был лишен этого любимого времяпрепровождения, так как зажечь спичку в двух шагах от запаса бензина было бы таким же преступлением для авиатора, как и для аэронавта, находящегося около массы водорода.

Он очутился на холме, откуда открывался вид на обширные равнины Тихого океана, и ему казалось, что он видит вдали, очень далеко на поверхности океана, маленький парус рыболова.

От высокого места, на котором он стоял, аэроплан представлялся маленьким парусным судном, скользящим на поверхности волн.

«Два часа... – думал он. – При такой скорости завтра в полдень он увидит этот час на циферблате башенных часов Сан-Франциско. Какие храбрецы и бесстрашные люди эти французы, когда возьмутся за что-нибудь!»

Глава 13

Один среди ночи

Спустилась ночь. Морис Рембо был один среди необъятного пространства. До самого материка Америки не было ни одного острова, ни одного утеса, ни одной скалы, где можно было бы спуститься при непредвиденной случайности.

Его жизнь находилась в тесной зависимости от этой хрупкой машины, настолько сложной, что достаточно остановки одной из ее частей, поломки одного поршня, недостаточной смазки одного цилиндра – и ход аэроплана будет замедлен, а затем он остановится над морской пучиной.

Морис чувствовал, как его охватывал ужас. Преисполненная героизма душа влекла его до сих пор к деятельной жизни, которая и служила для него неиссякаемым источником постоянно нарастающей энергии.

А теперь, в одну минуту, его прославленное человеколюбие было побеждено страхом, возникшим среди мрака и тишины. Ему казалось, что он носится на крыльях галлюцинации над неизвестной бездной.

В продолжение нескольких секунд душа его была погружена в какой-то мрак: вокруг него, над ним была пустыня океана и бесконечное небо. Влекомый неизведанной пучиной, он летел в темной и глубокой синеве опускавшейся но-

чи.

Расстилавшееся у его ног темное пространство черных волн, казалось, минутами вздымалось, тянулось к нему для того, чтобы схватить его в свои последние и смертельные объятия...

Но с новым приливом энергии жених Кэт отогнал эти мрачные видения.

Небесный свод сверкал, и гладкая как зеркало поверхность моря отражала его ночной блеск. Позади него попутный пассатный ветер поддувал под крылья аэроплана. Мысль обо всех благоприятных условиях, способствовавших этому беспримерному предприятию, ободрила его.

Это необычайное путешествие, время которого он совершенно не мог предвидеть, по особенно счастливой случайности совпало с периодом такого безветрия. Малейший встречный ветер замедлил бы его ход и потребовал бы больших усилий. Таким образом, его запас спирта оказался бы недостаточным, между тем как было захвачено наибольшее количество его, даже ценою лишения себя дорогого товарища. Боковой ветер заставил бы его постоянно поддерживать искривление плоскостей, а изменчивый, еще более не благоприятствующий полету ветер вынудил бы его неизменно поддерживать при помощи рулей и крыльев постоянно нарушаемое равновесие.

Его способности как человека-птицы были еще слишком слабы для того, чтобы он мог, наподобие скользящего над са-

мыми водами и насмехающегося над бурей альбатроса, сейчас же сделать движение, необходимое для противодействия внезапному порыву ветра.

Среди глубокой тишины июльского вечера ему, наоборот, пришлось лететь попутным ветром, заботясь только о правильном направлении.

– Шестьдесят один градус! – крикнул ему перед отъездом лейтенант Форстер.

И когда солнце село позади него, он убедился по тени, отбрасываемой аэропланом на море, в правильности своего хода. Эта тень образовала с направлением аэроплана дополнительный угол в 30° к 180° , который легко было определить даже простым глазом, так как он составлял одну треть прямого угла.

Но инженер не довольствовался этим, очевидно недостаточным, приблизительным расчетом.

Время от времени он разглядывал циферблат компаса, помещенного перед ним его другом Форстером, и следил за углом своего пути. Установив свой руль вертикально к нулю, ему не нужно было часто прибегать к наблюдению для того, чтобы убедиться в верности своей ориентировки: еще в начале путешествия морской офицер заметил, что траектория «Кэтсберда» по своей точности была равномерна полету стрелы.

Самым важным для авиатора было не уклоняться от линии, ведущей к Сан-Франциско, так как всякое уклонение

на север или юг от этого направления удлиняло бы путь.

Уклонившись на 20° к северу, авиатор прилетел бы в Ванкувер, в Канаде. На 20° южнее – он натолкнулся бы на полуостров Калифорнию.

Морис Рембо беспокоился в начале второго полета насчет правильного действия своего карбюратора. Он переменял в отсутствие своего друга поплавки с целью способствовать карбюрации с помощью спирта, и можно было опасаться, что при подъеме ход машины не будет вполне правилен вследствие первоначального расходования остававшегося в резервуаре бензина.

Но ничего подобного не произошло.

Успехи, достигнутые машиностроением, довели газовые двигатели до совершенства в смысле гибкости наряду с мощностью.

И когда в шесть часов вечера бензин был заменен спиртом, этот переход совершенно не отразился на ходе машины: поршни продолжали равномерно стучать среди невозмутимой тишины безбрежного океана.

Морис Рембо, успокоившись, стал наполнять при помощи сифона резервуар, стараясь при этом, прежде всего, опорожнить бочонок, помещенный на груде баклаг.

Он приготовил перед отъездом необходимую для переливания каучуковую трубку и откупорил бочонок.

Опустив конец трубки в бочонок, он втянул в себя немного жидкости. Он поморщился, когда невольно проглотил

немного чистого спирта, в сравнении с которым тридцатишестиградусное вино не более как детский напиток. Он опустил таким образом «оттянутую» трубку в находившееся под сиденьем его товарища отверстие резервуара.

Различие уровня жидкости в обоих сосудах довершило остальное, приводя в действие сифон.

Разрешив таким образом мучительный вопрос о наполнении резервуара на несколько часов, Морис Рембо отдался на некоторое время своим мечтам. Глаза его были устремлены на стебель цикламена, успевший засохнуть под влиянием лучей экваториального солнца, ветра, развиваемого быстрым движением аэроплана и высокой температуры вулкана.

Странная прихоть судьбы!

Молодой инженер с отважной душой, обожающий путешествия и дорожащий своей свободой, много раз давал себе слово не жениться... Он не хотел лишать себя столь дорогой для него свободы, которая больше всего нужна была для его будущих открытий в области авиации.

И вот случилось иначе – в первое же путешествие он встретил ту, которая овладела им навсегда и в то же время благодаря ей ему удастся побить небывалый рекорд, в виде самого удивительного путешествия!

О если бы только ему удалось долететь!

И сердце его билось ускоренным темпом, грудь высоко вздымалась, и он открывал распределяющий газ клапан во всю ширину. Винты совершенно не были заметны вслед-

ствие быстрого движения их, и аэроплан летел с еще необычайной до сих пор скоростью.

При наступлении ночи, когда, как известно, карбюрация происходит успешней всего, «Кэтсберд», вероятно, достигнет 200 километров в час.

В эту минуту авиатор увидел первое судно, встреченное им со времени отъезда.

Это был огромный пароход с тремя длинными мачтами, который – странное дело! – по-видимому, стоял на якоре, так как неподвижную зеркальную поверхность океана не прорезала ни одна струя, и отсутствие какой-либо полосы дыма показывало, что пароход не движется.

Было половина девятого вечера.

Аэроплан пролетел в нескольких кабельтовых позади неподвижного судна на высоте клотика его мачт, и удивление пассажиров было, вероятно, очень велико, когда эта огромная, шумливая и суровая птица, так сказать, ринулась на них.

Инженеру было очень приятно смотреть на пакетбот, так как он сделал более трех тысяч километров, не встретив ни одного судна, кроме японских.

Во всем мире стало известно о нападении японцев, и отсутствие судов показывало, что неизвестно было о захвате Сандвичевых островов японцами. Каким образом можно было узнать, что один из островов еще не сдался и что после Гонолулу этот именно остров имел самое важное значение

для американской эскадры, как склад угля?

Но об этом узнает американское правительство, если только крылатый посол, прорезывающий в этот момент ночной мрак, продержится еще двенадцать часов над Тихим океаном.

Когда он пролетел над пакетботом, внимание авиатора было привлечено некоторыми его особенностями. Как это часто бывает при очень быстрых впечатлениях, эти особенности мимолетно отразились в его мозгу, не возбудив никакой мысли. Но когда явление становится более продолжительным, то оно наталкивает на мысли.

Прежде всего на этом судне бросались в глаза такие столбы для беспроволочного телеграфа, каких инженер еще никогда не видел.

Он пролетел довольно близко для того, чтобы, несмотря на поздний час, разглядеть, что у каждой из трех мачт находилась перекладина, наклоненная над углом $30-40^\circ$ и многочисленные проволоки были натянуты впереди и позади пакетбота в виде сети, производившей впечатление огромной паутины.

Затем, несмотря на равномерный стук мотора на аэроплане, Морис Рембо слышал какой-то странный шум, точно воздух прорезали удары кнута.

На судне не видно было никакого флага, ни огня, являющегося признаком боевого судна. Ко всем этим характерным отличиям присоединялась еще неподвижность.

Не был ли это сторожевой пост, потрясенный японцами для предупреждения о прибытии американской эскадры при помощи беспроволочного телеграфа?

Инженер нашел ответ на волновавший его вопрос только после спуска на землю. Когда совершенно стемнело, Морис Рембо, как и в прошедшую ночь, поднял «Кэтсберд» на сто метров над поверхностью воды. Он поступил так не только для того, чтобы не рисковать собой при всяком неосмотрительном повороте руля глубины, но и чтобы увидеть еще издали огни эскадры, если американский флот случайно находится на пути в Гонолулу.

На небе загорелись звезды, и молодой француз тотчас отыскал Полярную звезду, так как Сандвичевы острова находятся в Северном полушарии. Он увидел ее довольно низко на горизонте, потому что находился на 25° северной широты.

Будучи теперь уверен в правильности направления, он пустил мотор полным ходом.

Для того чтобы описать все, что было пережито в эту длинную ночь, понадобилось бы много страниц.

Среди окружавшего его бесконечного одиночества молодой француз переживал тяжелые минуты душевного волнения, несмотря на веру в аппарат, давший ему твердые доказательства своего правильного устройства, и несмотря на энергию, удесяттеренную многочисленными подъемами на дирижабле.

Этот полет среди ночного мрака, и пяти тысячах лье от суши действительно являлся одним из самых необычайных предприятий, на которые когда-либо рискнула человеческая отвага.

Дважды он чувствовал упадок сил.

В первый раз его поддержала мысль о Кэт; во второй раз ему придало сил сознание, что выполнение взятого на себя долга осенит его родину громкой славой, и вся Франция будет в восторге от этого самоотверженного поступка.

В учебниках истории пишут, что когда-то Лафайет и Рошамбо в сопровождении нескольких отважных французов полетели на помощь молодой Америке, боровшейся за свою независимость. Теперь напишут, что француз пролетел, в полном смысле этого слова, 5800 километров для того, чтобы передать великой Америке крик отчаяния одной из ее крепостей.

И, поборов еще раз всякую усталость, молодой человек собрался с силами и старался отвлечь свои мысли от ужасов, внушаемых ему ночной темнотой.

Ежеминутно проверяя при помощи электрической лампы уровень спирта и масла в соответствующих трубах и не ожидая его понижения, он наполнял резервуары, смазывал, приводил в действие передаточные механизмы крыльев, проверял направление. В десять часов он выбросил в море пустой бочонок.

Затем он заставил себя съесть что-нибудь, несмотря на то,

что у него не было никакого аппетита. Холодный кофе ободрил его, и он продолжал его пить маленькими глотками в продолжение всей ночи.

Для того чтобы свободно передвигаться с места на место для совершения необходимых перестановок, он основательно прикрепил свой руль посредством веревки к одной из стальных подпорок, соединявших оба крыла. Таким образом руль глубины был приведен в неподвижность, то есть остался в неизменном положении, а это было возможно только при полете над неизменной водной поверхностью, и Морис Рембо мог свободно передвигаться с места на место и следить за всем.

Прежде он передвигался с самыми большими предосторожностями из страха согнуть крылья и вследствие перемещения центра тяжести подвергнуть аппарат опасности нарушения равновесия.

Но скоро он убедился, что быстрота передвижения ежеминутно восстанавливала это равновесие, подобно тому, как снаряд, пущенный со скоростью 900 метров в секунду, сохраняет свое прямолинейное направление при полете благодаря быстроте вращательного движения, вызываемого нарезками.

И время уходило среди таинственной незабвенной ночи при бледном колеблющемся свете убывающей луны, при беспрерывных ударах поршней и монотонном шуме взрывов газа.

Около двух часов, под утро, на севере показались огни, но авиатор не мог точно определить направление, по которому следовали замеченные им суда. Позже показались далеко на юге другие суда, и инженер подумал: «Не принадлежат ли они американской эскадре?»

Согласно предположениям, установившимся в Мидуэе, флот должен был пройти мимо залива Магдалины – последней станции перед Оклендом.

Но предуведомленный телеграммами, приходившими со всех сторон, флот, быть может, сделал запас угля в этом заливе и направился прямо к Гонолулу, минуя Окленд и Сан-Франциско.

Это было не более как предположение, родившееся в мозгу Мориса Рембо, и это предположение было бы разрушено, если бы он мог рассмотреть карту, так как на самом деле эскадра должна была пройти южнее, и он не увидел бы ее.

Огни исчезли. Луна скрылась, и немного правее поверхность моря, до сих пор сливавшаяся с черным небом, мало-помалу отделилась от него перламутровым отблеском.

Вскоре этот опаловый отблеск молочного цвета окрасился в красный цвет.

Светало.

По мере того как горизонт загорался, молодой человек становился спокойнее: к нему снова возвращалась прежняя вера.

Вот такой страх внушает человеческой душе неизведан-

ный и таинственный мрак, и как могуче влияние на нее света, составляющего жизнь и силу Вселенной!..

Сначала он летел над более посещаемыми местами. Вдали показались суда, парусные суда, напоминающие морских чаек, пароходы, от которых виднелись одни трубы и тянувшиеся за ними сероватые полосы дыма.

Сколько километров он преодолел? Сколько еще оставалось преодолеть?

Морис Рембо вынул часы: было четыре часа утра. Он летел 14 часов и каким ходом! Никакое вычисление, никакая точка опоры не могла дать какое-нибудь представление об этой скорости.

Неужели он находился еще в 600 или 1000 километрах от Сан-Франциско? У него не было никакой возможности остановиться на одном из этих столь различных чисел. Но у него было одно только средство, позволявшее приблизительно вычислить это расстояние: это количество оставшегося спирта. И он пересчитал пустые баклаги.

Когда он окончил подсчет, крупные капли пота выступили на лбу.

Оставалось не более восьми баклаг, то есть всего 80 литров спирта.

При таком количестве спирта можно было пролететь еще не более 400–500 километров.

Но не может быть, чтобы осталось менее 800 километров, так как аэроплан не мог сделать в течение 14 часов более

2600 километров, а весь путь был длиной в 3400 километров.

И это, если допустить, что он строго держался прямой линии.

И так, «Кэтсберду» было суждено опуститься на 300–400 километров раньше, чем он достигнет материка, то есть даже прежде, чем он увидит землю.

Можно надеяться, что его подберет какое-нибудь судно, так как это место Тихого океана сравнительно часто посещается судами. Но сколько времени придется потерять в ожидании судна и для того, чтобы затем добраться на нем до Сан-Франциско!

Притом надо было еще предположить, что это спасительное судно будет непременно американское и поспешит сделать поворот в случае надобности, для того чтобы довести до цели путешествия потерпевшего крушение авиатора.

Так как у него осталось достаточно двигательной силы для того, чтобы продержаться в воздухе еще три часа, то Морис Рембо решил с этого момента искать пакетбот с американским флагом, который взял бы его из воды.

Но среди этих мыслей всегда преобладала одна: если ему попадется навстречу несколько судов, то можно надеяться найти на одном из них беспроволочный телеграф.

Таким образом, его миссия была бы выполнена скоро, хотя и не так точно, как он сделал бы это, изложив лично положение Мидуэя, но достаточно быстро и ясно для того, что-

бы адмирал Гопкинс мог немедленно отправить в маленькую крепость самые быстроходные крейсера.

Чтобы выиграть немного времени, Морис Рембо уменьшил приток карбюрованного газа в цилиндры и скорость уменьшилась.

Глядя на стеклянную трубку, указывавшую уровень спирта, он заметил, что этот уровень понижается несравненно медленнее, чем в предыдущие часы, и он вспомнил наблюдения, сделанные над расходом угля во время опытов на быстроходных крейсерах.

Один и тот же крейсер требует сто тонн угля в день, делая 20 узлов, и потребует 130 тонн для 22 узлов и 300 тонн для 26 узлов.

Одним словом, дойдя до известной границы, приходится для достижения незначительного излишка скорости, расходовать количество топлива, совершенно несоответствующее достигнутому результату.

Достигнув этого предела, делают один узел, только удвоив количество расходуемого топлива.

Авиатор, вероятно, совершил такую же ошибку в продолжение прошедшей ночи. Он открыл полный доступ карбюрованного газа в камеры, и этот чудный двигатель, требовавший так мало при средней скорости, стал поглощать огромное количество спирта.

Быть может, он достиг скорости в 200 километров в час, но ему пришлось израсходовать четвертую часть своего за-

паса для того, чтобы сделать 30 километров из 400.

Он израсходовал третью часть горючего для того, чтобы выиграть десятую часть, и вот почему он теперь не дойдет до цели путешествия.

Морису Рембо было хорошо известно это условие. И как он мог совершить такую капитальную ошибку?

Погруженный в эти мысли молодой человек всматривался в горизонт и, увидев на нем полосу дыма, стал следить. Судно, казалось, росло и быстро увеличивалось, но молодой инженер не был достаточно знаком с внешним видом судов и, только подойдя на близкое расстояние, узнал в этом тяжелом и пузатом судне нагруженный угольщик. Он заметил, что судовая команда делает ему знаки, видел, как опустили на море шлюпку, как бы готовясь забрать его.

Но это не была долгожданная спасательная лодка. Посмотрев направо, куда лежал путь и бросив взгляд на компас, он пролетел мимо, махнув рукой.

Немного спустя показались два других судна. Одно из них представляло собой парусное судно, и «Кэтсберд» не приблизился к нему, на втором – развевался флаг Венесуэлы. Так как Соединенные Штаты находились в натянутых отношениях с родиной экс-президента Кастро, то просить помощи у тамошних моряков – значило бы подвергнуть себя явной опасности.

Морис Рембо догадался и пролетел мимо.

Но затем с ним произошло то, что описал Лафонтен в бас-

не о цапле, пренебрегавшей карлами, линиями и пескарями и вынужденной в конце концов довольствоваться улиткой.

После встречи с иностранным судном инженер сделал более ста километров, не встретив никого, и начинал серьезно беспокоиться, выливая в резервуар содержимое из последних баклаг. Но в это время с правой стороны новая полоса дыма покрыла горизонт.

Было около восьми часов утра, когда аэроплан приблизился к нему.

Это был большой пароход с развевающимся на нем американским флагом. Молодой человек заметил на верхушке большой мачты наклоненный костыль, означавший, что на судне устроен беспроволочный телеграф. На этот раз не могло быть никаких колебаний.

Пролетая над судном, он описал полукруг, снова вернулся к нему, давая знать, что желает быть принятым на судно.

Он прочитал на корме написанное золотыми буквами: «Фултон».

Было бы безумием пробовать спуститься на пароход, хотя его задняя палуба была совершенно открыта. Аэроплан наверняка заденет своими крыльями мачту, трубу или какую-нибудь часть обшивной доски.

Нечего было думать объясняться на словах, так как аэроплан, хотя и замедлил значительно свой ход, все-таки делал до 50 километров в час.

Инженер описал второй круг, максимально приблизив-

шись к водной поверхности. Это движение было легче всего понять, и он был в самом деле понят.

Спустя несколько минут пароход остановился, и авиатор, к своему удовольствию, увидел, как спустили лодку и, управляемая тремя матросами, она направилась к нему. Когда аэроплан находился не более как в 50 метрах от лодки, Морис Рембо сделал легкое движение рулем глубины и очутился на уровне воды. В то же время он прекратил зажигание и «Кэтсберд», грациозно качаясь на своих поплавках, подошел совсем близко к лодке.

Спуск был удивительно хорош.

С парохода, где столпилась вся команда, присутствовавшая при спасении авиатора, раздались неистовые аплодисменты. С левого борта уже выдвигался сложный блок (тали), с которого спускалась цепь, предназначенная для взятия большой птицы, вызывавшей неопишемое любопытство всех присутствовавших.

Вдруг Морису Рембо показалось, что он погружается в воду.

Твердо надеясь на свои поплавки, он не спешил переходить в лодку, хотя было очень легко пересесть, так как два матроса подтянули «Кэтсберд» к себе при помощи багров.

Он огляделся – действительно, аэроплан погружался в воду.

Молодой человек быстро взошел в лодку – ноги его были уже промочены. Он заметил, что поплавки почти совершен-

но покрылись водой. Вода залила дно лодки и пустые фляги уносились во все стороны течением.

Еще несколько минут – и будет затоплена машина.

Цилиндры, еще недавно двигавшиеся с полной скоростью в течение многих часов, были раскалены. Лишь только вода коснется их, многие из них лопнут при соприкосновении с холодной водой и аэроплан будет выведен из строя.

Инженер тотчас понял снова грозившую ему опасность.

Его крики, объяснения надоумили матросов в лодке: они поддерживали аэроплан своими баграми довольно долго, чтобы дать время провести через его верхнюю оковку цепь с выступавшего у левого борта блока.

Через несколько минут «Кэтсберд», поднятый на этой цепи паровой лебедкой, очутился на высоте палубы.

Увидев свой аппарат в безопасности, Морис Рембо ступил на борт парохода.

Здесь его ждал с протянутыми руками высокий, сухой, безбородый человек лет пятидесяти, в шапочке с широким галуном, покрытым золотой вышивкой.

– Командир Хоу на «Фултоне».

– Морис Рембо, французский инженер.

– Французский! Но откуда вы прибыли?

И указывая на запад, американский офицер, по-видимому, хотел сказать: «Там – безбрежное пространство! Откуда же вы? Где вы отдыхали?»

Глубокая тишина воцарилась на пароходе. Все ожидали

ответа с таким же интересом, как древние греки пророчеств дельфийской пифии.

– Я прибыл с Гавайского архипелага, – сказал просто молодой человек, – даже еще дальше, с острова Мидуэй.

– С острова Мидуэй! – воскликнул американец. – Но ведь оттуда до этого места три тысячи миль!..

На всех лицах отразилось изумление.

– Да, верно, три тысячи миль... и это расстояние сделал мой аэроплан...

– В таком случае, – воскликнул командир «Фултона», – Мидуэй, наш огромный склад угля, не сдался!

– Третьего дня утром, когда я его оставил, он еще не сдался!

– Третьего дня утром... Вы долетели сюда в два дня!..

И командир Хоу провел рукой по лбу, точно желая убедиться, что он не стал предметом мистификации.

– Я употребил бы на это еще меньше времени, если бы не был вынужден возобновить запас спирта для моего мотора на острове Гавайи. Что касается Мидуэя, то он может продержаться еще от десяти до двенадцати дней, и я предпринял это путешествие по единственному еще свободному для нас пути – по воздуху – для того, чтобы сообщить об этом вашим соотечественникам.

– И вы совершили это... вы, не будучи американцем...

Это характерное замечание англосакса выражало высшую степень удивления.

Крепким и продолжительным пожатием рук молодого инженера старый офицер выразил свой горячий восторг, разделяемый всеми присутствовавшими.

Из всех вопросов, теснившихся в этих головах, только один остался неразрешенным: отчего же именно француз взялся и выполнил эту необычайную миссию?

Правда, Франция опередила все народы в области воздухоплавания и именно там осуществлены смелые опыты и громкие вызовы. Но какое неизвестное событие привело француза сюда, в эти области Тихого океана, где очень редко появляется французский флаг?

Какой это аппарат, о перевозке которого в Мидуэй не было упомянуто ни в одном журнале?

Трудно себе представить, чтобы человек мог пролететь подобное пространство без остановки, один, днем и ночью!..

И Морис Рембо должен был в кратких словах рассказать этим жадно слушавшим его людям историю возникновения «Кэтсберда» при помощи средств и рабочих рук, имевшихся в крепости, и его отъезда из Мидуэя с товарищем, также спасшимся с «Макензи»! Затем он передал о своем перелете над занятым японцами Гонолулу, о своей остановке на несколько часов на склоне Килоеа и последнем полете в Сан-Франциско, прерванном вследствие недостатка спирта.

Только слушавшие Мориса Рембо не узнали и не должны были узнать до конца о движущей силе, толкавшей его на целый ряд отважных поступков.

Но они и не старались узнать об этом. Увлеченные полным благородной простоты рассказом, они могли выразить свое восторженное удивление только в одном возгласе:

– Да здравствует Франция! Да здравствует Франция!

И на несколько мгновений люди всех рангов объединились в общем восторге.

Со всех сторон к молодому человеку протягивались руки и пожимали его руки до боли. Простые матросы стремились хотя бы только прикоснуться к нему. Механики, грузчики угля поднялись из глубины топок, чтобы взглянуть на него, и скоро вокруг продолжавшего висеть на блоке «Кэтсберда» образовался кружок все приближавшийся и уже прикасавшийся к нему.

Тогда Морис Рембо бросился к своей птице.

Он знал скверную привычку представителей англосаксонской расы, родоначальницы Куков-победителей, истребителей благоговейно оберегаемых развалин.

Он, лотарингец древнего рода, вспомнил, что при посещении домика Жанны д'Арк в Домреми он видел, как англичане в бедной комнатке, где спала и мечтала героиня, отламывали куски досок, обломки пола.

Стоило только одному исступленному матросу с «Фултона» решиться отрезать часть крыла «Кэтсберда» на память об этом неслыханном подвиге – и «Птица Кэт» была бы в одно мгновение растерзана.

Командир Хоу понял беспокойство авиатора и велел рас-

ширить круг.

Морис Рембо попросил распорядившегося во время спасения авиатора старшего офицера на пароходе приказать поднять аэроплан так высоко, чтобы можно было увидеть, в каком положении находятся поплавки.

Когда эта просьба была исполнена, инженер провел рукой по прорезиненной поверхности и легко убедился, что под каждым из них, в его цилиндрической части, предназначенной для соприкосновения с водой в случае падения, был сделан длинный разрез.

Этот разрез был сделан очень острым лезвием для того, чтобы он не был замечен. С уст инженера тотчас сорвалось восклицание:

– Ах, разбойник!

Кердок в самом деле предусмотрел все случайности.

Он хотел не только привести в бездействие мотор, но и лишить еще аэроплан способности плавать после неизбежного падения.

Несмотря на проявленное до сих пор мужество, Морис Рембо не мог теперь подавить страшного волнения.

Итак, он уехал вполне уверенный в способности аэроплана держаться на поверхности воды, и если бы, к несчастью, ему вздумалось опуститься на воду, далеко от всякой помощи, поплавки быстро наполнились бы водой и аэроплан погрузился бы на дно в несколько минут. Авиатор очутился бы один среди волн, без всяких спасательных средств и стал бы

неизбежной жертвой акул.

Но он недолго предавался этим тяжелым размышлениям.

И возвращаясь к не оставлявшей его все время мысли, он спросил:

– Какое расстояние отсюда до Сан-Франциско?

– Четыреста пятьдесят миль.

– Это пустыки для вашего беспроволочного телеграфа, командир... Нужно сейчас же телеграфировать...

Командир сделал движение, означавшее его бессилие в этом вопросе.

– Невозможно!

– Почему, – спросил молодой француз, глядя на прикрепленную к большой мачте перекладину. – У вас все имеется... Разве телеграф испорчен?

– Нет, он действует... Но за последние два дня после нашего отъезда из Сан-Франциско вместо ответа нам дают знать, что там ничего не понимают из наших сообщений...

– Это странно... А вы понимаете их сообщения?

– Нет, но условный знак «ошибка», обозначаемый известным числом точек, постоянно доходит до нас. Мы и не стараемся теперь передавать что-либо по телеграфу, так как убеждены в существовании совершенно неизвестной нам причины нарушения правильности телеграфного сообщения.

Этот разговор происходил на палубе при окружавших авиатора офицерах, между тем как команда, собравшись вокруг аэроплана, была поглощена самыми оживленными рас-

суждениями.

«Фултон» представлял собой судно последнего образца, предназначенное для прокладки кабеля. С этого парохода недавно был проложен панамский кабель у островов Гальпаго, расположенных в 250 милях от канала. Таким образом, эти острова приобрели для Соединенных Штатов очень важное стратегическое значение.

После своего возвращения в Окленд командир Хоу узнал о грозящей войне с Японией, так как внезапно было прервано всякое сообщение с Гавайскими островами, и он получил приказ готовиться к поездке в Гонолулу, эскортируемый пятью бронированными крейсерами, представляющими в данную минуту весь состав американского флота в Тихом океане.

Затем этот приказ был отменен. Адмиралтейство воспротивилось тому, что губернатор Калифорнии посылал эти суда в путь, где они могли быть лишены возможности возобновить запасы, и решено было ожидать возвращения флота в Сан-Франциско к 15 июня.

В ожидании его нужно было подготовить известное число угольщиков и ввиду их медленного хода отправить их вперед по направлению к западу. Эскадра же, уверенная, что нагонит их на своем пути, отправится к Гонолулу.

Но и это решение было позже отменено, так как по беспроволочному телеграфу дали знать с Таити, что Гонолулу находится в руках японцев.

В настоящий момент все жители Америки были охвачены невероятным волнением.

Многие закусили удила и утверждали, что флот Соединенных Штатов должен идти навстречу желтолицым.

Но большинство было благоразумнее и сознавало, что эскадра значительно слабее в сравнении с флотом противника, снабженным углем и владеющим теперь портом Гонолулу, где могут укрыться его выведенные из строя суда.

Если Америка найдет там свою Цусиму, то это будет неслыханное торжество до сих пор презираемой желтой расы.

Это будет конец мечты об империализме и упадок Соединенных Штатов на 50 лет.

Когда ему стало известным положение, которое было еще предугадано в Мидуэе, инженер спросил командира «Фултона», на что он рассчитывает, отправляясь один навстречу японскому флоту?

Американец был высокого роста, худой, с гладким лицом, тонкими губами и медленной, размеренной речью.

– Я совершаю не более как рекогносцировку, – ответил он. – Вследствие своего специального назначения мое судно обладает очень ограниченной скоростью. Но его большое преимущество состоит в огромных угольных ямах, и оно может совершать рейсы взад и вперед, не возобновляя запасов угля. Я рассчитывал добраться до Гило, еще, быть может, не занятого японцами, и оттуда передать какие-нибудь вести с

других островов.

– Это очень рискованно, командир, для невооруженного судна.

– Я знаю... Но так как кабель Тихого океана доходит до Гило, то я могу в этом месте найти прямое сообщение с Сан-Франциско по беспроволочному телеграфу, так таинственно перерезанному японцами. Если же кабель перерезан и в Гило, то бросив якорь, у меня найдутся необходимые аппараты для того, чтобы вытащить кабель из воды на некотором расстоянии от берега и тотчас воспользоваться им.

– Но я доставил и вам необходимые сведения, – сказал молодой француз. – Это все, что было двадцать четыре часа тому назад, и мне кажется, что эти известия таковы, что должны повлиять на изменение ваших планов...

Командир «Фултона» сжал свои тонкие губы.

– Мне остается только одно, – сказал он, – повернуть к Сан-Франциско и доставить туда, вместе с вашей особой и аэропланом, радостную весть о сопротивлении Мидуэя.

– Сколько времени вам понадобится для этого?

– Тридцать шесть часов при условии не терять ни минуты.

– Тридцать шесть часов! – повторил молодой человек, и на лбу его появилась складка, выразившая беспокойство. – Это слишком долгий срок!

И он мысленно перенесся в Мидуэй, где, быть может, бомбардировка усилилась и где Кэт молится у постели умирающего.

– Я отлично знаю, что вы, мой молодой товарищ, добрались бы туда через три часа, – возразил командир «Фултона», – и что вы прибыли бы именно в тот момент, когда наша эскадра огибала бы мол. Но вы должны покориться и остаться нашим гостем до Сан-Франциско.

Мориса Рембо охватило невыразимое волнение.

Он хорошо знал, что каждый потерянный час мог повлечь за собой гибель крепости, на которую желтолицыцы бросятся с тем большим ожесточением, потому что знают об отъезде аэроплана на материк и о поручении, которое он должен исполнить.

Навесной огонь, направленный на башенки, разрушит их, а когда будут уничтожены большие орудия, суда подойдут к берегу и наверняка найдут в стене точку, куда направят свои выстрелы для того, чтобы пробить брешь.

Если они высадятся на берег разбитой крепости, слабый гарнизон не будет в силах долго сопротивляться, особенно лишенный поддержки со стороны непоколебимо строгого майора Гезея. Молодой француз старался не думать о том, что будет с Кэт в ужасный момент взятия крепости приступом.

«Фултон», не теряя времени, повернул к Сан-Франциско.

И хотя Морис Рембо меньше всего заботился о своем питании со времени отправления из Мидуэя, теперь он еле прикоснулся к поданному ему завтраку и рассеянно отвечал на предлагаемые ему офицерами судна оживленные вопросы.

Все его мысли были сосредоточены на одном: если помощь прибудет на несколько часов позже, то это может быть причиной взятия Мидуэя и смерти любимой девушки. Он был уверен в этом, когда отдал ей кинжал. У нее не будет другого выхода, кроме смерти, для того чтобы избежать дикой расправы победителей. Почему военный устав неумолим по отношению к командиру, сдающему военный пункт, не совершив для его защиты всего, что требуют долг и честь? Потому, говорит Наполеон I, что защита крепости, продолженная еще на один только час, может, продержав под своими стенами часть неприятельского войска, способствовать изменению судьбы целой страны.

В военное время один час может иметь решающее значение.

А он, Морис, вынужден потратить тридцать шесть часов и медленно плыть по поверхности Тихого океана, когда он мог бы выгадать тридцать часов и более, пролетев это пространство на аэроплане.

После восторженной встречи, оказанной ему офицерами «Фултона», он отозвал в сторону командира Хоу и высказал ему свое намерение улететь.

«Кэтсберд» был невредим.

Его крылья совершенно не были промочены и тяжесть их не увеличилась от воды. Только стабилизатор и руль направления были еще мокры и увеличивали вес, который можно облегчить, уменьшив запас спирта, ввиду небольшого рас-

стояния до Сан-Франциско.

– Бензин у вас есть, командир? – спросил молодой человек.

– Сколько угодно! Все наши вспомогательные машины с генераторами.

Успокоенный на этот счет инженер продолжал излагать свой план.

Вес аэроплана будет еще уменьшен уничтожением бесполезных теперь поплавков, и при этих условиях...

Но тут слова молодого человека были прерваны командиром «Фултона»:

– Как? Снять поплавки? Вы не обдумали, дорогой инженер... Я буду себя упрекать всю жизнь, если допущу это...

– Но... они в таком виде, что...

– Известно ли вам, что «Фултон» потому только, что на нем лежит обязанность установки и исправления подводных кабелей, снабжен инструментами для исполнения всех работ, связанных с гуттаперчей и каучуком, ибо это главные элементы, служащие для покрытия и изоляции кабелей? Наложить на ваши поплавки кусок каучука или прорезиненного полотна – это работа одного часа, и вам не следует уезжать без этого ни в коем случае.

– Отлично, и я приношу вам тысячу благодарностей за это первое разрешение. Остается вопрос о разбеге. У меня не хватает для него ракет, сделанных в Мидуэе и потребовавших работы целых суток у пиротехников гарнизона.

– У нас нет пиротехников, и я боялся бы...

– Но, главное, у нас нет на это времени, командир! Нужно найти другое средство...

– Какое пространство вам необходимо для разгона?

– Я удовольствовался бы в крайнем случае десятью метрами.

– Такое пространство у нас найдется на корме. Но каким образом вы устроите там плоскую поверхность при наличии этого огромного барабана, выступающего над рулем? Нечего и думать снимать его...

На корме «Фултона» в самом деле находился барабан, на который наматывали и сматывали с него подводный кабель, погружаемый в воду или поднимаемый из нее. Можно себе представить, как высоко над палубой выдавался этот прибор с желобом, предназначенным для наматывания или сматывания проводов, состоящих из шести рядов, для усиления или изоляции проволоки, и имеющих от 30 до 35 сантиметров в диаметре.

Продолжая разговор, командир и авиатор подошли к барабану, на котором был уже намотан один провод, приготовленный для спуска в окрестностях Гило, когда будет вытаснен из воды перерезанный японцами конец кабеля. И неожиданно, при виде этого кабеля, – другой конец которого исчезал на расстоянии 15 метров внутри парохода через посредство меньшего барабана – в голове молодого француза родилось совершенно новое и не менее остроумное решение.

Ему вспомнился способ перевозки некоторых вагонеток, доставляющих руду, спускаемых с высот, окружающих берега Шера и Мозеля: подвешенные на поднятом на столбах канате – они опускаются и в то же время своей тяжестью поднимают по второму, параллельному канату пустые вагонетки.

Отчего бы не воспользоваться этим протянутым на корме «Фултона» кабелем, как воздушным рельсом, и нельзя ли заставить «Кэтсберд» скользить по этому рельсу, поставив аэроплан на колесо с глубоким желобом?

Командир, покачивавший головой во время изложения этого плана, перестал курить, когда инженер дошел до изложения проекта передаточного блока, а это было признаком глубокого внимания.

Он сейчас же потребовал главного механика на «Фултоне».

– Прайнтер, – сказал он, – послушайте господина Рембо! Вы мне скажете, удалось ли ему убедить вас, как он убедил меня. Эти французы обладают способностью убеждать, с которой трудно бороться, и я не удивляюсь, что самый известный из них заявил когда-то, будто слово «невозможно» не существует во французском языке.

– Сегодня же, командир, – оживленно возразил Морис Рембо, – нужно осуществить даже невозможное. Подумайте только, что мы уже потеряли два часа...

И молодой инженер объяснил.

Очень легко укрепить между двумя полозьями лодки блок, который покоился бы на протянутом кабеле и выдерживал бы всю тяжесть аэроплана до того момента, когда развившаяся скорость уничтожит эту тяжесть.

С другой стороны сложный блок, устроенный на большой мачте, поддержал бы «Кэтсберд» в равновесии до момента, когда крикнут: «Отпустите!»

Авиатор не сомневался, что, имея в своем распоряжении кабель, наклоненный под известным углом для содействия увеличению скорости, можно заставить аппарат подняться при десяти метрах разгона.

Можно было рассчитывать не более как на десять метров, так как следовало принять во внимание стабилизатор «Кэтсберда», также скользящий по кабелю и занимающий шесть метров из незначительного пространства, которым можно было воспользоваться для разбега... Когда инженер окончил объяснение, офицер-механик, еще молодой человек с живыми и умными глазами, сказал:

– Все это выполнимо! У меня есть блоки всевозможных размеров. Я отыщу такой желоб, который соответствовал бы толщине кабеля. Необходимо сейчас сделать в кузнице четыре железных закрепы для соединения ваших полозьев с блоком. Все это будет устроено через два часа.

– Я полагаю, – сказал командир, – что авиации удастся скоро избавиться от всех этих сложных приемов для подъема аэроплана и дойти до подъемов с места, не нуждаясь в

предварительном разбеге, подобно некоторым тяжелым птицам, которые также бегут, махая крыльями, прежде чем поднимаются на воздух.

– Конечно, этого добьются, когда аэроплан будет в одно и то же время геликоптером, – возразил оживленно молодой француз.

– Но, – сказал командир, – ведь геликоптер предшествовал аэроплану. Как хороша эта игрушка, подражающая бабочке, в руках детей! Ее двигателем является растягивающаяся простая резиновая нитка.

– Отлично!

– Ничто не мешает нам надеяться, что этот первобытный двигатель может быть заменен мощной машиной. И мы увидим тогда, как человек будет подниматься вертикально с места.

– Мы уже видели это, командир, – быстро возразил инженер. – Я знаю в одной только Франции несколько геликоптеров, поднимавшихся с места, а именно геликоптеры Бертена и Корню. Но такое устройство машины, если только она претендует заменить подъемные машины, неприменимо на практике. Будущее принадлежит только аэроплану вроде этого, с лишним, вертикальным винтом, который поднимал бы его не более как на один метр от поверхности земли. Ибо, освобожденный хотя бы на одну только минуту от действия тяжести и соприкосновения с землей, он немедленно уступит движению винтов и двинется легко, без замедляющего

трения, по горизонтальному направлению. Этот аппарат и называется геликопланом.

– Не считая того, – заметил техник, – что вертикальный винт может еще служить в образцовом аппарате амортизатором при падениях в случае порчи мотора.

– Но все же с условием, чтобы этот винт был приводим в действие отдельным двигателем... Однако довольно строить воздушные замки, с вашего позволения, командир! Я тороплюсь отправиться в путь, и вы разрешите мне снова вернуться к моему бедному аэроплану?

– Пожалуйста!

Он напомнил в нескольких кратких и энергичных словах об устройстве четырех железных креплений для главного блока, и механик быстро направился к кузнице.

Между тем командир «Фултона» привел в движение весь свой персонал, приказал очистить корму, установить новый блок и натянуть подводный кабель в виде подвижного рельса на высоте двух метров над палубой.

Ему не пришлось подогрывать усердия каждого из матросов. Любопытство команды было возбуждено до последней степени.

Они видели, как эта чудесная птица прибыла сюда, парила вокруг судна и легко опустилась на воду. Теперь они увидят, как она улетит, поднимется при новых условиях, исчезнет в воздухе...

И все сердца усиленно бились в ожидании этого нового,

интересного явления: человек держится в воздухе на крыльях механической птицы!

Быть может, он будет еще вынужден опуститься на воду, как мокрая птица. Или же он будет скользить по ней на своих поплавках и, воспользовавшись развившейся таким образом скоростью, поднимется своими собственными силами с места.

Во всяком случае, какое несравненное, незабвенное зрелище представится глазам этих моряков, слыхавших о летающих людях, но увидевших такого человека в первый раз!

Пока выполнялись все предписанные работы, Морис Рембо снова переменял поплавки карбюратора, заменив его прежним, так как его мотор будет снова приводиться в движение бензином, имеющимся на «Фултоне».

Первым делом была окончена установка кабеля, которому ввиду его испытанной прочности можно было придать особенное натяжение. Это был идеальный воздушный путь при наименьшем трении, далеко превосходящий скольжение на полозьях, так как соприкосновение аппарата с этим рельсом нового образца ограничивалось одной точкой.

Затем большая птица, привешенная к новому блоку, была поднята при помощи лебедки над кабелем. Кузнецы, более проворные, нежели это можно было предполагать, принесли через час подвижной блок на оси, на концах которой находились два согнутых и одинаковых закрепа, прилаженных к полозьям.

Для этих закрепов было выбрано самое легкое железо, а блок был деревянный, так что вес аппарата увеличился очень незначительно.

Блок был установлен на место, лебедка приведена в движение, и механическая птица медленно опустилась на кабель. Морис Рембо с удовольствием объявил, что прогиб кабеля очень мал и аэроплан пробежит по этому проводнику, как по твердому рельсу. При помощи лестницы он поднялся на «Кэтсберд», наполнил резервуар и установил равновесие аппарата посредством передававшихся ему баклаг с бензином.

Он велел слегка ослабить поддерживавшую аэроплан веревку, так что ему легко было постоянно наблюдать, в какую сторону он наклонялся, и тотчас устранять это наклонение перемещением груза в лодке. Эта необходимая операция отняла больше всего времени, но она имела очень важное значение для того, чтобы перед взлетом, когда птица будет освобождена от веревки, на которой она висела, не стала вдруг наклоняться направо или налево, прежде чем она установит свое равновесие скоростью своего движения.

Все было готово. На все эти работы потребовалось только четыре с половиной часа.

Когда авиатор объявил, что он готов к отъезду, командир приказал принести на подносе бокалы, наполненные шампанским. Он взял один из них и, встав на бочонок, подкаченный к лодке, подал его авиатору. Затем, взяв в руки другой

бокал, поднял его.

– Милостивый государь, – сказал он серьезным тоном, – я американец, но заявляю, что никогда еще американец не сделал для своей родины то, что делаете вы, француз, для нее... Девяносто миллионов граждан, населяющих наши Штаты, благодарные и растроганные, приветствуют вас и повторяют теперь возглас, которым мы встретили вас на «Фултоне»:

– Да здравствует Франция!

И этот крик вырвался у всей команды, столпившейся у борта и на реях, точно стоголосое эхо.

Морис Рембо тогда только заметил, что у всех были в руках бокалы. Весь экипаж пил французское вино в честь француза.

Он пил медленно, крикнув в свою очередь:

– Да здравствуют Соединенные Штаты!

И он думал о Кэт, в которой сосредоточились для него все 45 штатов Союза.

Вдруг воцарилось трогательное молчание. Все были в ожидании торжественной минуты.

Как и во время предыдущих отлетов, нужно сразу уничтожить удерживающую привязь. На этот раз она не удерживала, а только поддерживала аэроплан; она была вертикальна, и аэроплан будет освобожден при помощи крюка с пружиной, снимаемого посредством веревки.

Машина была застопорена, и «Фултон», преднамеренно повернувший к западу, очень медленно скользил по непо-

движному морю, оставляя за собой рябь в виде прямой линии, точно указывавшей направление к Сан-Франциско.

Угол направления был тщательно вычислен по карте и вручен авиатору.

Он был на $63^{\circ}4'$ – немного увеличенный вследствие уклонения, которое вынужден был сделать «Кэтсберд» для того, чтобы идти на север, впереди «Фултона». Местонахождение парохода было установлено очень точно. Они находились на $13^{\circ}2'37''$ западной долготы по Гринвичскому меридиану и на $35^{\circ}4'28''$ северной широты. Расстояние от этого пункта до Сан-Франциско составляло 446 миль, или 825 километров.

Все эти цифры были записаны и отданы Морису Рембо.

Все шлюпки с «Фултона» были опущены на воду и выстроились на 200–300 метров на пути к Сан-Франциско на случай падения, возможного вследствие изменения способа поднятия аэроплана.

Морис Рембо позаботился установить руль глубины параллельно направляющему кабелю для того, чтобы заставить направляющий блок оставаться в соприкосновении с этим кабелем с самого конца его; он поднимет его, только отделившись от этой последней точки опоры.

Этот момент было очень трудно уловить, так как, дойдя до конца наклонной плоскости, он будет находиться не более как в пяти метрах над водой.

При отлете из Мидуэя он скомандовал, находясь на высоте более десяти метров над уровнем моря, на острове Гавайи –

на высоте стены кратера над лавой Галемаумау.

Но инженер вполне доверял теперь своему аппарату.

Он чувствовал его.

Он был связан с ним, как наездник с своей обьезженной прирученной лошадейю.

И когда, пустив винты полным ходом и крикнув «отпусти-те», он почувствовал, как аэроплан двинулся вперед, авиатор был совершенно спокоен: «Кэтсберд» поднимется и поплывет среди своей стихии с легкостью пловца, только что бросившегося в воду.

И действительно, аэроплан взвился легко, величественно, уносясь к синему небу, даже не прикоснувшись к воде.

И вскоре позади авиатора Тихого океана замолкли крики «ура», сопровождавшие его торжественный отлет.

Было 11 часов 20 минут утра.

Глава 14

Торжественный спуск аэроплана

Тем временем беспрестанно возрастающее волнение охватывало не только большой город Калифорнии – Сан-Франциско, но и всю Америку.

Японский вопрос, несколько лет тому назад так живо волновавший общественное мнение, вызвавший очень серьезные столкновения между штатом Калифорния и президентом Рузвельтом и который, казалось, был улажен под энергичным влиянием правительства штата – теперь возродился и привел непосредственно к роковому концу – войне, возникшей в такое время, когда Америка не ждала ее.

Давно прошли те времена, когда янки, главный поставщик Японии, искавшей у него учителей и матросов, чувствовал настоящую любовь к этим «милым маленьким япошкам» и находил удовольствие в созерцании их подражания его собственным доблестям, их инициативы и упорства.

Неожиданные победы Японии над Россией, сначала принятые в Новом Свете с большой симпатией, были первым похоронным звоном над доверием Соединенных Штатов, показав им, какой экономически опасный конкурент появился около них.

Утвердившись на берегах Тихого океана, американец ду-

мал превратить его в американское Средиземное море, и он немедленно проложил путь своему морскому империализму на запад при помощи аннексии островов Гавайских, Самоа, Филиппинских и части Марианских.

Вдруг Цусима обнаружила перед ним съезжившегося на соседнем берегу противника, затаившего в тиши свою мощь и гордого своими победами и решившего поддерживать господство Восходящего солнца на океане, омывающем берега Азии.

И этот противник желал не только захватить в свои руки торговлю монгольских стран, но он еще намеревался покорить посредством инфильтрации американские острова и провинции, расположенные по берегу Тихого океана...

Японцы устремились в количестве 20 тысяч человек ежегодно в Калифорнию. В 1908 году их было 60 тысяч в Сан-Франциско, и газеты в Токио называли этот штат не иначе, как Новой Японией.

Японские и китайские эмигранты были сначала приняты американскими промышленниками очень радушно, так как они требовали за свой труд плату, которая была значительно ниже заработной платы белых, довольствовались горстью риса и были трезвы, мягки и терпеливы. Ко всем этим качествам присоединялось еще то преимущество, что они никогда не принимали участия в этих народных синдикатах, тиранических учреждениях, требования которых стали прямо легендарными.

Но вскоре опасность от возрастающей иммиграции стала очевидной. Если бы она продолжалась еще 20 лет, то монгольская раса в лице желтолицых детей, родившихся в Америке и таким образом ставших американскими гражданами, овладела бы политическими выборами точно так же, как она начала забирать в свои руки некоторые отрасли торговли и промышленности.

С тех пор началась реакция против желтой опасности в Сан-Франциско – космополитическом сброде, которому больше всего угрожала эта опасность.

«Лига изгнания японцев и корейцев» соединила республиканцев и демократов и проповедовала, что «азиатская иммиграция является проклятием для американских рабочих»⁵. Бюро народного просвещения штата Калифорния удалило японских детей из школ в Сан-Франциско и вызвало кризис 1907 года. Несмотря на личное вмешательство Рузвельта, провозглашавшего, что японцы должны пользоваться равноправием среди прочих национальностей – движение против них усиливалось, перешло на Гавайские, Филиппинские острова и выразилось в кровопролитных столкновениях.

Когда Япония выразила твердое намерение поддерживать своих соотечественников, то даже Рузвельт нашел нужным сделать им внушение посредством морской демонстрации.

На основании своей любимой поговорки – «Говорить мяг-

---

⁵ *Андре Тардые.* «Записки о Соединенных Штатах».

ко и держать наготове толстую дубину» – он отправил флот в кругосветное плавание. Одна дивизия этой эскадры была принята в Йокогаме корректно, и государственный муж Америки, будущий президент Тафт, отправившийся в Токио для улаживания последних затруднений, стал там предметом восторженных манифестаций.

Американский флот возвращался из кругосветного плавания, вступил в Атлантический океан, и все думали, что мир обеспечен надолго. Но они плохо знали Японию.

Ни одно государство не умеет лучше, чем загадочная и молчаливая Япония, скрыть обман или злобу под маской равнодушия или покорности.

Желтолицый не забывает ничего, но выжидает удобной минуты.

Когда они узнали, что американский флот снова отправлен в Тихий океан, они решили, что эта удобная минута наступила, и на этот раз бесповоротно.

Прежде чем передать власть в другие руки, президент Рузвельт действительно объявил, что для Америки необходимо сосредоточить все эскадры в одном или другом океане, и находил невозможным раздроблять их.

Его преемник, президент Тафт, решил послать флот для постоянного пребывания в Тихий океан, где большой залив у Сан-Франциско при существовании сооруженного вполне в несколько лет военного порта Окленда, обеспечивал флоту прекрасную морскую базу.

Когда ему удастся это, флот будет, несомненно, главенствовать на Тихом океане.

И прежде чем этот флот обогнул мыс Горн, Япония привела в исполнение свой давно задуманный план, по которому должно быть разыграно начало войны, объявленное ею Америке.

Японцы захватили Сандвичевы острова. Этим захватом они лишали американский флот возможности сделать какое-нибудь нападение, атаку на берега Японии, потому что, повторяю, Сандвичевы острова представляли единственный пункт на длинном пути в десять тысяч километров, где суда могли возобновить свои запасы.

Потеряв этот пункт, американские суда не могли больше покинуть Сан-Франциско.

Они были даже лишены возможности оказать помощь Филиппинам вследствие близости морского порта Гайнана, позволявшего японцам броситься на них с фланга.

Взятие Сандвичевых островов не представляло никаких затруднений, так как американцы отделались от недоверия, возбужденного в них событиями 1907 года. Япония посылала в течение десяти лет в Гонолулу иммигрантов, выбиравшихся из лучших солдат Маньчжурии. Их было там от 18 до 20 тысяч, ожидавших только лозунга и оружия.

Лозунг был получен ими по беспроволочному телеграфу в виде спешного заказа ананасов, составлявших специальность японцев.

Через несколько дней суда доставили им оружие.

Суда были выгружены в Вайкики, представлявшем купальный пункт в Гонолулу, находящийся близ Алмазной вершины – живописнейшего места на Оаху.

В тот же день два японских полка овладели Гонолулу, оттеснили американскую милицию в казармы и принудили ее на следующий день сдаться.

Все это было приведено в исполнение почти без сопротивления, так велика была неожиданность. Все стратегические пункты были заняты заранее распределенными отрядами. Командовавшие ими офицеры были еще накануне переводчиками, служащими в банках и лакеями в гостиницах. Они разделили между собой общественные должности, объявили город в осадном положении и, совершив все это, отправили два других накануне вооруженных отряда на Пирл-Харбор.

Морской порт Пирл-Харбор, заложенный американцами несколько лет тому назад, представлял вместе со всем своим обширным оборудованием, с почти оконченными набережными, доками, сухими доками, арсеналом, складами – слабо вооруженные форты, плохо защищенные у горжи.

Американцы не предвидели нападения изнутри, и поэтому их гарнизоны были не в силах дать отпор.

Два броненосца и три японских крейсера, прибывшие в предыдущую ночь, бросили якорь перед фортами Фиш-Уэр и Пулилоа, закрывавшими вход в фарватер, и в несколько

часов принудили замолчать их еще не вполне укомплектованную артиллерию.

После этого они преследовали торпедами в открытом рейде крейсер-стационар, встретивший их орудийными выстрелами, а их десант завладел арсеналом.

В продолжение четырех дней остров Оаху – главный пункт и центр сопротивления на архипелаге – перешел в руки японцев.

Все это совершилось без ведома Соединенных Штатов, потому что, как мы уже сказали, этим операциям предшествовал разрыв кабеля приспособленными для этого судами и уничтожение станции беспроволочного телеграфа, где офицеры японского оккупационного отряда повсюду запаслись единомышленниками.

Таким образом, в Сан-Франциско и не подозревали о взятии Гонолулу даже после трехдневного перерыва сообщения и посылали на Гавайи суда одно за другим для восстановления кабеля и получения каких-либо известий.

Ни одно из этих судов не возвратилось, и ни одно из находившихся на пути к Йокогаме не доехало до Японии.

Никто не прибывал из Японии к берегам Калифорнии. Даже Сан-Франциско, казалось, моментально очистился от желтолицых.

Спасаясь от неизбежных репрессий, они направлялись в Канаду или Мексику на каботажных, китоловных судах и по железной дороге.

Наконец появились телеграммы из Европы.

Несмотря на все принятые правительством Микадо предосторожности для того, чтобы как можно дольше хранить в тайне этот пункт невероятного морского грабежа – истина стала вскоре известна консулам, капитанам коммерческих судов и иностранным негодьям.

Агентства разнесли весть повсюду, и президент Соединенных Штатов оповестил американский народ в послании, клеймившем вероломство и измену японцев, что между Америкой и Японией уже шесть дней делятся военные действия.

* * *

Тогда янки в Сан-Франциско, подозревавшие уже несколько дней подобное положение дел, получив официальное извещение, тотчас перерезали несколько тысяч японцев в китайском городе и стали ждать с возрастающим беспокойством прибытия американского флота, только что обогнувшего мыс Горн.

Они смеялись в былое время, когда им говорили о возможности высадки японцев на берегах Америки и бомбардировки Сан-Франциско. Но их смех сменился тревогой, когда они узнали, что Гавайские острова находятся во власти матросов Страны восходящего солнца.

Эти «желтые мартышки» – как их называли в Калифор-

нии – были способны на все. Они доказали это.

Кто мог помешать им добраться до материка, отправить туда транспорты под прикрытием своих бронированных крейсеров и высадить там четыре или пять дивизий, раз они стали хозяевами складов угля на архипелаге и поэтому имели возможность снабжать свои эскадры припасами на полпути?

Японцы обнаружили во время маньчжурской войны настоящее совершенство в области транспорта и высадок, и американцы сами восторгались их ловкостью. И так как наряду с другими достоинствами, усмотренными американцами в этих «милых маленьких япошках», они обладали еще и отвагой, то разве нельзя было ожидать со дня на день этого «желтого нашествия», произведенного в совершенно обратном направлении, чем это предсказал и изобразил в своей символической картине Вильгельм II?

В эту тяжелую минуту обитатели Сан-Франциско спохватились с ужасом, смешанным с мучительным сожалением, что у них не было армии, которую они могли бы противопоставить той, которая могла явиться с запада. Положение всех Соединенных Штатов также было не лучше.

Они обнаружили во время нескольких войн свои военные доблести и обладали со времени кампании на Кубе кадрами современной армии, но только кадрами. Они поняли теперь, что народ, лишенный постоянного войска, подвергается всяким непредвиденным случайностям и что дорогостоящая и

всегда готовая армия представляет страховую премию, которую обязан уплачивать народ для обеспечения своей безопасности. И они пробовали с лихорадочной поспешностью заменить то, чего у них не хватало.

В ожидании своего флота они создали армию, так как если японцы высадятся до прибытия эскадры из Атлантического океана, то Сан-Франциско будет взят через несколько дней, и фарватер будет загражден японскими торпедами.

И потому-то адмирал Гопкинс в погоне за углем вынужден был поворачивать на другой галс.

При каких пагубных обстоятельствах!

Жители Калифорнии стали еще деятельнее, когда узнали, что железнодорожный путь через материк также отрезан желтолицыми китайского квартала недалеко от города, расположенного у Большого Соленого озера, затем еще дальше, вблизи крепости Ларами, то есть у начала и конца Скалистых гор. Мосты, туннели были взорваны, отрезан на протяжении тысячи километров от Сан-Франциско всякий доступ для подкреплений и припасов.

Таким образом жители западной стороны были предоставлены самим себе до прихода эскадры.

Но это были потомки тех удивительных искателей приключений, которые менее чем в 40 лет воздвигли город среди болот и песка, в котором вязли палатки искателей золота. Они представили миру невероятное зрелище, отстроив этот самый город менее чем в три года, после того как он погиб

от землетрясения и пожара.

Город стал красивее, больше и богаче, чем до катастрофы 18 апреля 1906 года.

Они любили этот город как афинянин, римлянин любил некогда Афины или Рим. Они верили в его величие, но не той слепой верой древних времен, а верой, основанной на данных статистики и на чувстве собственного достоинства.

На их глазах этот город в промежуток времени от 1848 до 1908 года разросся с 600 до 600 тысяч жителей.

Они считали его одной из больших житниц земного шара, обратив в свою пользу торговый обмен между Европой и Азией, и принялись за дело с рвением молодой нации.

В течение десяти дней они сформировали и вооружили 40 тысяч волонтеров.

Против удобных для высадки пунктов выросли из земли окопы. Metallургические заводы стали лить орудия вместо выделки рельсов и строить бронированные башни вместо локомотивов. Все имевшиеся автомобили готовы доставить отряды всюду, где только часовые укажут суда в открытом море.

Наконец неожиданно улеглась эта страшная тревога и всех охватила безумная радость.

Американский флот ускоренным ходом и не останавливаясь нигде явился на помощь к Королеве Тихого океана: жители были оповещены 15 мая об его появлении прямо из Акапулько сотней пушечных выстрелов.

Было два часа пополудни.

Все жители расположились вдоль Золотых ворот и столпились у подножия крутых вершин, издали казавшихся неподвижными часовыми, караулящими огромный город.

У входа в чудесный канал в одну милю шириной и пять миль длиной, впадающий в залив, другой берег которого исчезает вдаль, и где могли бы скрыться флоты всего мира – показались выстроенные в длинный ряд суда.

Послышались радостные приветствия, лишь только продефилировали бронированные крейсера, служившие разведчиками для эскадры, – «Западная Виргиния», «Северная Каролина», «Монтана» и «Колорадо», сопровождаемые шестью миноносцами и четырьмя подводными лодками, шедшими друг за другом.

Через полчаса при бешеных кликах толпы и залпах с форта продефилировали шестнадцать броненосцев Атлантического океана – «Коннектикут», «Луизиана», «Небраска», «Канзас», «Виргиния», «Джорджия», «Нью-Джерси», «Миссисипи», «Род-Айленд», «Айдахо», «Нью-Гемпшир», «Мичиган», «Огайо», «Южная Каролина», «Вермонт» и «Миннесота». Каждое судно следовало на неизменном расстоянии в 400 метров за шедшим впереди его, в образцовом порядке, все украшенные маленькими флагами. Тридцать пять больших миноносцев через известные промежутки проходили по бокам и два крейсера – «Теннесси» и «Вашингтон» – замыкали шествие.

При скорости, уменьшенной до десяти узлов, этому грозному морскому войску понадобилось несколько часов для того, чтобы продефилировать, но обитатели Сан-Франциско продолжали все время восторгаться и аплодировать. Патристический восторг охватил рабочих, мещан, миллиардеров, и все классы смешались.

Пусть желтолицые теперь приходят: калифорнийцы чувствовали себя в безопасности. Их заботы тотчас приняли другое направление: обеспечив безопасность своих берегов, они думали только о том, чтобы атаковать своих вероломных зачинщиков, а общественное мнение указало флоту его главную и неотложную задачу – вернуть Гавайские острова.

Было пять часов вечера. Последний миноносец только что прошел, и большинство потянулось по направлению к городу, лениво раскинувшемуся на берегу залива и отделенному от моря песчаными дюнами. Вдруг несколько любопытных разглядели и указали вдали, на западе, быстро увеличивающееся черное пятно.

Оно приближалось, очевидно, от Фаралонских островов – группы маленьких утесов, сторожевых постов американского материка, населенных исключительно тысячами морских птиц.

Была ли это одна из этих птиц, оставившая на один день свою скалу? Нет, потому что ширина ее распростертых крыльев увеличивалась с каждой минутой. Многие решили, что это орел или кондор Скалистых гор, отнесенный к морю воз-

душным течением и спешивший добраться до высоких вершин Сьерра-Мадре, первый уступ которой выделялся на горизонте в виде остроконечной горы в 12 тысяч футов вышины.

Среди толпы поднялся шум и разнесся вдоль канала: это не птица!

Что же это такое?

Послышалось слово «аэроплан». Это слово было знакомо народу, среди знаменитых сынов которого числился Райт, и который восторгался его успехами в Европе.

Но какой аэроплан мог появиться с Дальнего Востока?

Быть может, это адмирал Гопкинс устроил сюрприз для Сан-Франциско? Неужели он взял с собой одного из бесстрашных авиаторов вроде Блерио, Латама, Зоммера или Фармана, приехавшего из Франции в Нью-Йорк на пакетботе и отлетевшего с одного из Фаралонских островов для того, чтобы закончить прибытие эскадры сенсационным «гвоздем»?

Тысячи биноклей были направлены на крылатое видение. Послышался возглас, что это аэроплан, и на носу его лодки показался маленький клочок материи, на которой можно было различить звезды и красные полосы.

Следовательно, это американский аэроплан.

Среди толпы, снова застывшей перед этим поразительным и неожиданным зрелищем, послышался глухой шум. Птица быстро приближалась.

Она скользила на высоте 200 метров, вероятно, для того, чтобы держаться над гранитными вершинами, окружавшими берега канала.

В это время до слуха толпы стал долетать шум мотора.

Показался человек, управлявший аэропланом: справа и слева можно было различить вращение двух винтов, напомиравших кружащийся пар. Над ними были крылья. Позади длинный хвост развернул свое оперение того же цвета и два длинных резиновых цилиндра, в которых нельзя было угадать поплавков, казались двумя наполненными водородом баллонами, а все вместе производило впечатление смеси аэростатики и авиации.

Когда аэроплан находился на высоте форта Алькатрас, в его честь раздался залп.

Как застывшая от удивления толпа, так и артиллеристы, обслуживавшие орудия, ничего не знали о вновь прибывшем, но его смелость, уверенность его хода и неожиданность появления возбудили общий восторг. Любопытство достигло высшей степени, когда все увидели, как он грациозно наклонился, оставил за собой канал и направился к дюнам.

Тысячи людей бросились в том же направлении. Произошла давка. Аэроплан замедлил ход и спускался, продолжая поворачивать.

Он искал, очевидно, место для спуска. Сейчас он будет среди толпы, и они проникнут в тайну этого почти сверхъестественного видения. Его спуск был встречен громкими

возгласами.

Когда «Кэтсберд», паря на высоте десяти метров над землей, готов был опуститься – под ним колыхалось море голов и крики приветствия слились в настоящий гул, покрывавший шум мотора.

Но в ту минуту, когда он почти коснулся земли, он стал снова подниматься.

Очевидно, авиатор решил не опускаться среди этой сгуставшейся толпы, боясь задеть какой-нибудь десяток неосторожных людей краями своих винтов.

Но при движении, сделанном для того, чтобы повернуть направо, где виднелись другие песчаные холмы, усеянные мелкими кустарниками и лишённые зрителей, правое крыло накренилось и встретило руки, ухватившиеся за него.

Неожиданно остановленный аэроплан завертелся, закачался и упал, как подкошенная птица.

К счастью, авиатор сохранил присутствие духа и прекратил аллюмаж.

Пронзительные крики придавленных лодкой и с трудом вылезших из-под нее людей, визг сшибленных большими крыльями и поднимавшихся с криками «ура» смешались с возгласами устремившихся к дюнам.

Лишь только аэроплан остановился, вокруг него произошла настоящая свалка. Толкаемые вновь пришедшими, стоявшие близ аэроплана были вынуждены частью наступить на волочившийся по земле хвост; другие – спрятались под кры-

лья и, приподняв их, сломали удерживавший крылья рычаг.

Передний руль исчез, смятый и втоптаный под ногами толпы. Затем под натиском новых любопытных затрещали сделанные из легкого дерева полозья, потащив за собой сплюснутые поплавки, помещавшиеся между ними.

Один только Морис Рембо стоял среди обезумевшей толпы спокойный, улыбаясь и держа руку на руле.

Какой-то великан, смелее других, уселся на пустое место около авиатора и засыпал его быстрыми, лихорадочными вопросами:

– Кто же этот неизвестный авиатор? Откуда он прилетел?

В это время какой-то мальчик, взобравшись на поперечину, соединявшую оба крыла, развернул перед глазами присутствовавших вымпел Соединенных Штатов, который под влиянием сильного ветра во время полета запутался в промежутке между двумя плоскостями рамы.

И вдруг все крики были покрыты мощным голосом колосса, возвестившего толпе:

– Он прибыл с Гавайских островов!

Эти слова были переданы авиатором своему ближайшему соседу и произвели необычайный эффект. Только таким путем Морис Рембо мог удовлетворить всех толпившихся и засыпавших его вопросами.

Эта весть потрясла и ошеломила всех и без того взволнованных прибытием эскадры – она распространялась, росла и в одно мгновение вылилась в один шумный возглас:

– Он прибыл с Гавайских островов! Это француз!

Отрывки этих возгласов проносились над головами и тотчас подхватывались тысячами голосов. Но из груди собиравшего обрывки этой сенсационной новости толкователя вырвался громкий крик:

– Мидуэй не сдался! Крепость Мидуэй не взята японцами! Француз прибыл из Мидуэя!..

Всех охватило безумное, невообразимое исступление.

Нужно было видеть эту бешеную толпу янки для того, чтобы составить себе понятие об этом исступлении.

Никто и не думал сомневаться в истине этой необычайной вести. Все видели, как огромная птица появилась на горизонте с быстротой метеора, следовательно, она могла пролететь тысячи километров, отделявших от континента одиноко стоящую среди Тихого океана крепость, которую считали потерянной.

Таким образом этот аэроплан, осуществивший чудо, является теперь одной из реликвий, которую будут позже показывать как каравеллу Христофора Колумба или паровую повозку Кюньо. И перед взором Мориса Рембо осуществилось то, чего он боялся на «Фултоне».

Один фанатик отрезал у заднего руля квадрат полотна хаки, расправил его и положил в карман. Его соседи тотчас последовали его примеру. Затем взялись за крылья и, когда беглым шагом прибыли полицейские с отрядом волонтеров, от «Кэтсберда» остался только длинный, тонкий остов, на ко-

тором висели лоскутья полотна.

Прибывшему начальнику полиции удалось только насильно оттеснить народ и освободить авиатора вместе с остатками аэроплана.

Тогда Морис Рембо, разбитый и усталый, но улыбающийся, мог выйти из своей лодки, захватив, конечно, в свой портфель ленту с засохшим стеблем цикламена, на котором взор его так часто останавливался во время пути.

На предложенный ему командиром отряда вопрос – действительно ли он приехал из Мидуэя, инженер ответил утвердительно простым наклоном головы и прибавил спокойно:

– Я хотел бы видеть адмирала как можно скорее.

– Мидуэй еще не взят японцами?

– Мидуэй держится и будет держаться до прибытия помощи, но эта помощь необходима как можно скорее...

Начальник волонтеров, явившийся так своевременно, был сыном одного из видных промышленников в Сан-Франциско. Это был молодой человек лет двадцати пяти, высокого роста, с ясным взором и симпатичным смелым выражением лица. Он схватил инженера за руку и сказал дрожащим от волнения голосом:

– Меня зовут Вильямом Липтоном. Я считал бы величайшей честью обнять вас от имени моих сограждан! Вы разрешаете?

Француз выразил, улыбаясь, свое согласие, и они обня-

лись, между тем как толпа, непрерывно толкавшаяся на месте спуска самолета, возобновила крики восторга, среди которых преобладал возглас: «Да здравствует Франция!»

Авиатор и его проводник, предшествуемые четырьмя волонтерами, не без труда пробрались сквозь толпу и выбрались на ближайший путь. Сэр Вильям Липтон оставил большую часть отряда караулить самолет, и нельзя сказать, чтобы караульные не воспользовались, в свою очередь, остатками полотна на «Кэтсберде». После этого фанатики, оставшиеся на месте, взялись за пустые баклаги, куски железа, и можно себе представить, в каком плачевном виде самолет Мидуэя был отправлен в исторический музей Сан-Франциско.

По дороге полицейский автомобиль, потребованный сэром Вильямом Липтоном, быстро повез обоих в Сан-Франциско.

Морис Рембо почти не замечал прекрасных аллей нового города, огромных небоскребов, домов в 25, 35 и 42 этажа, грузные силуэты которых терялись в облаках, превращая лишние света улицы в настоящие трубы. Высокая, четырехугольная башня Ferry-Building с бельведером, который можно видеть за несколько миль, и гостиницы с мраморными статуями, возвышающимися над заливом, также только промелькнули перед его глазами.

Он отвечал очень рассеянно своему проводнику, осыпавшему его вопросами, касающимися сказочной поездки на

аэроплане.

Он не обратил внимания и на эскадру – целый город еще дымящихся труб, расставленных в несколько рядов у входа в канал.

– На каком судне адмиральский флаг? – спросил он, блуждая взором среди целого леса мачт, вымпелов и корабельных корпусов, с выдающимися высоко над ними сложными сооружениями.

– На «Коннектикуте» – судне, которое вы видите на правом конце второго ряда.

Морис Рембо вспомнил, что Арчибальд Форстер состоял лейтенантом на этом броненосце, и эта мысль живо напомнила ему об его друге: что случилось с ним после отъезда аэроплана с острова Гавайи? Серьезно ли он надеялся, что «Кэтсберд» долетит до материка?

Вероятно, он не нашел на острове станции беспроводного телеграфа, иначе прибытие посла из Мидуэя, о котором известил бы Форстер в Сан-Франциско, не вызвало бы подобного удивления.

Если бы Арчибальд Форстер мог в эту минуту подозревать, что его товарищ через несколько мгновений вступит на «Коннектикут»!

Молодой француз был возвращен к действительности. Едва он успел сойти с автомобиля, как услышал вокруг себя как бы непрерывный шум трещотки.

Это был шум затворов многочисленных «кодаков», на-

правленных на него – этой скорострельной артиллерии современной прессы, требующей немного ловкости и много неуместной навязчивости.

Так как солнце успело скрыться за верхушками Золотой горы, то некоторые фотографы сочли нужным зажечь при фотографировании магний, и смущенный авиатор был в течение нескольких мгновений окружен как бы ореолом.

Дальше его окружила толпа других людей, с книжками в руках и карандашами у рта, и сэру Вильяму Липтону с большими усилиями удалось вырвать Мориса у этих ловких интервьюеров и заставить его войти в паровой катер, который по данному знаку подошел к берегу.

Тогда только Морис Рембо заметил, что его все время сопровождало до ста автомобилей. Сверкающие и величавые, они двигались с ревом и запрудили всю набережную. И если бы начальник волонтеров, как и большинство американских миллионеров, не владел яхтой, поданной теперь ему, то авиатор не добрался бы до судна адмирала, не отдав дань ненасытной жадности калифорнийских репортеров.

Целый град ругательств посыпался на сэра Вильяма Липтона, когда он отнял у них эту добычу и усадил авиатора в ожидавшую их белую с золотыми полосками лодку.

Через десять минут они подъехали к «Коннектикуту», бросившему якорь на расстоянии одной мили. Когда сэр Вильям Липтон назвал себя, ему было разрешено вступить на броненосец.

Но когда он потребовал, чтобы Рембо был немедленно представлен адмиралу Гопкинсу, то получил категорический отказ.

Все командиры судов были потребованы адмиралом на его судно для получения секретных распоряжений, и ничто в мире не могло дать право вахтенному офицеру беспокоить этот военный совет:

Морской офицер, отказавший Липтону в нескольких кратких словах, представлял собой совсем молодого человека, одетого в элегантную форму мичмана.

В конце концов он объявил, что, быть может, адмирал примет сэра Вильяма Липтона вечером, после своего визита к губернатору штата Калифорния.

– Дело идет не обо мне, – сказал молодой американец, – я только сопровождаю этого господина. Он француз и прибыл из Мидуэя. Его нужно принять немедленно!

Наступило молчание. Молодой офицер не шевельнулся, но сказал медленно:

– Мидуэй! Наша крепость на Гавайских островах?

– Да, Мидуэй, которую считали взятой японцами и которая еще не сдалась.

Офицер ограничился тем, что покачал головой, и на его тонких губах появилась улыбка.

– Ах да! Ведь вы ничего не знаете? – сказал нетерпеливо Вильям Липтон. – Вы не видели аэроплана?

– Аэроплан? Значит, этот господин прибыл из Мидуэя на

аэроплане?

И на этот раз улыбка молодого мичмана стала шире и открыла все его зубы, правда, очень красивые.

– Несомненно, это мистификация и притом очень скверная.

Его улыбка почти сейчас же исчезла.

– Я не могу вам ничего больше сказать, – резко заявил он. – Адмирал примет вас, если угодно, но я решительно отказываюсь беспокоить его подобными сообщениями, пока будет длиться совет командиров судов.

– Милостивый государь, – начал Вильям Липтон, горя нетерпением, – все обитатели Сан-Франциско, собравшиеся для встречи ваших судов у входа в залив, видели прибытие аэроплана. Он летел вслед за эскадрой, и на нем находился сэр Морис Рембо, французский инженер, стоящий здесь. Он опустился на землю на глазах сотни тысяч людей, на моих глазах, на дюнах Золотых ворот. Аэроплан еще там, охраняемый отрядом волонтеров под моей командой, так как сегодня день моего дежурства. Вот что я могу передать вам, и я не позволю больше сомневаться в правдивости сделанного мною теперь сообщения.

– Вы не позволите?

И резкий тон, которым были произнесены эти несколько слов молодым мичманом, был так грозен, что Морис Рембо счел нужным вмешаться:

– Милостивый государь, я понимаю ваше недоверие, но

все-таки прошу вас как француз и по долгу вежливости не отказать немедленно сообщить адмиралу, что я прибыл из Мидуэя, откуда вылетел третьего дня в пять часов утра и, следовательно, могу дать последние сведения, требующие немедленного решения. Я позволю себе даже сказать, что это решение повлияет на все дальнейшие действия адмирала.

Пораженный серьезностью этого заявления, мичман спросил:

– Вы говорите, что были еще в Мидуэе третьего дня утром... третьего дня?

– Имею честь сообщить вам, что я нахожусь в полном разуме, утверждая это. Прибавляю, я улетел из Мидуэя вместе с сэром Арчибальдом Форстером, лейтенантом вашего флота, и вынужден был оставить его на острове Гавайи для облегчения веса моего аэроплана. Он находится, вероятно, в Гило в ожидании, что одно из ваших судов захватит его мимоходом... и одним из моих настоятельных требований будет просьба не забыть о нем, ибо это отважный офицер и прекрасный товарищ...

Лицо молодого мичмана вдруг прояснилось.

– Вы знаете Арчибальда? – живо спросил он.

– Мы потерпели вместе с ним крушение, когда японцы потопили «Макензи».

– Он был там старшим офицером... Неужели «Макензи» потоплен?..

– Несомненно... и не один «Макензи», а еще многие...

Сэр Арчибальд и я были единственными уцелевшими после кораблекрушения. Мы с большим трудом высадились на берег Мидуэя и были приняты там комендантом крепости майором... Гезеем. Благодаря оказанной помощи нам удалось построить в шесть дней аэроплан, только что разрушенный в десять минут вашими согражданами. Мы улетели вместе двенадцатого июня в пять часов утра, после ночной атаки крепости японцами. Делая по сто пятьдесят километров в час, мы совершили путь от Мидуэя до острова Гавайи. Эти общие воспоминания связали меня с ним тесными узами дружбы. Вынужденный в конце концов покинуть его на вершине Килоаеа и заменить его соответствующим весом спирта, я добрался сюда, делая до двухсот километров в час. Прибавлю еще: если бы я не встретил одно из ваших судов – «Фултон», которое подобрало меня, снабдило бензином и дало возможность снова улететь, то я погиб бы в море, в трехстах милях отсюда. Что же я могу рассказать вам еще для того, чтобы убедить вас, что все это не сказка?

Молодой офицер не сомневался больше. Он возразил оживленно:

– Не прибавляйте ничего! Одного имени Арчибальда достаточно для того, чтобы убедить меня. Это мой друг. Он был моим главным начальником на моем первом миноносце. Кроме того, я не мог не узнать вас по произношению... Но в первую минуту все это казалось неправдоподобным! Извините за мой сухой прием... Продолжительное плавание,

совершаемое нами теперь, делает людей раздражительными, даже недоверчивыми. . . И вы, милостивый государь, – сказал он, повернувшись к сэру Вильяму Липтону, – примите мои извинения. . . Совет, собравшийся там, – чрезвычайно важен. Адмирал в большом недоумении. Он колеблется – ехать ли немедленно к Гавайским островам, как этого требует губернатор, печать и общественное мнение, или же, действуя методически и осторожно, раньше образовать отряд угольщиков, который может быть подготовлен не ранее как через восемь или десять дней.

– Нужно отправиться немедленно, сегодня же вечером! – быстро прервал француз. – Иначе Мидуэй будет взят и путь в Японию будет закрыт для наших эскадр надолго!

– Я постараюсь, несмотря на данное мне формальное приказание, проникнуть в собрание наших высоких вождей, – сказал мичман. – Ждите меня здесь!

Несколько минут спустя Морис Рембо был введен в большой зал «Коннектикута», где стояли вокруг стола с разложенной на нем картой судов семь контр-адмиралов и три адмирала.

Несмотря на то что это было избранное общество, много видевшее и которое трудно было удивить чем-либо, на всех лицах появилось выражение несказанного удивления, когда француз появился среди них.

Неужели все, что им доложили, – правда?

Адмирал Гопкинс был среднего роста, с лицом, загрубев-

шим от брызг волн, голубыми, ушедшими под густые брови глазами и решительными, резкими движениями. Он подошел к инженеру и сказал без предисловий:

– Мне доложили, будто... вы прибыли из нашей крепости Мидуэй, она еще не сдалась, и наш склад угля не тронут? То немногое, что нам успели передать, столь невероятно, что я прошу вас рассказать нам все подробно, чтобы убедить этих господ и меня. От вашего рассказа, действительно, зависит судьба эскадры.

– Я знаю, адмирал. Вот почему я и настаивал быть принятым немедленно после моего прибытия.

– Говорите! Рассказывайте!

И молодой человек передал среди благоговейной тишины свою одиссею, начиная от роковой гибели «Макензи».

Когда он дошел до раны майора Гезея, опасность которой он не скрыл, все взоры устремились на страшно побледневшего и вскочившего командира одного из судов.

Адмирал Гопкинс прервал молодого француза.

– Мой бедный Гезей, – сказал он взволнованным голосом, – как мне больно, что этот удар нанесен тебе так неожиданно... Вы, очевидно, не знали, что брат храброго майора, пораженного пулей в Мидуэе, командует одним из лучших судов нашего флота – «Колорадо», вы не знали, что этот брат слушает вас... Роковой случай во время войны, господа! Майор Гезей является первой жертвой разгорающейся беспощадной борьбы... Честь и слава ему... Мы отомстим!..

И, подойдя к капитану корабля, адмирал крепко пожал его руку.

Все присутствовавшие командиры сделали то же самое.

Командир Гезей был очень похож на коменданта Мидуэя, только на несколько лет моложе его, высокий, худой, с энергичным лицом, орлиным носом, военной выправкой и в то же время с изящными манерами.

– Как вы думаете, я могу еще застать его в живых... услышать его последнюю волю? – спросил он молодого человека изменившимся голосом.

Единственным ответом на этот вопрос было молчаливое, неопределенное и безнадежное движение авиатора. По щеке командира тихо скатилась слеза. Он прибавил:

– А это бедное дитя, которое он увез с собой... что будет с ней до нашего приезда? Простите, адмирал, что я отвлекаю вас в такую важную минуту. Извиняюсь перед всеми присутствующими и прошу продолжать рассказ!

– Господин Рембо будет к вашим услугам по окончании совещания, дорогой командир, и передаст вам обо всем, что ему известно или что он может предвидеть о положении вашей племянницы. Верьте сочувствию всех окружающих вас в этом ужасном горе – и наше глубокое уважение будет служить вам поддержкой.

Молодой француз был очень взволнован этим случаем и упрекал себя в неосторожности, так как знал, что брат майора командовал одним из бронированных крейсеров.

Он продолжал свой рассказ, только вскользь касаясь подробностей своего воздушного путешествия и настаивая на необходимости не терять времени, если желательно спасти ценный склад угля, собранного менее чем в трех тысячах милях от берегов Японии.

Когда он окончил свой рассказ, адмирал Гопкинс выразил ему горячую благодарность:

– Вы положили предел нашей неизвестности, сковывавшей все наши решения, – сказал он. – Наши противники с такой адской ловкостью перепутали всю нашу систему сообщения, что у нас нет никаких вестей даже о судах, крейсирующих у наших берегов. Беспроволочный телеграф не действует или действует настолько неправильно, что, по-видимому, большая станция, местонахождение которой еще не открыто нами здесь или в окрестностях, направляет обильно и непрерывно в пространство сильные электрические волны, уничтожающие или поглощающие все другие.

– Адмирал, – оживленно возразил инженер, – мне кажется, что я знаю, отчего происходит эта пертурбация: станция, присутствие которой вы подозреваете, действительно существует, но не на материке, а устроена на море, и я ее видел. Это судно, расположившееся на расстоянии восьмисот или тысячи двухсот миль, не доезжая Гавайских островов, и я пролетел вчера совсем близко около него перед наступлением ночи. Если бы я мог отметить мой путь по карте, то определил бы его местонахождение с точностью до десяти миль.

Морис Рембо перечислил все основания, побудившие его прийти к заключению, что это судно без флага, почти неподвижное, снабженное целым рядом рей и от которого неслышимо характерный шум – было установлено для непрерывного сброса в пространство пертурбационных сигналов.

– Необходимо взять это судно и потопить его мимоходом, – сказал адмирал. – Вы оказываете нам этим открытием новую услугу. Я не знаю, как благодарить вас за все. Будьте уверены, что Америка сумеет оценить ваши заслуги...

– Адмирал, – прервал молодой человек, – вы можете сами и сейчас же даровать мне единственную награду, которой я добиваюсь...

– Какую? – спросил командир эскадры полным удивления голосом.

– Разрешите мне сесть на тот крейсер, который будет предназначен вами для следования впереди других и который прежде других увидит Мидуэй... Мое самое горячее и единственное желание в эту минуту – это увидеть первым развевающийся на верхушке крепости ваш национальный флаг...

На лице адмирала Гопкинса снова выразилось удивление.

– Я с большим удовольствием удовлетворяю вашу просьбу, которая является в моих глазах новой заслугой для вас. Ваша родина всегда – я утверждаю это во всеуслышание – является единственным в мире богатым источником великодушия и бескорыстия. И я приветствую ее здесь в вашем

лице.

Эта похвала привела Мориса Рембо в легкое смущение. Нет, он не бескорыстен и ожидающая его там награда стоит всех тех, которые собираются даровать ему впоследствии.

Для того чтобы скрыть свое смущение, он заявил командиру эскадры о безусловной необходимости захватить вместе с идущими на помощь судами пароход-цистерну, так как в крепости Мидуэй имеется запас воды не более как на шесть или восемь дней.

– Начальник моего штаба сделает все необходимые распоряжения, – сказал адмирал. – Что касается вас, господин Рембо, то будьте готовы через час сесть на пароход, так как нельзя терять ни минуты. Мы все убеждены в этом после вашего рассказа. Если Мидуэй еще продержится до нашего прибытия, то мы отберем Гонолулу через две недели, а все остальное явится само собой.

– В таком случае, адмирал, – сказал командир Гезей, подойдя к нему, – соблаговолите даровать мне высокую честь идти с моим крейсером во главе эскадры. «Колорадо» может делать до двадцати четырех узлов, и вы видели это на деле. Быть может, мне еще суждено будет принять последний вздох моего брата и первому утешить бедное дитя, столь нуждающееся в утешении, в ее горе.

– Согласен, дорогой командир, – ласково сказал адмирал. – Снимайтесь с якоря, лишь только найдете возможным: «Монтана» отправится с вами; два пакетбота, нагруженные,

по распоряжению губернатора, углем, готовы следовать за вами вместе с упомянутым пароходом-цистерной. Адмирал Девей назначит еще три самых быстроходных миноносца для рекогносцировки. Назначаю вас командиром всего отряда.

– Благодарю вас, адмирал, – сказал растроганный командир. – Мое судно находится под разведенными парами, никто из людей не высаживался, все припасы пополнены мною в Магдалена-бей. Через час я отправляюсь в путь.

– Через три часа за вами последует второй отряд крейсеров такого же состава. Два отряда броненосцев отправятся в полночь; я сейчас же укажу их начальнику штаба, и их быстро снабдят углем. Крейсера направятся прямо в Мидуэй, а броненосцы – в Гонолулу.

Когда Морис Рембо, поклонившись адмиралу Гопкинсу, направился к выходу в сопровождении командира «Колорадо», адмирал сказал:

– Еще раз благодарю вас, особенно за то, что вы, повторяю, вывели нас из самого скверного на море состояния: неопределенности. До свидания, мы встретимся вскоре там... – Затем он прибавил, обращаясь к командирам судов: – До сих пор я не верил в авиацию... Я видел, как она применялась только на небольших расстояниях. Теперь она внушила непоколебимую веру в себя мне и всему миру.

Менее чем через час, попрощавшись с оказавшим ему такое ценное содействие сэром Вильямом Липтоном и сделав при помощи его необходимые покупки, Морис Рембо поднимался по трапу крейсера «Колорадо». Это было прекрасное длинное судно, приспособленное для мирного и военного времени с двигателями в 40 тысяч лошадиных сил и четырьмя большими орудиями, защищенными башнями. Его экипаж, выбитый из колеи продолжительной и тяжелой навигацией, вынудившей его обогнуть мыс Горн, обнаружил свою радость при вести о назначении его идти во главе эскадры и с быстротой опытных моряков они торопились закончить приготовления к снятию с якоря.

В восемь часов вечера крейсер оставил свой мертвый якорь и, предшествуемый на расстоянии нескольких кабельтовых разведочным судном «Буян», направился в фарватер.

Весь город был уже оповещен о том, что часть эскадры идет к Гавайским островам.

Быстрота столь нетерпеливо ожидаемого решения вызвала среди всех слоев населения несказанный восторг.

Было также известно, что французский авиатор находится на «Колорадо» и просил как особой милости разрешения вернуться в Мидуэй. Это вызвало новый взрыв восторга по отношению к стране, дающей подобных людей.

Берега канала были переполнены поздним вечером зрителями, как во время прибытия эскадры, и передовые суда флота Тихого океана двинулись в путь навстречу бывшим когда-то «милым, маленьким япошкам» среди восторженных кликов и возгласов тысячной толпы.

Снаряженные и отправляемые иначе, чем старые русские суда Рожественского – они собирались доказать японцам, что война, сопровождаемая предательскими и незаконными поступками, может дать ощутимые результаты только вначале и что существует неизменная справедливость для народов, как и для отдельных личностей, когда они сталкиваются с противниками, сохранившими во всей неприкосновенности веру в патриотизм и чувство национальной чести.

Глава 15

На крейсере «Колорадо»

Командир Гезей сам распоряжался выходом своего судна из канала Золотых ворот, направил его к крепости Мидуэй и затем отправился в свою столовую, где его ожидал молодой инженер, приглашенный им к столу на все время плавания, вместе со старшим офицером «Колорадо» и лейтенантом, исполнявшим обязанности капитана.

Морис Рембо должен был, по просьбе командира Гезея, снова рассказать о тех событиях, во время которых комендант крепости Мидуэй получил смертельную рану. Он не скрыл, что нет никакой надежды найти его живым, и рассказывал о девушке, как об ангеле-хранителе, оберегающем в настоящее время его последние минуты.

– Бедная Кэт! – пробормотал командир судна. Тяжело было видеть горе, выразившееся на его лице во время рассказа молодого инженера.

– Бедная малютка. Она теперь сирота, и у нее не осталось никакой поддержки в жизни, кроме старого холостяка в лице меня, всегда находящегося в плавании или в колониях! Какая тяжелая жизнь предстоит ей... Мой брат говорил мне о проекте женитьбы на ней какого-то лейтенанта в его гарнизоне. Что вышло из этого? Да и прибудем ли мы вовремя?

Меня страшно мучит мысль, что может произойти там, если японцы опередят нас. Они, очевидно, не остановятся ни перед чем для того, чтобы овладеть крепостью до нашего прибытия. Они сознают всю важность этого, как и мы!

– Сколько времени понадобится «Колорадо», чтобы прибыть туда? – спросил Морис Рембо, старавшийся скрыть под маской спокойствия свой собственный страх.

– Ровно шесть дней, если делать в среднем двадцать два узла. Я могу довести скорость до двадцати четырех узлов и сделаю это, если нужно будет в последние сутки. Но все находится в зависимости от того проклятого вопроса об угле. А если судно очутится лишенным угля, то есть совершенно обезоруженным, близ попавшей во власть японцам крепости Мидуэй – это будет ужасно!

– Какое расстояние отсюда до Мидуэя?

– По прямой линии – три тысячи двести миль... Но мы вынуждены удлинить наш путь приблизительно на двести пятьдесят миль, по распоряжению адмирала, считающего необходимым, чтобы мы мимоходом уничтожили эту воздушную электрическую станцию, о которой вы говорили. Для этого нужно плыть наискось к острову Гавайи, между тем как по прямой линии мы отклонились бы на восемьсот миль от него. Но крайне важно восстановить сообщение между флотом и материком, и поэтому нам не приходится раздумывать. Не откажите только, мой дорогой инженер, определить точное, на ваш взгляд, местонахождение этого проклятого судна.

на!

Морис Рембо сейчас же, без долгих размышлений, определил это место.

Судя по времени прохождения над ним, это было в 850 милях от острова Гавайи и в 1250 милях от города Сан-Франциско. Местонахождение его было обозначено красным крестом на карте.

– Мы должны добраться туда в пятьдесят пять часов, – рассчитал командир судна. – Через два дня в полночь мы будем не более как на расстоянии четырех часов от него. Следовательно, мы можем начать наши действия ночью, и если это дьявольское судно не переменяло своего места, то оно не спасется от нас... Оно вооружено?

– Я не заметил ни башен, ни военных марсов, но не ручаюсь, что там нет пушек.

– Конечно, есть, но как вооруженный пакетбот в военное время он может защищаться только против миноносца или однородных с ним пакетботов. Достаточно одного нашего снаряда, пущенного по ватерлинии, чтобы одним ударом пустить его ко дну.

– Не лучше ли завладеть им и воспользоваться прекрасным материалом, который они привели в действие? – спросил адъютант, молодой лейтенант корабля, шотландец, оказавший Морису Рембо самый теплый прием.

– Конечно, мой друг Патрик! Но если он пустится к югу или юго-западу, нельзя терять и полчаса на погоню за ним;

мы потопим его сейчас же и направим свой путь к Мидуэю. Сообщите командирам миноносцев точное местоположение судна и роль каждого из них во время открытия военных действий. Для этого нужно, чтобы «Ракета» была послезавтра в авангарде с шести часов утра, плыть за ним в течение следующей ночи и видеть его на рассвете. «Буян» будет в то же время держаться в десяти градусах к юго-западу для того, чтобы остановить всякую попытку бежать налево, а «Торпеда» направится прямо на него, предшествуя мне только на две мили. Сообщите все эти распоряжения командиру «Монтаны», который будет плавать с потушенными огнями.

– Лишь бы только это проклятое судно не ушло раньше! – прибавил старый офицер.

– Во всяком случае, в настоящую минуту оно находится там и продолжает свою проделку, – сказал адъютант, – так как мы только что пробовали телеграфировать в Окленд и получили неизменный ответ: «не понимаем».

– Нужно прекратить посылку радиограмм, – сказал командир Гезей, – так как у неприятеля имеются, в свою очередь, приборы-приемники силы, и вы знаете, что они могут таким образом определить по интенсивности электрических волн расстояние, с которого им отправлена депеша. И поэтому, даже не поняв того, что мы хотим сообщить, они могут отлично узнать о приближении к ним и, спасаясь от нас, расположиться в ином месте.

– Как жаль, что вопрос о направлении волн Герца еще не

разрешен! – сказал старший офицер.

– Это ничем не помогло бы в данном случае, – сказал Морис Рембо. – Если бы мы могли отсюда направить в Ванкувер, например, радиogramмы, которых никто не мог бы перехватить и которые были бы направлены исключительно в Ванкувер, то из этого еще не следует, что источник электрической силы, внесший путаницу на две или три тысячи миль в окружности, не противопоставил бы свои волны нашим и сделал бы их непонятными. Разрешение проблемы лежит, главным образом, в синхронизме (одновременности) вибраций и гармоническом действии манипуляторов и приемников, вполне согласованных для определенной длины волн. Стоило бы только записывать эти волны – и всякая посторонняя пертурбация, как бы энергична она ни была, стала бы бессильной.

– Если только противнику неизвестна длина волны, для которой установлен синхронизм, – сказал адъютант. – Но при содействии достигшей совершенства системы шпионства, введенной всюду японцами, можно быть уверенным, что японские инженеры узнали бы эту подробность. Вспомните известную историю, когда наш морской офицер встретил своего бывшего боя-слугу в качестве командира японского крейсера. Вот почему меня несколько не удивило бы, если бы они были уже извещены о нашем отъезде из Сан-Франциско.

– Разве это возможно, когда они сами делают все депеши

непонятными?

– Кто знает – быть может, они приурочивают эту общую пертурбацию к заранее условленному часу, например от двенадцати часов ночи до половины первого, и в это условленное время аппарат, установленный без вашего ведома на вершине одного из небоскребов во Фриско, передает им под известным шифром итоги дневных происшествий?

На эту весьма правдоподобную гипотезу не было сделано никакого возражения, и разговор перешел на тактику, которой следует держаться во время беспощадной войны, разгорающейся между двумя державами на Тихом океане. Командир Гезей уверял, что Соединенные Штаты одержат победу благодаря неистощимым финансовым ресурсам, каких, несомненно, лишены их противники, а старший офицер утверждал, что, даже владея Гавайскими островами, американский флот не может нанести Японии большого вреда, потому что он будет лишен возможности высадиться на берег, охраняемый также могущественной армией.

– В таком случае война будет длиться долго, а мы только этого и желаем, – сказал командир судна, – так как в таком случае истощим Японию.

– Нет, вы не обессилите ее – у нее будет весь Китай в качестве клиента, и он поддержит ее.

– Но закрыв Китай для других держав, она восстановит против себя всю Европу.

Морис Рембо не слушал.

Страшная усталость смыкала его глаза, и он был совершенно измучен событиями предыдущих дней. Он удалился в свою каюту, где опустился на кровать, прижимая к губам, ленту, которая в его воображении была покрыта волной золотистых волос.

Он проснулся только на следующий день в полдень. Лакей командира несколько раз принимался стучать в его дверь, но, по данному приказанию, не будил его. Когда молодой инженер появился на палубе, то был поражен происшедшей за ночь переменой погоды. Огромные черные тучи двигались по направлению к северу, и море, до сих пор неподвижное, как озеро ртути, начинало волноваться.

«Колорадо» не терял ни одной минуты напрасно. Он достиг 23 узлов без излишней траты угля от полуночи до десяти часов утра и уже значительно выиграл во времени.

Для крейсеров, могущих легко настигнуть таинственное судно, испортившаяся погода являлась даже преимуществом.

Все на судне были поглощены мыслью об этом пароходе и удачном захвате его.

– Но могут ли ваши миноносцы так же удачно бороться с непогодой, как и крейсер, – спросил инженер адъютанта, подошедшего к нему на мостике.

– О да! Потому существует только один род эскадренных миноносцев – с большой, вместимостью для запасов угля и могучими машинами; благодаря этому они могут пройти

всюду... сквозь волны, если нельзя пронестись над ними.

Когда стемнело, два миноносца, взяв направление согласно данному приказанию, исчезли. Море волновалось, и ветер подул к северу.

Когда командиру Гезею сообщили, что все его приказания приведены в исполнение, он удалился в свою каюту, куда пригласил немного позже французского инженера и задал ему еще несколько вопросов о своем брате.

Кабюта была довольно вместительна благодаря диванам, устроенным по образцу новейших американских спальных вагонов. Этот диван, откинутый днем к стене, представлял собой зеркало, артистически вставленное с нижней стороны сиденья. Средняя часть каюты была занята столом, заваленным бумагами и картами, а стены, были увешаны фотографическими снимками крейсеров и разнообразным оружием. При входе в каюту Морису Рембо прежде всего бросились в глаза портреты майора Гезея и его дочери, вставленные в одинаковые рамки. Он не мог оторвать свой взор от них.

– Вы узнаете? – грустно спросил командир «Колорадо», следивший за молодым человеком. – Мой брат, конечно, говорил вам о нашем французском, происхождении и о том, какое значение мы придаем ему. Он был старшим в нашей семье, и мы окружали его особым уважением и любовью. А эта бедная Кэт – такая нежная, красивая и умная – была всегда моей любимицей. Вы могли и сами убедиться, что это избранная натура...

– Бесспорно, командир! – горячо прервал его молодой человек. – В течение нескольких дней, когда ваш брат осчастливил меня, приняв в свою семью, я был поражен высоким развитием вашей племянницы, ее приветливостью, с которой она принимала всех в Мидуэе.

И молодой человек пел дифирамбы в продолжение десяти минут, рассказывая о цветах Кэт, о вышитом ею флаге, немного увлекаясь, потому что ему было в первый раз разрешено говорить о ней свободно. Он не спускал глаз с фотографии, где она была изображена и, казалось, улыбалась ему.

Командир Гезей дал молодому человеку высказаться, причем обратил внимание на его восторженность и затем сказал:

– Вы, конечно, встречали там лейтенанта Спарка, о котором мне говорил брат и который, кажется, был бы прекрасным мужем для Кэт... Расскажите мне о нем, дорогой инженер! Я должен заменить отца этой девушке и обязан заняться выбором, который составит счастье или несчастье ее жизни.

– Я встречался с ним мало, – ответил молодой француз, вдруг как-то сконфузившийся. – Его служебные обязанности и постройка моего аэроплана не позволяли нам часто встречаться.

– Прекрасный молодой человек, солидный, хороший служака, хорошо аттестованный. Впрочем, увидим...

И не желая больше допытываться, дядя Кэт не заговаривал об этом больше в этот день.

Не нужно было большой догадливости, чтобы открыть

тайну его молодого гостя, и он понял теперь значение просьбы, с которой Морис обратился к адмиралу Гопкинсу:

«Самой лучшей наградой для него будет возвращение в Мидуэй»!

Но командир не обнаружил своего открытия, так как ему еще не была известна вся правда.

Что думает, в свою очередь, Кэт?

Ее ответ на этот вопрос будет иметь для него решающее значение.

Он отдал по телефону приказ старшему механику увеличить скорость еще на пол-узла и сигнализировал об этом «Монтане», следовавшей менее чем в полумиле.

При наступлении ночи скорость была несколько замедлена, прежде всего потому, что непогода усилилась, и, кроме того, они рисковали пройти мимо таинственного судна, не заметив его, так как оно плавало, вероятно, с потушенными огнями.

Ночь прошла без приключений. «Монтана» отошла на несколько миль к юго-западу для расширения сферы действия.

Рассветало. Никто не ложился на «Колорадо». Минные камеры и оба орудия были готовы к бою, и командир Гезей уже жаловался на неудачу, сожалея о времени, так бесполезно потерянном в безрезультатных поисках, когда была получена депеша с «Монтаны», на этот раз очень явная, хотя и переданная на «Колорадо» по беспроволочному телеграфу.

– Какое-то судно на зюйд-осте, иду на него!

Через полчаса была получена вторая телеграмма с миноносца «Буйного», оповещавшая, что он наблюдает за судном, направляющимся замедленным ходом юго-юго-восток и просил инструкций.

Третья телеграмма была снова с «Монтаны»:

«Приблизились к неподвижному судну. На нем английский флаг, и оно спокойно продолжает свой путь впереди нас. Вероятно, произошла ошибка. Что делать?»

«Ждать “Колорадо”», – ответил командир Гезей.

Он приказал продолжать путь со скоростью 24 узла, достигнутой еще накануне. Затем он направился сам к вахтенному офицеру и сделал необходимые распоряжения.

День разгорался, но день пасмурный, лишивший возможности разглядеть преследуемое судно дальше, чем на расстоянии мили. Десять минут спустя «Колорадо» смело вышел навстречу ему и холостым пушечным выстрелом потребовал, чтобы преследуемое судно остановилось для осмотра.

Судно тотчас остановилось.

На гафеле, действительно, развевался английский флаг, но не было военного вымпела, на палубе не было видно ни одной пушки, а конструкция судна напоминала линейные пакетботы.

Почему, предназначенное для каперства, оно двигалось так медленно? Потому ли, что оно видело себя окруженным со всех сторон самыми быстроходными судами или же оно

не хотело обнаружить своего желанья спастись бегством?

Морис Рембо, поднявшись на мостик вслед за командиром, удивленно разглядывал судно, к которому «Колорадо» быстро приближался.

Это было, несомненно, такое же судно, над которым он пролетал во время своего воздушного путешествия. И теперь он разглядел, что оно окрашено в темно-серый цвет «небеленого холста», с трубой такого же цвета, с тремя очень высокими, тонкими мачтами.

Но столбов для беспроволочного телеграфа, которые тогда резко выделялись на нем, не было вовсе или они были сняты.

– Ну-с, вы узнаете его?

– Нет и следа тех рей, переплетенных множеством проводов, которые я различал ясно, так как пролетел очень близко... Затем, этот английский флаг... Боюсь, чтобы мы не ошиблись, командир...

– О, флаг еще ничего не доказывает... напротив, он возбуждает еще больше подозрений. У меня есть гораздо более серьезное указание, чем все это: час тому назад неожиданно восстановился обмен депеш по беспроволочному телеграфу: вы видели телеграммы, полученные с «Монтаны» и «Буйного», и только что получено известие из Сан-Франциско – это первая телеграмма за целую неделю. Я вынес заключение, что при нашем приближении этот морской разбойник бросил свои уловки для того, чтобы принять вид безобидного

судна. Во всяком случае, я хочу осмотреть его собственными глазами. Вы будете сопровождать меня, дорогой инженер! Ваши подозрения являются главной уликой, имеющейся у нас против этих плутов, и вы постараетесь уличить их окончательно.

– Я сделаю все что могу! Но ведь, я пролетел над ними так быстро!

– Но вы заметили реи?

– Да, потому что я находился на их высоте.

– Вы уверены в этом?

– Вполне!

– Этого достаточно! Предоставьте мне действовать!

Катер был сейчас же снаряжен и спущен на воду. Вручив командование крейсером старшему офицеру и дав предписание навести скорострельные орудия на палубу подозреваемого судна и прислать по первому сигналу второй отряд, командир Гезей сел на катер в сопровождении своего адъютанта и шести вооруженных матросов.

Прежде чем отчалить, он подозвал вахтенного офицера:

– Кто у вас лучший марсовый, Бентцон?

– Плок, командир!

– Пусть он переоденется в полотняную форму и спустится сюда, не теряя ни минуты!

Спустя некоторое время на краю возвышавшегося над катером киля появился матрос, который с ловкостью кошки спустился по канату и, по данному командиром знаку, сел

около него в покачнувшемся катере.

Указывая на подозрительное судно, командир сказал ему что-то на ухо, и, когда вельбот остановился, – марсовой тихо засмеялся, показав все зубы.

Инженер прочитал на корме судна надпись «Космополитен».

Офицер в форме капитана трансатлантических судов – в виде синей куртки и шапочки, украшенной четырьмя золотыми галунами, – ждал на трапе направлявшегося к нему посетителя... Это был человек с утомленным лицом, рыжей, всклокоченной бородой и с бегающими глазами.

Он принял командира «Колорадо» сначала высокомерно, еле кивнув ему головой, и тотчас заявил о развевающемся на судне английском флаге.

– Довольно слов, милостивый государь, у меня нет времени выслушивать их, – сухо ответил командир Гезей, – принесите мне сейчас же ваши документы. Я знаю, чего мне нужно держаться, и если мне удастся через час убедиться в том, что я подозреваю здесь, то вы будете качаться на веревке на самой высокой рее вашего судна.

Эта угроза, по-видимому, не произвела никакого впечатления на командира «Космополитена»:

– Вы берете на себя, господин командир, большую ответственность, произнося подобную угрозу; вряд ли вы приведете ее в исполнение. Вам известно, чем вы поплатитесь, если посягнете на жизнь английского гражданина!

– Довольно возражений! Прикажите одному из ваших офицеров сопровождать моего адъютанта в помещения, которые он укажет вам. Соберите ваш экипаж на палубу и прикажите сделать переключку согласно вашим документам, не пропуская никого...

– Но командир – эти требования...

– Вполне законны – это я знаю. Теперь отвечайте мне на вопросы: что вы делаете в этих водах?

– Мне дано поручение принцем Монако. Вам неизвестно, что этот принц – любитель науки и покровитель ученых – предпринял в течение десяти лет целый ряд океанографических исследований... Мы измеряем здесь дно, достигающее до пяти тысяч метров глубины. Я начал мои измерения с Маркизских островов, подходил к Христмасу, Фантингу, Пальмире...

– И, конечно, к Гонолулу?

– Гонолулу находится вне области моих наблюдений, я оставил его позади...

– И вы ничего не знали о том, что там происходит?

– Абсолютно! Я отдался всецело научной деятельности и могу показать вам наши приборы для измерения глубины, наши лоты и цилиндр, с которого они спускаются, образцы песка и собранных за последние дни раковин. Еще вчера мы поймали светящуюся рыбу, не обозначенную ни в одном из наших списков, и я собираюсь написать о ней в журнал «Знание».

Командир «Космополитена» говорил плавно и с полной уверенностью.

Американец неожиданно его прервал:

– Вы не занимаетесь беспроволочным телеграфированием?

Мгновенное смущение рыжебородого господина ясно обнаружилось в движении его протянутой руки по направлению к верхушке мачт.

– Как я могу заниматься этим, командир? У меня нет рей! Мне приходилось часто сожалеть, что на моем судне не установили их, ибо такой способ сообщения был бы очень удобен для меня!

– Еще вопрос: не попался ли вам дня три назад, в сумерки, на высоте приблизительно тридцати метров над водой, аэроплан с двумя винтами и летевший с очень большой скоростью?

Когда англичанин ничего не ответил, боясь выдать себя необдуманном ответом, Гезей продолжал:

– Человек, летевший на этом аэроплане, находится здесь, около меня. Он узнал ваше судно, его окраску и оснастку. Вы видели его. Зачем же отрицать? Три человека из вашего экипажа, опрошенные каждый в отдельности, сознались бы в этом. Вы стояли неподвижно, без флага, в этих самых водах, указанных нам авиатором.

Морис Рембо ответил на немой вопрос командира Гезея, утвердительно покачав головой.

– Я не отрицаю, что находился в этих водах, так как мне поручено измерить их глубину, – ответил наконец командир «Космополитена».

И после некоторого колебания он прибавил:

– Да, мы видели аэроплан в указанное время. Он пролетел над нашей кормой. Какое же обвинение вы можете выставить против нас на этом основании?

– Очень просто – вы лгали, уверяя, что не занимаетесь беспроволочным телеграфированием. Вы лжете – этот господин видел при перелете реи на каждой из ваших мачт и целую сеть проводов, гораздо сложнее той, которая нужна на обыкновенном судне. Словом – я обвиняю вас в том, что с целью скрыть разбойничье нападение японцев на нас – вы перерезали всякое сообщение между нами и материком, производя сильные электрические волны. Вы стали сообщником нации, воюющей с Соединенными Штатами!

– Но это чистейшая выдумка, командир!

– Я видел реи на вашем судне, – холодно сказал Морис Рембо.

– Вы смешали мое судно с каким-нибудь другим, встреченным вами дальше. Вы видите мои мачты – разве на них есть реи?

– Я не вижу ни одной, – сказал командир крейсера, – но Плок сейчас осмотрит их ближе.

И обратившись к марсовому, по-видимому только ожидавшему приказания, он спокойно распорядился:

– Делай, что тебе было приказано!

Одним прыжком матрос очутился на абордажных сетках и вскарабкался на лесенку, ведущую до половины высоты всей мачты. Здесь он ступил босыми ногами в незаметные снизу выемки и в одно мгновение добрался до большого медного цилиндра, расположенного на высоте двух-трех метров от верхушки мачты.

Он разглядывал его некоторое время, скрестив ноги на мачте, но так спокойно, точно он работал на палубе, а не на высоте 15 метров. Вдруг, ухватившись руками за самую высокую мачту, он повернул и вставил верхнюю часть ее в выемку медного цилиндра.

Образовав таким образом с горизонтом угол в 30° , эта верхушка мачты превратилась в рею. Явное доказательство обнаружилось сейчас же в виде шести проводов, выступивших из невидимого желоба и соединявшихся в верхней части цилиндра, откуда они, очевидно, исчезали в канале, вырезанном внутри мачты.

– Очень остроумно! – заявил командир Гезей. – Я слышал об этой системе и очень рад, что увидел ее устройство. Вы будете сейчас же повешены, милостивый государь.

Лицо командира «Космополитена» во время всей этой работы марсового из багрового стало желтым.

Когда предательские провода выделились на небе, он пробормотал какие-то непонятные слова и неожиданно сделал прыжок назад.

Но два американских матроса не спускали с него глаз и схватили его в ту минуту, когда он хотел скрыться в одном из люков. Никто не узнал, что он намеревался совершить, если бы ему удалось скрыться. Десять минут спустя благодаря ловкости марсового тело его уже качалось на верхушке одной из мачт.

В ту же минуту с «Колорадо» прибыл на двух катерах вооруженный отряд под командой мичмана. С ним прибыл морской врач, которому было приказано определить среди экипажа людей желтой расы. Он отметил девять человек-матросов и механиков, которые были тотчас повешены, согласно старому обычаю, по рангам, то есть немного ниже своего командира.

Затем командир Гезей потребовал старшего офицера:

– Кто занимался у вас обменом телеграмм с Японией или японскими судами в Гонолулу?..

– Но...

– Я даю вам одну минуту для того, чтобы привести сюда чиновника, вероятно, специально заведовавшего этим. Иначе вы разделите участь вашего командира.

Не прошло и минуты, как командиру Гезею был представлен маленький человек с темно-бурым лицом и узкими глазами.

В это время появился адъютант Гезея. Он нашел усовершенствованные приборы беспроволочного телеграфа и среди них прибор Маркони последнего образца, распределяю-

щий депеши в определенных направлениях, затем телефоно-типографы, графически изображающие звуки человеческого голоса, огромные катушки Румкорфа, электромагниты огромной силы. Все это не имело ничего общего с изучением морского дна.

– Вероятно, при помощи страшных искр этих катушек можно поддерживать сношения между обоими материками, – сказал адъютант. – Но я не мог ничего добиться от этого господина: он уверяет, что все это нужно было для разрешения океанографических вопросов.

– Он издевается над нами, – сказал командир Гезей. – Ведь все эти приборы установлены здесь не для беседы с рыбами...

И указывая вновь прибывшему на медленно качавшиеся над палубой человеческие тела, он сказал:

– Вы сейчас же передадите при помощи шифра, который наверняка имеется у вас, японским судам в Гонолулу телеграмму, которую я продиктую вам.

Маленький человек покачал головой.

– Нет! – ответил он лаконически.

– Вы японец?

– Да! – ответил он тем же тоном.

– В таком случае вы знаете, что ожидает вас?

– Знаю!

И прежде чем кто-либо из присутствовавших успел предупредить его движение, он выхватил из внутреннего кар-

мана своего платья широкий кинжал и нанес себе несколько ударов: первый – в нижнюю часть живота, а остальные – в область сердца.

Как пласт свалился он к ногам адъютанта, с закатившимися глазами, в предсмертных судорогах.

Кинжал остался в его груди, погруженный по самую рукоятку.

– Вот настоящий японец, – сказал командир. Он обратился вполголоса к инженеру:

– Нам нелегко будет справиться с подобным врагом... Война будет беспощадна!

Затем он прибавил громко, чтобы все слышали его:

– Око за око, зуб за зуб!

Он направился к трапу и вернулся на свой крейсер.

Двадцать минут спустя «Колорадо» двинулся к Мидуэю. Около захваченного судна был оставлен миноносец «Торпеда», которому было приказано перевести взятый в плен экипаж на свое судно и заменить его своими людьми, которые будут конвоировать захваченное судно до Сан-Франциско.

Это была очень богатая добыча для эскадры, и громкие крики «ура» раздавались с судов, когда на гафеле «Космополитена» английский флаг был заменен американским.

– Разве это судно было в самом деле английским? – спросил инженер командира Гезея, когда силуэт «Космополитена» исчез на горизонте.

– Кто знает... – ответил американец.

– Морской грабеж принимает теперь различные формы! Разве мы не видим, как туземцы в настоящее время продают врагам оружие собственной работы? Нет ничего удивительного, что англичанин поступил на службу Японии, союзницы Англии. Если же он прикрывался в то же время научными исследованиями, покровительством принца Монако и английским флагом, то это еще комичнее и современнее. К счастью, на море, как вы видели, царит скорый суд! И будьте спокойны, Англия не будет протестовать!

* * *

Страшная буря свирепствовала в следующую ночь на Тихом океане.

Стоя на мостике и глядя, как волны бушевали, разбиваясь о крейсер, Морис Рембо не мог отогнать мысль о том, в каком ужасном положении он очутился бы со своим аэропланом среди разбушевавшейся стихии. Он стал бы игрушкой этого ветра, поднимавшего целые горы воды, был бы перевернут, как перышко, и исчез бы с изломанными крыльями в пучине Тихого океана.

Судьба позволила ему совершить этот перелет при пассатном ветре и прекраснейшей погоде потому только, что целью этого путешествия было освобождение Мидуэя и благополучие Кэт.

И со взором, постоянно устремленным за последние дни

на горизонт, он посылал проклятия этим слишком долго тянущимся часам и слишком медленному ходу машины, которая везла его к ней.

Когда после бури погода прояснилась, можно было при наступлении ночи различить вершину Мауна-Кеа. Они находились на расстоянии 80 миль от нее, и ее можно было узнать по появившемуся на небесном своде бледно-розовому отблеску от ее кратера.

«Колорадо» опередил теперь часов на пять или шесть сопровождавшие его суда. Казалось, нетерпение командира, удвоенное нетерпением инженера, передалось механикам. В то время как другие суда эскадры замедлили ход во время бури, большой крейсер, прорезая водяные горы, поднимавшиеся перед ним, и, продолжая свой путь, очевидно, совершенно не беспокоился о том, следуют ли за ним другие суда.

Правда, восстановленное теперь сообщение по беспроволочному телеграфу давало ему возможность ежеминутно сноситься с «Монтаной». Но было сделано распоряжение пользоваться им по возможности меньше при прохождении мимо Гонолулу и при приближении к Мидуэю для того, чтобы не привлечь внимания расположенных на островах сторожевых японских постов.

В продолжение четвертого дня все бинокли были направлены на юг.

Японские броненосцы виднелись там.

Подозревали ли они близость американских крейсеров?

Знали ли они о прибытии броненосцев, следовавших на расстоянии 24 часов пути отсюда?

Почему же не видно было их миноносцев-разведчиков вокруг острова?

Несомненно, бушевавшая в прошедшую ночь буря удержала их в порту? И пользуясь удобным случаем, командир Гезей приказал форсировать топку.

Уверенный, что его не заметят издали, так как на судне употребляется уголь, дающий мало дыма, и этот дым еще поглощался до выхода из трубы по так называемой системе «Smokeless», принятой на разведочных судах, он ушел еще дальше от «Монтаны» и второй эскадры.

В течение пятого дня «Колорадо» прошел мимо расположенного по левой стороне высокого утеса Гарднера, благодаря которому Морису Рембо удалось вычислить скорость движения аэроплана, достигавшую 165 километров в час во время полета с двумя пассажирами.

Наступила ночь, и точные вычисления показали место нахождения крейсера на $176^{\circ}22'$ долготы и $28^{\circ}37'$ широты: они двигались по параллели Мидуэя. Крепость находилась не дальше как в 160 милях на запад.

Они приближались.

С каждым оборотом винта сердце Мориса Рембо билось сильнее. Он не сходил с мостика.

В одиннадцать часов вечера командир Гезей поднялся к нему...

– Я не замедляю хода, хотя благоразумие требует этого. Мы находимся теперь одни недалеко от японцев и опередили на семь или восемь часов остальную часть эскадры. «Монтана» находится в ста пятидесяти пяти милях позади нас... Я не вполне спокоен, так как не знаю, с какими силами нам придется иметь дело. Находятся ли там два или три крейсера, как во время вашего пребывания в Мидуэе? Или же там нет никого? В таком случае крепость взята и занята ими. Эта неизвестность мучительна. Бедное дитя, затерянное в этом аду! Меня охватывает смертельный ужас!

– И меня, командир, – сказал молодой человек изменившимся голосом, – потому что я... лучше скажу вам раньше... я люблю мисс Кэт... я не умею выразить, как я люблю ее...

– Вы любите ее, – сказал старый воин, – я угадал это... но... знает ли она...

– Она знает. И это слово невольно сорвалось с моих уст, потому что я беспрестанно повторяю его про себя, это слово я услышал от нее в очень тяжелую минуту... Я верю ей... она ждет меня... или она умерла!..

И молодой человек передал брату майора Гезея прерывающимся голосом подробности трагического происшествия, во время которого с уст молодой девушки сорвалось признание.

Когда он окончил свой рассказ, глубоко тронутый командир «Колорадо» взял молодого человека за обе руки:

– Мой дорогой друг, я вижу, что Кэт и вы достойны друг

друга. Я не буду мешать тому, что устроило само Провидение... наоборот... Меня смущают только обязательства, о которых мой брат говорил и которые он взял на себя от имени одного из своих офицеров: если это была последняя воля брата, то это поставит меня в некоторое затруднение. Не знаете ли вы, Кэт говорила отцу о своих намерениях по отношению к вам?

– Не думаю, комендант был слишком слаб, и она вынуждена была скрывать, охраняя его от всякого волнения. Но...

Морис Рембо внезапно прервал свои слова и сказал сдавленным голосом, протянув руку к горизонту:

– Смотрите, командир... там блеснул свет!..

Командир протер глаза.

– Я ничего не вижу... между тем как у меня хорошее зрение...

– Взгляните... левее... Точно свет прожектора... Теперь исчез, но я уверен, что видел его раньше...

Командир Гезей взял бинокль из будки рулевого, долго разглядывал горизонт и сказал вахтенному офицеру:

– Смотрите, Фрекль!

– Я ничего не вижу, командир...

«Колорадо» продолжал свой путь еще целый час со скоростью 23 узлов. Новое восклицание инженера привлекло внимание обоих офицеров к тому же месту.

– Я снова видел отблеск... Не думайте, что это галлюцинация... Я уверен... Смотрите...

– Действительно, я, кажется, видел что-то светящееся, – сказал вахтенный офицер, – что-то быстро промелькнувшее... Это еще очень-очень далеко и как будто очень высоко... Точно молния!..

– Подождите, – сказал командир, – я, кажется, догадываюсь... это проекция светового луча на тучах... быть может, слышал... в известных случаях пользуются этим способом, и тучи служат рефлектором... Подобного рода оптический телеграф виден очень далеко. Позовите телеграфиста!

Когда последний явился, Гезей сказал ему:

– Взгляните туда, на горизонт, на небо, мой друг! Если станут появляться и исчезать световые знаки, попробуйте разобраться, нет ли в них черточек и точек азбуки Морзе?

Прошло полчаса, и телеграфист, захвативший с собой большой морской бинокль, заявил:

– Я заметил что-то напоминающее букву Н.

И тотчас он прибавил:

– Теперь – Е.

Затем через минуту:

– Вот и Р. Это, несомненно, сигналы...

Прошло несколько мгновений.

– Больше ничего не видно. Только три буквы – НЕР.

– НЕР, – повторил Морис Рембо. – Что означает это неоконченное слово?

– Во всяком случае, – сказал командир Гезей, – эти сигналы подаются кем-либо из наших соотечественников – это

не японские буквы!

– Они подаются из Мидуэя, – горячо воскликнул Морис Рембо. – Они оттуда... Мидуэй... Значит, крепость не сда-лась!

– Подождите! – закричал телеграфист. – Снова начина-ется то же слово... Н. Мы приближаемся – я вижу яснее L.

– Нет, теперь E...

– А теперь я уверен, что это L... Вот и P...

– HELP – «помогите», – объяснил Морис Рембо. – Коман-дир заклинаю вас: скорее! Это просит Мидуэй – там пришли в отчаяние.

Старый офицер наклонился к рупору, проведенному в ма-шинное отделение:

– Скорее, Гивен! Двадцать пять узлов, если можно!

Из глубины судна раздался ответ – несомненно, возраже-ние.

– Тем хуже! Воспользуйтесь запасом... Двадцать пять уз-лов, говорю вам, только на два часа!

И форштевень «Колорадо» разрезал волны, окрашенные оранжевым отблеском от миллиардов светящихся моллюс-ков, отбрасываемым на гребни каждой волны.

Еще полтора часа крейсер продолжал свой путь: его мощ-ная машина, казалось, задыхалась, и из труб вырывалось пламя, смешанное с пылинками каменного угля цвета расплавленного чугуна.

В половине второго пополудни немного левее пути, по которому следовала эскадра, показалась белая полоса, которую нельзя было принять за первые лучи рассвета, потому что заря всходила с противоположной стороны. На этот раз это был свет прожектора, и, без сомнения, прожектора с неприятельского судна. Для того чтобы не выдать преждевременно своего приближения вырывавшимися из труб снопами огня, командир «Колорадо» уменьшил скорость своего судна до 23 узлов.

Вдруг, в ту минуту, когда столб света удвоился, ярко осветив два судна, – из моря вырвался снап огня и осветил на мгновение весь горизонт заревом пожара, затем до «Колорадо» донесся глухой взрыв, продолжительный, как предсмертный вздох.

Крик ужаса сопровождал его.

Кричал Морис Рембо. Отчаяние, которого он не мог скрыть, раздирало его душу.

– Крепость только что взорвана! – сказал он прерывающимся рыданиями голосом. – Мы придем слишком поздно.

И храбрец, смело подвергавший себя большим опасностям, опустился, страшно обессиленный, на складной стул.

Но он вскочил сейчас же и, подойдя к командиру, схватил его за руки и стал умолять его:

– Умоляю вас, скорее! Торопитесь! Быть может, мы прибудем еще вовремя и... приютим... спасем уцелевших от взрыва... Это они сами подожгли свои пороховые склады... Ваш брат предписал им... У них имеется моторная лодка... Мисс Кэт, вероятно, была посажена в нее до взрыва... Может быть, она находится совсем близко от нас, в эту минуту... Спасем ее, заклинаю вас, командир!..

Он просил как ребенок, роняя слезы при каждом слове, и глубоко растроганный командир должен был собрать всю силу воли для того, чтобы не поддаться в своих решениях мольбам глубоко взволнованного молодого француза.

– Предоставьте мне действовать!

И, войдя в свой блокгауз, он разослал приказы во все концы судна.

Жизнь шестисот людей, находившихся там, была в его руках: он был в этот момент их главой, после Бога.

Было сделано распоряжение, чтобы прожектор на марсе грот-мачты был наготове для освещения двух замеченных неприятельских судов, когда они будут на расстоянии приблизительно одной мили. Артиллерийскому офицеру, командовавшему двумя орудиями передовой башенки, приказано было зарядить их снарядами, начиненными кордитом, и открыть огонь из всех орудий.

Минный офицер получил приказ быть наготове, чтобы своевременно выпустить мину из носовой части, если неприятельские суда преградят путь.

Наконец все были предупреждены, что после пальбы из орудий прожектор будет погашен, и для того чтобы сбить неприятеля с толку и дать возможность стрелять орудиям задней башенки, будет сделан поворот налево. После этого зажгут все прожекторы для того, чтобы отразить всякую атаку миноносца или контрминоносца.

Затем командир крейсера отправил на «Монтану», на миноносцы «Буйный» и «Ракета» своей эскадры и на крейсера 2-й эскадры, которые должны были следовать за ним через восемь-девять часов, следующую депешу:

«Крепость Мидуэй взорвана сейчас на наших глазах. “Колорадо” готовится к бою один против двух судов, сила которых мне неизвестна, но которые собираются высадиться на развалины крепости. Идите на всех парах, чтобы помочь мне, подобрать нас или отомстить. Гезей».

Сделав эти распоряжения, он вернулся на мостик для того, чтобы увидеть результат стрельбы. В темноте ему преградила путь какая-то тень, и послышался неуверенный голос:

– Командир, в шести милях от Мидуэя выступает над поверхностью воды скала... вы не боитесь?

– Ах! Это вы, мой дорогой инженер... Эта мысль доказывает, что вы пришли в себя... В добрый час! Что касается скалы, на которой находится гидрографический сигнал, то будьте спокойны, я знаю... остров останется далеко от нас... налево.

– Если бы вам удалось потопить этих проклятых! – про-

стонал молодой человек, охваченный новым приступом горя, смешанного с ожесточением.

– Я сделаю все возможное для этого! Мы имеем то преимущество, что являемся неожиданно, потому что в течение последних восьми дней они не рассчитывают на наше появление... Прежде чем их прожекторы откроют нас, мы всадем в их чрево целую тонну взрывчатых веществ, и если это крейсера, как я полагаю...

Командир Гезей не закончил. Прожекторы неприятельских судов только что переместились, и теперь можно было увидеть утес Мидуэя в конусе света. Освещенный полным светом, потому что японские крейсера находились не дальше как в полумиле – Мидуэй казался очень близко. Морис Рембо был очень удивлен, когда увидел, что крепость совершенно не изменила своих очертаний. Однако она была взорвана.

Он разглядел на ее верхушке выступ одной из башенок, но она была безмолвна. Флаг, вышитый руками Кэт, исчез.

На правой стороне скалы обнаружилась вертикальная стена, которой он не видел раньше. Казалось, что утес был рассечен пополам невидимым мечом Роланда.

Вдруг с марса большой мачты «Колорадо» вырвался сноп света, направленный на неприятельские суда, скользнул на мгновение по морю, и из мрака вынырнули четыре наполненных людьми катера, из которых два еще не успели оторваться от корпуса крейсера. Крейсер стоял на траверсе, яр-

ко освещенный и повернувшись носом к крепости.

Он представлял прекрасную мишень для стрельбы.

Прошло несколько минут, показавшихся Морису Рембо бесконечными.

Чего выжидал этот артиллерист, не открывая стрельбы из обоих орудий? Ответ был ясен: он хотел стрелять только на-верняка; близость мишени позволяла это.

Произошло что-то ужасное!

Оба выстрела грянули одновременно, и весь корпус «Колорадо» вздрогнул.

Два чудовищных снаряда, каждый весом в 470 килограммов и начиненный 280 килограммами взрывчатого состава, врезались одновременно в борт неприятельского крейсера. Два столба дыма сейчас же указали место, где взорвались оба снаряда, разбрасывая вокруг себя, среди страшного вихря воспламенившихся газов тысячи осколков стали.

Было вполне очевидно, что эти оба выстрела смертельны и что, взорвав котлы, они моментально выведут судно из строя. И командир Гезей, отдав рулевому распоряжение повернуть налево, тотчас резко изменил свои первые распоряжения.

Морис Рембо услышал, как он кричал в рупор:

– Направьте сейчас же оба прожектора в сторону на только что обнаруженные катера, нагруженные людьми, палите в них из всех имеющихся в распоряжении орудий и митральез!

Затем он прибавил:

– Откройте огонь из кормовой башенки по второму крейсеру.

Когда он кончил эту фразу, к нему явились с подробным отчетом:

– Обратите внимание, командир! Мина из подводной части пущена! Хорошая траектория!

Хорошая траектория – это значило, что приблизительно через 40 секунд можно рассчитывать увидеть, как мина взорвется у пробитого ранее 305-миллиметровыми орудиями крейсера.

Жених Кэт, с которым командир тотчас поделился доставленной ему вестью, ждал со сжатыми зубами и с широко раскрытыми глазами. Вдруг из глубины японского крейсера брызнул столб воды вышиной до 20 метров. Казалось, что судно было приподнято страшным подводным сотрясением; затем видно было, как крейсер накренился направо...

Его палуба была покрыта подвижными черными точками. Обе башенки показали свои колпаки и выступавшие из них длинные дула орудий, обозначились параллельно, точно две зрительные трубы огромного бинокля.

Крейсер стал крениться быстрее и его мачты опустились в воду.

Прежде всего скрылись в воде его марсы, потух находившийся на одном из них прожектор, и внезапно все судно исчезло в водовороте.

– С одним – кончено! – сказал командир Гезей металли-

ческим голосом. – Примемся за второй!

Он взял из рук рулевого рычаг, для того чтобы предотвратить слишком быстрый поворот, который не дал бы возможности центральной артиллерии продолжать стрельбу по катерам, переправлявшим к Мидуэю десант. Орудия правого фланга уже гремели вдоль всего борта, с пробитых катеров сыпались груды людей в бушующие волны; другие катера старались скрыться налево и выйти из полосы света, отдававшего их во власть целого урагана картечи.

Это напоминало Морису Рембо тот момент, когда он был свидетелем, как японцев ошеломил неожиданный свет прожекторов Мидуэя, ярко осветивший на угольной площадке колонну, готовую к атаке. Острая боль, сжимавшая его сердце, смягчилась при виде горячо желанной расправы с врагом. Но эта боль охватила его несколько минут спустя еще сильнее, глубже, потому что ни совершившееся на его глазах кровопролитие, ни вполне удовлетворенное чувство мести не могли заменить ему это грациозное и прекрасное существо, признание которого, полное сдерживаемой страсти, еще звучало в его ушах. Жертвы, возжигаемые в память усопших, не возвращают их к жизни... Где она находится среди этого ада? В уцелевшей ли от взрыва части Мидуэя? Или она качается в крепостной моторной лодке, или погибла от страшного взрыва пороховых газов?

В голове его засела только одна мысль: высадиться в Мидуэе, обежать все развалины, все разрушенные казематы, ис-

кать ее повсюду, призывать ее в отчаянии.

Он присутствовал точно во сне до конца этого сражения, во время которого действовали орудия и мины только одной из сражающихся сторон, так как японцы были лишены возможности отражать удары.

Он услышал новый залп из двух орудий второй башенки, но не мог видеть его действие, так как «Колорадо» повернулся кормой к Мидуэю. И молодой человек, ослепленный светом прожекторов, мог теперь разглядеть с мостика только молочно-белую полосу утренней зари на отдаленном горизонте.

Его охватило бешенство. Стоило явиться сюда часом раньше – и крепость не была бы взорвана.

«Колорадо» опоздал только благодаря адмиралу Гопкинсу, заставившему «убить» несколько часов на захват «Космополитена». Разве он не мог возложить эту обязанность на следующую эскадру или на специально снаряженные для этой цели миноносцы? Если бы «Колорадо», выиграв четыре часа, явился сюда при наступлении ночи, то комендант крепости не привел бы в исполнение вызванный отчаянием взрыв, завещанный майором Гезеем на смертном одре. Кто был комендантом? Несомненно, капитан Бродвей... И нетерпение молодого человека росло.

– Заклинаю вас, командир! Прикажите спустить катер и отвезти меня к крепости... Я справлюсь там... Если она еще в крепости, я найду ее... Может быть, японцы уже высади-

лись...

– Мы поедем вместе... Немного терпения, я закончу мое дело...

Второй крейсер исчез на западе, накренившись на правый борт, также смертельно раненный.

Было бы бесполезно преследовать его; приближающиеся полным ходом миноносцы эскадры подойдут к нему и без пощады изрешетят его.

Всякое разбитое судно делается добычей миноносцев.

Роль «Колорадо» состояла теперь в том, чтобы обыскать при помощи прожекторов горизонт, так как могли обнаружиться новые противники, привлеченные орудийной пальбой.

До появления «Монтаны» командир Гезей должен был держаться на шпринге в виду Мидуэя, как готовый броситься дог...

Верный своему долгу, дядя Кэт велел снарядить катер и отвезти Мориса Рембо в крепость и, несмотря на страшное желание, не мог сам сопровождать его.

Восемь вооруженных матросов, под командой старшего, получили приказ сопровождать инженера, повиноваться его приказаниям и оберегать его от всяких случайностей.

* * *

Вельбот причалил в небольшой бухте, где две недели тому

назад расположилась лодка дирижабля.

Светало.

Инженер без труда нашел крытую дорожку, разрытый перекресток, вход в крепость.

Он подошел к краю крепостного рва; подъемный мост был поднят, но противолежащая стена была вся изрыта снарядами. Выступавший над дверью металлический редут, откуда рефлектор освещал входы в крепость, был разрушен: снаряд большого калибра разворотил его в упор.

Молодой француз стал звать.

Он выкрикнул во весь голос лозунг, брошенный его другом Форстером, когда защитники крепости уже целились в них:

– Соединенные Штаты! Соединенные Штаты! – Ему не пришло в голову, что он поступает неблагоразумно, рискуя быть встреченным выстрелами американцев, могущих принять его за японца, или же японцев, если они уже высадились внутри укреплений.

Но крепость безмолвствовала. Она была безмолвна и все еще неприступна.

Ров преграждал всякий доступ с этой стороны.

Морис Рембо вспомнил, что пороховой склад, по крайней мере, известный ему, был на другом бастионе...

Вероятно, с той стороны образовалась брешь и оттуда можно проникнуть в крепость.

Пройдя по крытой дороге среди бесчисленных обвалов,

он добрался до угла, где прятался садик Кэт. Кое-где еще уцелели среди обломков скалы и разбитых горшков полумертвые стебли цветов.

Больше не осталось ничего от светлого уголка, покрытого зеленью и созданного женской рукой в этой расщелине скалы.

Казалось, даже привезенная с таким трудом из Калифорнии плодородная земля была развеяна дождем ядер.

Бедный садик Кэт!

За ним чернела разрытая, разрушенная взрывом стена.

В каменной стене образовалось огромное отверстие, и ров был на три четверти засыпан обломками, среди которых можно было различить осколок свалившегося с башенки стального купола.

Этим путем можно были проникнуть в Мидуэй.

Молодой человек направился к выбоине, переступил часть обвалившейся целым куском стены и вошел в обширное помещение с низкими, отчасти обрушившимися сводами.

Его глаза свыклись с темнотой и разглядели два параллельных бассейна.

Теперь он понял, что находится в каземате с водоемами.

Полузасыпанный обломками свода бассейн, содержащий последний запас воды для гарнизона, почти совершенно высох.

В то время как он инстинктивно заглядывал туда, совсем

близко раздался выстрел: один из сопровождавших его матросов, оставшийся у входа в помещение, выстрелил в притаившегося среди развалин японца, притаившегося в скалах.

Значит, они высадились? Когда же? Находятся ли они здесь уже в течение нескольких дней или же явились после взрыва? Морис Рембо не останавливался на разрешении этого вопроса, он не обратил внимания на последующие выстрелы. Это стрелял скрывшийся за обломком каменной стены японец.

Он двигался вперед, как автомат, думая о Кэт, тихо призывая ее и приняв твердое решение обыскать все уголки крепости для того, чтобы найти ее – живую или мертвую.

Он натолкнулся на уцелевшую среди развалин лестницу с исковерканными взрывом перилами. Высеченная в скале, она не поддавалась разрушению.

По ней поднялась обеспокоенная девушка в тот день, когда было обнаружено, что водоемы опорожнены. И, поднявшись с ней по этой лестнице, ее отец приказал офицерам, встревоженным предстоящим недостатком воды: «Господа! Мы исполним наш долг до конца!»

И эти развалины красноречиво свидетельствуют, что эти слова француза старого закала не были пустой фразой.

Он исполнил свой долг до конца!

Не сделал ли он даже больше, чем можно было сделать!

Эти воспоминания представлялись молодому человеку очень отдаленными. Прошло не более двух недель, но со вре-

мени гибели «Макензи» ему пришлось пережить столько событий и драм, столько радости и горя, что все смешалось в его памяти, все, кроме воспоминаний о ней.

Он пробирался среди развалин, задыхаясь, и с подкашивавшимися ногами поднялся по лестнице.

Здесь он должен был ждать, пока люди расчистят первую площадку, а затем продолжал свой путь. Он подошел к двери, в которую стучался столько раз с бьющимся сердцем, придумывая во время постройки аэроплана десятки предложений для того, чтобы проникнуть сюда.

Дощечка с надписью «Комендантское управление» еще сохранилась. Дверь, наполовину сорванная, держалась на одной только петле.

Морис Рембо толкнул ее и вошел.

Ему казалось, что Кэт покажется сейчас навстречу, как она входила много раз, на цыпочках, чтобы не разбудить раненого, лежащего на кровати, там налево у стены.

С правой стороны находился стол, на столе – оружие и над ним отрывной календарь.

Кровати теперь не было. Свод дал трещину во всю длину. Выходившая к морю стена, в которой находилась амбразура, закрывавшаяся чугунной ставней, совершенно обрушилась под откос.

Утренний свет вливался в комнату; первые лучи солнца упали на стол, где еще лежали какие-то бумаги, покрытые щебнем.

Календарь висел на стене, и на нем виднелось число отправления аэроплана: 13 июня.

Не умышленно ли оставлено это число?

Морис спросил себя, какое число сегодня?

Он не знает; его охватила страшная усталость, и потребовалось большое усилие, чтобы вспомнить все.

Одни сутки прошли, пока он добрался до вулкана; 11 часов потеряли на берегу кратера. Затем еще один день и одну ночь он употребил для достижения материка... Шесть дней было употреблено на обратный путь – на «Колорадо»... Всего прошло девять дней.

Исполнил ли он свое обещание?

Сегодня 22 июня...

Он явился на свидание аккуратно...

Но где же она?

Очевидно, комната была покинута добровольно, так как она в числе других должна была подвергнуться разрушению от взрыва.

И, конечно, сама Кэт сняла и взяла с собой висевшее над кроватью распятие. Где же она?

Он очутился на площадке лестницы.

Здесь они обменялись первым поцелуем как жених и невеста, не подозревая, что из глубины противоположного коридора их видел лейтенант Спарк.

Могила унесла эту тайну вместе со многими другими.

Он громко позвал. Он знал, что она не ответит ему, но

все-таки он звал в отчаянии:

– Кэт! Кэт!

Вот лестница, ведущая к башенкам. Он поднялся по ней. По этой лестнице он спустился с потерявшей сознание девушкой на руках в тот день, когда ее отец упал, пораженный в грудь осколком снаряда. Здесь он прислонил ее к стене, пока она не пришла в себя. Здесь он осмелился в первый раз, когда она была без сознания, назвать ее по имени.

Он вышел на платформу и прежде всего ему бросился в глаза флаг Кэт.

Значит, японцы не попали на верхушку крепости, иначе они сейчас же завладели бы этим трофеем.

Флаг был сброшен взрывом, образовавшим внутри крепости настоящий колодезь. Материя, в которую она так изящно драпировалась, свешивается – оборванная и почерневшая – на краю образовавшегося откоса, поглотившего одну из башенок. Взорванный пороховой склад находился здесь, в глубине этого колодца...

Все действие пороха было направлено снизу вверх.

Остальные две башенки стояли со сбитыми куполами; дуло одного из орудий было обращено к небу.

Очевидно, японские орудия заставили навесным огнем тяжелую крепостную артиллерию прекратить свои действия еще несколько дней тому назад, и с тех пор неприятельские суда могли подходить близко. Их более меткая бомбардировка загнала гарнизон в лучше защищенные помещения, отда-

лила его от резервуара с последним запасом воды, и таким образом крайний срок их сопротивления наступил раньше, чем это предвидел майор.

Но где же оставшиеся в живых? Ведь, наверное, некоторые уцелели. Где же Кэт? Но раньше, чем искать ответ на этот вопрос, Морис Рембо поднял флаг Кэт.

На минуту у него явилась мысль унести его. Но место этой эмблеме, политой кровью стольких храбрецов, здесь, на вершине скалы, которую горсть доблестных людей сберегла для своей родины – Америки.

При помощи сопровождавших его двух матросов он прикрепил к сломанной у основания мачте порванный флаг, звезды которого продолжали сверкать под лучами яркого утра.

Затем мачта была установлена в скважине разбитой башенки и вот он снова развевается при легком ветре Тихого океана.

Его заметили снизу.

«Колорадо» находится там, в нескольких кабельтовых от рифов.

Восторженные крики неслись к звездному флагу, а экипаж и не подозревал, что рука француза подняла его. От борта судна отделилась лодка, на которой сверкали оружие и мундиры.

Вдали, в сверкающих лучах солнца, показываются суда. Это «Монтана» и остальные миноносцы приближаются на

всех парах.

Америка спешит утвердиться на одном из отдаленных своих островов. Ее склад угля не тронут, и американский флаг остался неприкосновенным.

Вдруг с другой стороны острова послышались новые возгласы «ура!».

Казалось, что эти крики являлись отзвуком первых. Они раздавались со стороны грота, который должен был служить убежищем для дирижабля, и откуда отправился аэроплан. Морис, спустившись с платформы, побежал к другой стороне узкой горы и увидел людей в форме хаки вперемежку с синими куртками матросов с «Колорадо».

Вот они, оставшиеся в живых, Кэт находится, конечно, среди них...

И, охваченный безумною радостью, он прыгнул на лестницу, пробежал позади грота, где среди скал моряки и солдаты трогательно изливали друг другу душу.

Их было здесь 22 солдата – все, что осталось от гарнизона в 140 человек.

И ни одного офицера – все погибли, один за другим в башенках, где они должны были подавать пример оружейной прислуге, чтобы удержать ее среди грохота в течение весь день снарядов...

Один только капитан Бродвей, раненый, был еще жив накануне. Это он взял на себя поджечь пороховой склад, сказал один артиллерист.

И он не уцелел.

Морису Рембо пришлось собирать все эти сведения обрывками, и ему передавали то, о чем он не спрашивал.

Но никто не мог ему сообщить о том, что интересовало его больше всего.

Он спросил громким голосом:

– Мисс Кэт нет здесь?

Нет, ее не было. Никто из присутствовавших не видел ее и не знал, где она находится.

Вот и командир Гезей высадился из лодки, пожимает руки всем оставшимся в живых, поздравляет их, расспрашивает.

Он задает им тот же вопрос:

– А дочь коменданта? Комендант?

Возможно ли, чтобы эти люди не знали, куда они девались?

Раздался чей-то голос:

– Ах, комендант умер третьего дня!.. И солдатам была прочитана записка, приказ капитана, извещавший о предстоящем перенесении тела коменданта в машинное отделение. Мне было приказано сделать гроб. Затем вышел приказ немедленно очистить казематы и укрыться в гроте. Я не успел даже приступить к сколачиванию гроба... Правда, не было возможности дольше защищаться с тех пор, как японцы были близко. Они осыпали нас в упор целыми тоннами их разрушительных снарядов. Ничто не может уцелеть, когда снаряды пускаются один за другим... Вы видели наши

сигналы?

– О помощи – да, мы увидели их на расстоянии семидесяти миль...

– Это телеграфисту пришла в голову мысль направить лучи нашего последнего прожектора на тучи: он слышал, что их можно увидеть очень далеко... Значит, они в самом деле отразились на тучах? Как это удивительно!

Но Морис Рембо не слушал больше. Обеспокоенный отсутствием сведений, он хотел снова пройти в крепость и постараться проникнуть в машинное отделение, но вдруг увидел одного из рабочих, принимавших участие в постройке аэроплана.

– Это вы, Джексон, – вы уцелели?

И он не мог сказать больше ни слова, так как солдат узнал его и буквально бросился ему на шею в порыве охватившей его радости.

– Это француз! – кричал он. – Это он! Я был уверен, что он доберется и вернется... Ах! Я был там, наверху, когда вы улетели... Глядя, как вы мчались с такой быстротой и так быстро превратились в еле заметную точку, я сказал: он спасет нас всех!

– Не всех, мой дорогой Джексон, вас осталось немного...

– Да! Последние дни были ужасны! До двадцати убитых в день... Точно японцы чувствовали, что вы прибудете скоро...

– Неужели никто из вас не знает, куда девалась дочь ко-

менданта и ее старая гувернантка?

– Барышни... мы не видели больше... Она была так внимательна к раненым, но у нее не хватало времени... ее бедный отец был так болен! Когда нам приказали удалиться в грот, потому что будет взорван пороховой склад, то ее не было среди нас... Быть может, капитан посадил ее ночью в лодку, вы знаете маленькую моторную лодку, стоявшую за угольной стеной? Мы называли ее флотилией Мидуэя!

– Действительно... я был только что там и не видел ее...

– Вероятно, так и было... Но это очень рискованно, японские суда так близко от нас, и их миноноски все время шныряли вокруг острова!..

– Капитан был с вами во время взрыва?

– Нет, он-то и поджег пороховой склад. Он был уверен, что не уцелеет, потому что попрощался со всеми... Затем за несколько минут до двух часов утра он пришел сказать нам, что лучше не оставаться в гроте и спрятаться среди скал... И мы вышли оттуда как можно скорее... Вот благородный человек, думавший в такую минуту только о нас...

Послышался другой голос, прерывающийся при воспоминании о пережитых волнениях:

– Нет ничего страшнее... когда ежеминутно ждешь взрыва... здесь... совсем близко! В такие минуты думаешь только о себе... Но не было, в конце концов, так страшно, как мы ожидали... Кроме двух товарищей, которые были раздавлены упавшими сверху обломками скал, – мы мало пострада-

ли, а бедная барышня была бы в большей безопасности среди нас, чем на воде. Она, наверное, была посажена в лодку...

– Да, вероятно, – повторил Джексон. – Гиль, управлявший лодкой, тоже исчез, а я видел его невредимым еще вчера вечером.

Затем он обратился к командиру Гезею, говоря:

– Но, командир, всем нам было бы хорошо поесть и особенно попить... тридцать шесть часов у нас не было во рту ни маковой росинки...

– Садитесь в катер – вас свезут на крейсер... Итак, вы думаете, что в крепости больше никого не осталось?

– Вы найдете там только убитых японцев. Человек двадцать из них было там, когда капитан взорвал крепость!..

– Вы знаете, каким путем можно добраться туда, дорогой инженер? – спросил командир подавленным голосом. Горе, в которое повергла его неизвестность о судьбе племянницы, мешало ему радоваться своей блестящей победе.

– Я был там...

– Это вы водрузили флаг?

– Да, флаг вышитый ее рукой...

– Бедная девочка, я видел, когда она начала его вышивать... Когда я осмотрю все там наверху, то разошлю лодки по всем направлениям...

– Поздно, командир! Вероятно, она попала в руки японцев... Ужас... ужас... Страшнее нет ничего...

И слова его были прерваны рыданиями.

Надежда, еще недавно наполнявшая его душу, исчезла навсегда.

Солнце стояло высоко, когда командир «Колорадо» вглядывался вдаль, стоя с морским биноклем в руках на вершине Мидуэя.

«Монтана» только что прибыла, и два американских миноносца уже крейсируют на западе в погоне за разбитым японским крейсером.

Успокоившееся море слегка плещется и на нем выделяется, точно серебристый шлейф, борозда от их форштевня.

На востоке серые полосы дыма заволакивают сверкающее лазурью небо и оповещают о прибытии второй эскадры, быстро направляющейся к освобожденной крепости.

Очень далеко, на юге, медленно движутся черные точки – это, несомненно, японские миноносцы, следящие за невидимыми судами...

У подножия крепости свален в кучу драгоценный уголь, для которого была построена и разрушена эта крепость, были принесены в жертву все эти жизни и собрались все суда.

Защитники Мидуэя надеялись отстаивать и сохранить его до последней минуты.

И они не начинали, не пытались уничтожить его.

Благодаря собраным здесь тысячам тонн один из народов, борющихся за первенство на обширном океане, сохранит свои берега неприкосновенными и перенесет войну, когда пожелает, на территорию своего противника.

Увидев своими глазами этот важный результат, командир Гезей не смел оплакивать своего любимого брата, погибшего славной смертью. Его смелый взор устремлен вперед, к тем берегам, куда через несколько дней направится его крейсер для того, чтобы проучить дерзких японцев.

Но раздавшееся близ него подавленное рыдание вернуло его к действительности. Молодой француз, равнодушный к честолюбивым замыслам «великой Америки», стоя перед безбрежным океаном, поглотившим любимую девушку, для которой он перелетел через океан и подвергал себя опасностям, не испытанным остальным человечеством, – оплакивал свою погибшую любовь и рассеявшуюся мечту.

Эпилог

Миноносец «Кэртридж», принадлежавший ко второму отряду прибывших крейсеров, собирался на рекогносцировку на север.

И в самом деле было очень важно, чтобы «Колорадо» и «Монтана», подкрепленные теперь крейсерами «Теннесси» и «Вашингтон» и образующие передовой отряд американского флота, были вовремя осведомлены о всяком новом приближении неприятеля. Нужно было предвидеть, что другие японские суда находились на пути к Мидуэю и попытаются отомстить за большое поражение, нанесенное им в прошлую ночь!

В отвоеванной крепости кипела теперь работа, как в муравейнике.

С крейсеров высадили до 50 канониров, которые лихорадочно работали над исправлением трех орудий большого калибра, сброшенных с лафетов, но признанных неповрежденными. Боевые запасы были доставлены с судов. Другие матросы чинили железнодорожный путь в крытой дороге – одним словом, старались подготовить крепость к новой атаке, если бы превосходящие силы неприятеля вынудили американский авангард примкнуть к бронированной эскадре, отступив от крепости.

В то же время крейсера быстро принялись за главную ра-

боту – возобновление запасов угля.

Между островом и каждым из крейсеров установили прибор Темперлея, дающий возможность судам снабжать друг друга во время пути углем в открытом море. И наполненные углем корзины двигались, скользя вдоль двойных кабелей, возвращавших на остров пустые корзины.

Было пять часов вечера.

Лейтенант, командовавший «Кэртриджем», спустился с «Колорадо», где командир Гезей нашел нужным сделать свои распоряжения лично, так как миноносец должен был провести последнюю ночь в авангарде.

Морис Рембо следовал за ним, совершенно растерянный.

Он вернулся из крепости, где блуждал повсюду, отыскивая безнадежно ту, которая была для него душой этой опустошенной крепости.

Он не мог проникнуть в совершенно засыпанное машинное отделение. Нужно было несколько часов усиленной работы для того, чтобы очистить вход от обломков. Ему дадут знать на «Колорадо», когда сложная работа по укреплению свода будет закончена.

Но молодой француз не ожидал ничего нового от этого посещения машинного отделения.

Можно было, не проникая внутрь, позвать из-за развалин, засыпавших вход. И он огласил именем Кэт и ее старой гувернантки разрушенные своды. Никто ему не ответил, и он был уверен, что в этом редуте, служившем когда-то центром

крепостной жизни, находилось только тело несчастного майора.

Морис Рембо, пораженный горем, которое все разделяли с ним, слушал, как во сне, отдаваемые при нем приказания.

При прощании лейтенант-командир заметил:

– На скале, обозначенной на наших картах в шести милях на норд-норд-осте и которую я заметил, проезжая невдалеке – не видно гидрографического сигнала, установленного там. Вероятно, японцам было на руку уничтожить его и таким образом помешать выверке прицела крепостных орудий. Быть может, нужно восстановить этот сигнал – я ведь буду проходить мимо...

– Вы правы, Смит, – он служил прицелом для канониров с башен. Он состоял, вероятно, из простого столба, который легко поставить...

– Кстати, – сказал командир, обращаясь к молодому французу, – на этой скале вы укрылись после кораблекрушения «Макензи». Вы рассказывали мне, господин Рембо, что воспользовались верхней дощечкой сигнала для руля на вашей лодке?

Молодой француз как бы проснулся. Он услышал только: скала... убежище в день кораблекрушения...

И вдруг он вспомнил свой разговор с Кэт накануне отъезда на аэроплане.

Она заставила его рассказать более подробно, чем раньше, все перипетии гибели «Макензи». И так как из амбразуры

каземата, где они находились, видна была упомянутая скала, то она взяла бинокль отца и стала искать из-за полуоткрытой ставни, маленькую точку скалы.

Наконец она нашла ее и заметила:

– Как таинственна медленная работа сил природы! Миллиарды и миллиарды инфузорий работали веками на дне морском для того, чтобы воздвигнуть из воды скалу, и этот труд бесконечно малых существ повлиял на судьбу человека!

Он не пробовал тогда вникать в высказанную ею мысль, решив, что она имела в виду спасение потерпевших крушение на «Макензи».

Теперь он понял.

Она любила его и под судьбой человека подразумевала свою судьбу, так как убежище в скале спасло человека, которого ей суждено было полюбить.

Все эти воспоминания, воскресшие с такой ясностью в мозгу, вдруг озарили его.

Перед взором мелькнуло светлое, ясное видение – Кэт ждала его там, на затерянной скале!

Качаясь в лодке, куда ее посадил капитан Бродвей для того, чтобы спасти ее во время взрыва крепости – она, наверное, вспомнила в своем отчаянии об этом островке. Она направилась туда не столько для спасения от японских миноносцев, сколько для того, чтобы найти там что-нибудь, напоминавшее любимого ею человека.

Морис Рембо больше не сомневался. Что-то вроде телепа-

тической связи, не отрицаемой теперь наукой, установилось между ним и другой душой, которую он чувствовал в своей душе.

Он быстро поделился своей мыслью с командиром.

И только из сочувствия к горю француза командир сделал вид, что поверил в возможность этого предчувствия.

Пригласив командира миноносца, находившегося уже на вельботе, собиравшегося сопровождать «Кэтриндж», дядя Кэт попросил его взять с собой инженера. Пока Морис Рембо спускался по трапу, как автомат, Гезей вполголоса в нескольких словах сообщил лейтенанту о душевном состоянии инженера.

* * *

Скала выростала на их глазах. Стоя на носу миноносца, Морис Рембо испытывал непонятное волнение, точно его кто-то загипнотизировал. Кэт там!

Он был вполне убежден в этом.

Когда он закрывал глаза, ему казалось, что он видит ее, и все его существо с невероятной силой стремилось к этой точке.

Если же он ошибся и стал жертвой галлюцинации – что-то навеки умрет в его душе.

Скала уже близко. «Кэтриндж» замедлил ход.

Командир приказал спустить на воду маленькую шлюп-

ку с двумя матросами, предназначенную исключительно для француза, которому он хотел облегчить тягостное путешествие. Сидя у руля, Морис Рембо искал глазами расщелину в скале.

Он направил к ней лодку, без всякого колебания вошел в небольшую бухту, где он провел с Фостером целый день, наблюдая за японскими судами, и вдруг... испустил безумный крик...

Он увидел там белое пятно, прислонившееся к скале и выделявшееся на темном фоне гранита, это пятно двигалось...

В это самое время в ответ на его крик послышался потрясающий до глубины души возглас:

– Морис!

И он бросился туда, не имея сил произнести ни слова. Он схватил девушку в свои объятия и отнес ее в лодку; золотистые локоны ее рассыпались по плечам. Она закинула обе руки на его шею, плакала и смеялась от радости...

– Морис... вы!

У присутствовавших при этом матросов навернулись на глаза слезы при виде отчаяния, так неожиданно перешедшего в радость. Они стали грести с удвоенной силой.

При выходе из расщелины девушка заметила миноносец и отодвинулась, краснея.

– Ах! Морис!

Теперь только он стал ее спрашивать.

Неужели она была на этой скале одна – он не видал нико-

го...

И действительно, с ней не было никого.

Где же лодка? А сопровождавшие ее?

Где же старая гувернантка, которая должна была находиться около нее...

Куда они девались?

– Бедная Оливия! – сказала она. – Я расскажу вам. Нет, ее не было со мной! Но где же Гиль и рулевой... вы их не видели? Разве они не в Мидуэе? – спросила она.

– Нет, – сказал он удивленно.

– Значит, они попали в руки японцев. Я боялась за них. Когда мы услышали ночью пушечные выстрелы, то догадались, что это явились наши суда. И рано утром оба солдата решили добраться до Мидуэя; я умоляла их остаться и ждать. Но они уверяли, что видят много судов и наверняка американских... Суда могут уйти на восток, не подозревая, что мы здесь, – необходимо предупредить их, иначе мы лишимся единственной возможности покинуть эту скалу... Я объяснила, что останусь здесь. Они уехали, оставив немного припасов и обещая приехать за мной. Но когда вы появились здесь, я и не подумала, что это они вернулись сюда. Я вся была поглощена воспоминаниями о том, что напоминала мне эта скала, где я провела ночь так же, как и вы, и мне казалось порой, что вы сейчас появитесь здесь! Морис, и вы здесь, около меня! Да будет благословенно Небо!

Шлюпка причалила. Лейтенант судна был крайне удив-

лен.

Он был свидетелем необыкновенной уверенности молодого француза во время поездки к скале, и теперь эту уверенность оправдало присутствие мисс Гезей.

Он почтительно поклонился девушке, бледное лицо и блестящие от внутренней радости глаза которой еще увеличивали ее красоту. Он предложил к ее услугам всю каюту для приведения в порядок ее туалета и затем приказал плыть к Мидуэю.

– Я не верил никогда в явления телепатии, – сказал он совершенно преобразившемуся от счастья молодому человеку. – На этот раз я вынужден признать какой-то магнетизм, действующий на расстоянии, точно неведомый ток, дошедший от мисс Гезей к вам. Нельзя иначе объяснить вашу уверенность найти ее здесь... Мне говорили не раз о подобных явлениях, например случаи, когда люди узнавали о смерти родственника и друга, находившегося далеко, благодаря особому предчувствию, появляющемуся именно в минуту смерти или несчастного случая. Но настроенный скептически, я мог поверить этому только при наличии факта. Теперь я поверил...

Кэт поднялась на палубу с подобранными волосами, обрамлявшими ее лоб и небесно-голубые глаза. И оставленная морским офицером наедине с Морисом в рубке, она стояла с ним рука в руку и рассказывала ему о событиях, происшедших в Мидуэе за последние девять дней...

– Душа моя была полна надежды после вашего отлета, – сказала она. – Я следила за вами до самой крайней точки на горизонте. Ваша спокойная уверенность в момент отъезда, быстрота полета, – все обещало мне, что вы вернетесь... Но японцы, вероятно, также разделяли эту надежду, и с этого дня бомбардировка возобновилась со страшной силой. Первой жертвой пал лейтенант Спарк... Затем наши орудия на бастионе, расположенном против входа, были повреждены. И не опасаясь больше выстрелов с этой стороны, они подошли ближе, и их снаряды лишили эту часть крепости возможности защищаться. Казематы были очищены. Затем число раненых и убитых увеличивалось с каждым днем, и отец догадался, что Мидуэй не продержится до конца. Эта мысль ускорила его смерть. Его дыхание становилось все тяжелее, нужны были вдыхания кислорода, но доктор был убит накануне...

Она замолчала на мгновение и затем продолжала сдавленным голосом:

– Он взял меня за руку... благословил меня. Он был еще в полном сознании, когда я просила его благословить и вас... Он взглянул на меня своими впалыми глазами человека, не принадлежащего больше этому миру, и я почувствовала его немой вопрос... Я ответила рыдая: я люблю его... благословите нас! Я встала на колени, он положил свою руку на мою голову, и когда я подняла глаза, – душа его уже отлетела...

Кэт разразилась рыданиями и как бы ища инстинктивно

защиты, положила свою голову на плечо жениха, страстно прижавшего ее к себе.

– На следующий день, – продолжала она, – все солдаты гарнизона продефилировали перед ним и целовали его лоб: он так желал... по старому обычаю Франции... Затем капитан Бродвей сказал мне, что наш каземат расположен над пороховым складом и поэтому лучше перенести тело отца в машинное отделение. Я сидела около него еще следующую ночь, но совершенно разбитая от усталости и волнения – я жила одними нервами. Тогда мне сообщили о смерти бедной Оливии... Ей также пришлось оставить свою комнату, находившуюся рядом с моей... Но она имела неосторожность вернуться в комнату за какими-то забытыми вещами, она не подозревала, что снаряд, наполненный ядовитыми газами, только что взорвался вблизи, и газы проникли в комнату. После того как она долго не появлялась, ее стали искать и нашли мертвой. Яд так быстро способствовал ее разложению, что пришлось уже в ближайшую ночь бросить ее в море. Мы вынуждены были хоронить таким способом всех наших покойников... Бедная Оливия – она жила у нас так долго... И какая смерть...

Кэт снова замолчала, устремив свой взор в прошедшее. Морис не сводил с нее глаз. Уверенность в своем отвоеванном счастье придала ее прекрасному лицу выражение какого-то спокойствия, подернутого печатью горя и слез. Ее бледное лицо напоминало своим чудным выражением «Жанну

д'Арк во время коронации», которая, опершись на свое копьё и забыв о воинственных похождениях, видит только завершение своего подвига: дофин, получает священное помазание и возведен в короли.

Кэт продолжала, и ее бесконечно нежный голос доносился как бы издалека:

– Я была в страшном беспокойстве об отце: я опасалась, что ежеминутно могут явиться и похоронить его таким же способом, как и всех остальных, и нельзя будет прийти на его могилу, помолиться, принести цветов. Но капитан Бродвей угадал мои мысли; он уверил, что для отца будет сделано исключение, потому что он надеется, на прибытие эскадры и можно будет перевезти тело в Калифорнию. Он распорядился приготовить гроб... Дальше я не знаю ничего из того, что произошло за последние двенадцать – пятнадцать часов. Я погрузилась в непреодолимый, глубокий сон и спала в кресле около него. Я вспоминаю только, точно во сне, затем явился капитан Бродвей раненый, с перевязанной рукой, и, взяв меня за руку, велел попрощаться в последний раз с отцом, сам поцеловал его после меня, затем мы спустились в грот. И в душе моей проснулись воспоминания о том, что мы пережили там вместе... Капитан объявил мне, что для него настал час исполнить данное моему отцу обещание – взорвать южный пороховой склад, так как японцы стали высаживаться на той стороне. Спустилась ночь. Он проводил меня к маленькой бухте, помог мне сесть в моторную лодку

и приказал двум солдатам направить ее в противоположную от готовых к бою японских судов сторону. Затем вручил мне пакет с просьбой передать его жене...

Девушка замолчала, нервно вздрагивая при одном воспоминании обо всех пережитых ужасах.

– Дорогая, милая, – сказал молодой человек вполголоса, – какое счастье должно выпасть на вашу долю в будущем в награду за все это?

– Оно уже выпало на мою долю, – сказала она, вытирая наполненные слезами глаза. – Я хотела остаться. Но капитан уверял, что это было одним из последних желаний отца, – одним из последних приказов, который он обязан исполнить. «А вы, – сказала я ему, – что делаете?» Он печально улыбнулся. «Мой последний час настанет, когда вы услышите взрыв, – сказал он, – потому что приготовленная нами система взрыва посредством электричества повреждена снарядами и мне придется самому поджечь порох... Я не могу возложить эту обязанность на других... Командир судна должен, по закону, покинуть его последним... Прощайте, сударыня!»

– Какая благородная душа! – пробормотал молодой человек.

Она молчала со стесненным сердцем. Казалось, она снова переживала незабвенные минуты, когда, сидя среди ночи на хрупкой лодке, она ждала появления пламени, которое озарит гибель Мидуэя.

Какие мучительные минуты переживала она при мысли, что прах ее отца будет осквернен и что этот преданный человек только что покинул ее для того, чтобы обречь себя на такую трагическую смерть.

Бывают обстоятельства, когда люди, удовлетворяющие своим низменным инстинктам, кажутся ничтожными, но сколько величия и какую искру Божью они обнаруживают, когда проникнуты самоотвержением!

– Ах! Этот медленный, тяжелый, чудовищный взрыв! – сказала она чистым голосом. – Это пламя, казалось, унесло к небесам все души наших покойников... Море вздрогнуло и приподняло нашу лодку... Сопровождавшие меня люди в ужасе гребли, боясь привлечь внимание шумом мотора. Во мраке слышалось покачивание японских миноносцев, а главное – это ужасное одиночество, в котором я очутилась без вас... Морис! Какая ночь!

Если бы меня не поддерживала мысль о вас, – сказала она после новой паузы, – я послушалась бы моих проводников и вернулась в Мидуэй. Но я была уверена, что вы отыщете меня там, на этой скале, где спрятались и вы, и что для меня безопаснее ожидать вас там, так как японцы не замедлили бы высадиться на развалины крепости... Я убедила солдат везти меня сюда... Очень жаль, что мне не удалось убедить их остаться со мной... После их отъезда я провела ужасные часы, спрятавшись за извилиной скалы, изгнанная из моего убежища поднявшимся морским приливом, ожидая ежеми-

нутно увидеть высаживающихся японцев. Какая ночь!

Я прислушивалась все время к Мидуэю и надеялась только на вас... Я была уверена, что вы находитесь на одном из наших судов... И когда вы, Морис, действительно появились, я ждала вас. У любящих людей есть шестое чувство... Да, я ждала вас...

Он заключил ее в свои объятия, как бы защищая ее от самого воспоминания о пережитых ужасах, и передал ей в горячих словах бесконечное отчаяние, охватившее его, когда он не нашел ее в Мидуэе. Рассказал о своих поисках, призывах и упадке духа, в котором он находился до того момента, когда при нем упомянули об этой скале... Он напомнил Кэт ее замечание насчет работы инфузорий.

– Да, – сказала она, – так и нужно было понимать мои слова.

– У меня явилось предчувствие и затем уверенность, что вы находитесь там... Ах, мне кажется, что я вырвался из пропасти...

– И я здесь, около вас, среди лазури, как в тот день, когда вы улетели на вашей большой птице!

Они замолчали, прижавшись друг к другу в безмолвном счастье. Но в один из иллюминаторов рубки они увидели высокие трубы, мачты и позади скалистые стены.

Они подъехали к крепости. Командир Гезей, предуведомленный радиотелеграммой, ждал свою племянницу у трапа на «Колорадо».

Она бросилась в его объятия, и он долго прижимал ее к себе.

– Бедная Кэт! – говорил он. – Бедное дитя! Как ты бледна... И как изменилась... как давно я не видел тебя! Я оставил тебя беззаботной девочкой, а теперь ты – девушка, так много пережившая! Какое счастье, какое утешение для меня видеть тебя спасенной! Сколько горя перенесли все мы! Желает ли ты, чтобы я заменил тебе отца, мое бедное дитя?

Он говорил отрывочно, весь взволнованный, глядя на нее и восторгаясь ею.

Вместо ответа она снова обняла его. Затем, взяв Мориса Рембо за руку, она сказала:

– Вот мой жених, если вам угодно, дядя... Папа благословил наш брак перед... смертью...

– И я благословляю вас десять раз, моя дорогая! Господин Рембо, самый доблестный из всех встреченных мною до сих пор людей... Ему одному Америка обязана сохранением...

Но молодой человек медленно покачал головой.

– Нет, командир, – сказал он, – не обольщайтесь и не приписывайте бескорыстному героизму то, что было не более как выражением эгоистического чувства. Меня уже смутил адмирал, осыпая меня похвалами, совершенно незаслуженными. Мой длинный путь на аэроплане был моим путешествием к звезде, а моя звезда – это она...

По трапу поднялся гардемарин и, поклонившись девушке и отдав часть командиру, сказал:

– Работы по раскопке закончены. Можно пройти в главный каземат крепости.

– Вы видели... тело моего брата?

– Да, – сказал молодой офицер вполголоса. – Кажется, что он уснул... Взрывом его тело было сброшено с лафета, на котором он лежал; мы снова положили его на место...

– Велите принести флаг, – сказал командир, – комендант Мидуэя должен быть похоронен завернутым в американский флаг.

– Дядя, – сказала девушка, склоняясь к нему, – я желала бы, чтобы вышитый мной флаг, который развевался над крепостью, послужил для него саваном...

– Ты права, дитя мое... Он сам пожелал бы того же... – Затем он заявил твердым голосом, обращаясь к гардемарину: – Майор Гезей будет похоронен в крепостном знамени... Передайте всем судам приказ перевязать свои знамена, когда будет снят флаг с Мидуэя.

* * *

На низком лафете, со стальными станинами синеватого отлива, лежал майор Гезей в походной форме, с большим распятием на груди и прикрытый флагом Соединенных Штатов. Около распятия лежали два засохших цветка, перевязанные полинявшей лентой. Это были оба стебелька цикламена; снова соединенные вместе, они должны были симво-

лизировать в одно и то же время союз двух душ, узнавших друг друга здесь, и дань уважения тому, который благословил их...

Отец Кэт, сухой, костлявый и потерявший благодаря страшной открытой ране в грудь большую часть крови, почти не разложился. Его лицо цвета слоновой кости с жесткими седыми усами и закрытыми, окаймленными синевой глазами сохранило выражение строгости, еще усиливавшееся величием смерти на фоне окружавших его развалин.

Каземат, где был построен аэроплан, был весь в трещинах, с пошатнувшимися столбами, пустыми верстаками, неподвижными ремнями и безмолвными машинами, он производил впечатление развалин после землетрясения, а душа защитника Мидуэя, желавшего этого разрушения и распорядившегося об этом перед смертью, казалось, витала над этими развалинами.

Теперь в своем вечном сне он отдыхал от жизни воина, посвященной войне и пресеченной войной.

Капитан-командир и Морис Рембо оставили за собой право дежурить последнюю ночь у тела майора Гезея.

На рассвете его решили положить в гроб и после отдания последних почестей перенести на «Колорадо».

Им с трудом удалось убедить» Кэт после продолжительной молитвы у тела отца уснуть на несколько часов.

В два часа ночи она снова появилась в своем белом, единственном оставшемся после взрыва крепости платье для

принятия участия в печальной церемонии.

Когда она еще раз помолилась, командир взял руки молодых людей и, повернувшись к покойнику, сказал торжественным голосом:

– Брат мой, ты был гордостью нашей семьи, ты видишь оттуда всю глубину горя, испытываемого мной по причине твоей смерти – прощай! Во время этой разгорающейся войны, первой жертвой которой пал ты, я хочу следовать твоему примеру, и если мы соединимся с тобой в вечности, то в лице этих детей, благословляемых мной у твоего гроба, разрастется новая французская ветвь нашей семьи. Пока твоя душа присутствует еще здесь, благослови их, благослови твоего брата и его судно! Молись у Вечного Престола за французский народ, с которым готово сродниться наше дитя, молись за американский народ, среди которого живу я! Да выйдет он победителем из ниспосланного ему Вершителем всех судеб испытания!..

Затем он вложил в руку Мориса Рембо тонкую и дрожащую руку Кэт. Молодые люди преклонили колени, и он поочередно клал холодную руку главы семьи на их головы и, отдав ему прощальный поцелуй, вышел.

Когда он вернулся в полной парадной форме, то был уже не более как командиром дивизии передовой эскадры Тихоокеанского флота. Он ввел почетный караул из двух кадетов и двух моряков, которые должны были стоять на часах у тела, а священник с «Колорадо» совершил последние молит-

вы. Оставшиеся в живых обитатели Мидуэя должны были продефилировать перед своим бывшим начальником.

После этого был сразу прекращен шум при работах по раскопкам крепости и стук молотов, раздававшийся всю ночь для приведения к утру крепости в боевую готовность. И среди потрясающей тишины, нарушаемой рыданиями девушки, тело было положено механиками крейсера в свинцовый гроб и перенесено шестью артиллеристами на лодку, которая должна была доставить его на «Колорадо».

Отряды от всех экипажей выстроились шпалерами вдоль крытого пути, и новый перевязанный флаг развевался над Мидуэем.

В эту минуту два орудия, снова пущенные в ход, прогремели на верхушке крепости, среди ослепительных лучей восходящего солнца, а четыре крейсера дали в ответ залп из своих орудий.

Но когда были выпущены, предписанные уставом, 15 выстрелов, на востоке слышались через правильные промежутки времени отдаленные раскаты.

Орудия японских броненосцев из Гонолулу, явившихся для отнятия взятого неприятелем судна, почтили погребение скончавшегося воина отзвуком ожесточенного морского сражения и всесожжением, каким древние воины чтили своих умерших вождей.

Но ничего подобного не произошло, и когда горизонт покрылся дымом многочисленных судов, командир, извещен-

ный еще накануне по беспроволочному телеграфу, сообщил, что приближается сам адмирал Гопкинс.

Согласно точному приказу из Вашингтона, где решили немедленно отбить вероломную Японию, совершив нападение на ее берега, командующий морскими войсками Соединенных Штатов стал во главе эскадры и двух первых отрядов броненосцев и, сопровождаемый на расстоянии 12 часов шестью остальными броненосцами, присоединился к своему передовому отряду.

Он отправился в сопровождении нескольких офицеров своего штаба на миноносце «Быстром» на «Колорадо» и, встреченный командиром Гезеем, горячо поздравил его со смелым решением, которое, заставив его ускорить ход, привело к блестящей победе в прошлую ночь.

Затем, заметив освещенную часовню, куда был поставлен гроб, окружавший его караул, делегации офицеров, высадившиеся на берег для присутствия при церемонии, он сказал:

– Вы не успели явиться сюда для последнего прощания, дорогой Гезей...

– Нет, адмирал. Мой брат умер восемнадцатого, а мы могли добраться сюда только вчера вечером.

Адмирал сочувственно пожал его руку.

– Но вы прибыли вовремя для того, чтобы отомстить: вы исполнили благородно долг брата и моряка...

И, обнажив голову, адмирал поклонился праху.

Выпрямившись, он сказал вполголоса несколько слов од-

ному из своих адъютантов, передавшему бумагу, которую адмирал, в свою очередь, подал командиру.

– Вот две телеграммы, полученные вчера вечером по беспроводному телеграфу: они должны быть объявлены в приказе по эскадре. Но я счел нужным, чтобы вы ознакомились с ними первым, и для этого-то я и отправился к вам тотчас по прибытии.

Командир прочитал:

– «Президент Республики Соединенных Штатов шлет командиру Гезею поздравление правительства с блестящим и бесстрашным началом войны. Он просит возложить на гроб его брата, умершего за родину-Америку благородною смертью, как умерли многие из его предков, гражданский венок как дань уважения и скорби о нем. Похороны правительство принимает на свой счет, а дочь его, уважаемая всеми гражданами, получает из государственных средств ежегодную пенсию в две тысячи фунтов». Подписано: Секретарь морского штаба В. С. Рот.

Вторая телеграмма гласила следующее:

«Президент Соединенных Штатов посылает господину Рембо, французскому инженеру и авиатору, выражение горячей благодарности всего американского народа за совершенное им смелое путешествие, давшее отряду крейсеров возможность освободить Мидуэй и одержать победу. Отныне имя его будет связано с именами великих французов, когда-то сражавшихся за независимость Америки. Он просит

принять в виде национальной благодарности из средств государства сто тысяч фунтов. Около Сан-Франциско, на месте спуска 15 июня аэроплана будет поставлен памятник имени инженера Рембо».

Подписано: Секретарь военного штаба Бонапарт Уайз.

Командир горячо поблагодарил адмирала, прибавив, что после подобной награды он полон одним желанием получить возможность вполне заслужить ее. Он рассчитывает поэтому, что его начальник разрешит ему доверить тело брата одному из судов, возвращающихся в Сан-Франциско, и снова встать на «Колорадо», во главе разведчиков флота на пути его к западу.

– «Колорадо» будет исполнять ту же, так блестяще выполненную им обязанность, мой дорогой товарищ, – ответил любезно командир эскадры, – но вы не будете командовать им непосредственно, так как я должен вручить вам назначение вас контр-адмиралом. Так как вы будете командовать двумя отрядами крейсеров, то, если пожелаете, можете поставить ваш флаг на своем прежнем судне. Что касается останков вашего брата, – продолжал он, – то они будут перевезены в Сан-Франциско на снаряженном в путь пакетботе «Океания», который прибыл со мной и привез новый гарнизон для Мидуэя. Он уйдет, эскортируемый «Быстрым», тотчас после разгрузки. Теперь позвольте, дорогой адмирал, просить вас представить меня вашей племяннице и позвольте мне почтительнейше выразить ей мое соболезнование:

– Она находится в моей каюте, адмирал, и будет очень тронута вашим вниманием. Но позвольте мне раньше представить вам ее жениха!

И командир поискал глазами Мориса Рембо.

Он увидел его у борта крейсера с офицером из свиты адмирала Гопкинса, ведущим очень оживленный разговор. Он пригласил его подойти к адмиралу, удивление которого было очень велико, когда он узнал в представленном ему женихе самого авиатора.

– Какую приятную новость сообщили мне, мой дорогой инженер! – сказал он подходя к нему. – Ни один союз не мог бы доставить мне столько радости... Вся Америка будет довольна... Судьба, которая была так безжалостна к прелестной девушке, по-видимому, вознаградила ее за сделанное ей зло, назначив вас спутником ее жизни. Теперь я понял причину очень удивившей меня просьбы, когда вы выразили желание сесть на один из моих крейсеров и первым увидеть развевающийся над Мидуэем флаг... За этим флагом скрывался очень ценный товар, а я и не подозревал этого!..

– Я не мог сказать вам всю правду, адмирал, и вынужден был принять на себя незаслуженную похвалу моему бескорыстию.

– Я не беру ее назад, и теперь все, что вы совершили, удивительно, поразительно, и если бы я не отправлялся в противоположную сторону, то непременно присутствовал бы на вашей свадьбе в Сан-Франциско. Тем не менее на мою до-

лю выпало удовольствие представить вам в виде свадебного подарка вашей невесте выражение благодарности американского правительства.

И он прочитал сам обе телеграммы молодому французу, широко открывшему глаза от удивления, так как подобные награды не приняты во Франции.

Но молодой человек сейчас же повернулся и отыскивал офицера, с которым беседовал несколько минут тому назад. Взяв его за руку, он подвел его к командиру эскадры:

– Адмирал, вот мой товарищ во время путешествия от Мидуэя до Гило... Позвольте попросить вас...

– Я знаю Форстера, – прервал адмирал Гопкинс, улыбаясь. – Я послал за ним в Гило два миноносца, и у меня в кармане имеется приказ о его производстве в капитаны. Вы видите, я предусмотрел ваше желание. Мне кажется, что я предугадал и его желание, назначив его в мой штаб до тех пор, пока явится возможность предоставить ему командование одним из моих судов.

Оба молодых человека радостно кланялись.

Но лейтенант Форстер еле успел узнать от своего друга о некоторых подробностях части путешествия на аэроплане, совершенного без него, и еще меньше успел рассказать о своем пребывании на острове Гавайи.

Морису Рембо удалось только узнать, что, опасаясь быть захваченным японским миноносцем, блуждавшим вокруг острова, его друг взобрался на Мауна-Лоа и провел два

остальных дня на сахарном заводе в окрестностях Гило. Оттуда, наблюдая за морем, он увидел прибытие американских миноносцев.

Адмирал, откланявшись Кэт Гезей, должен был сейчас же вернуться на «Коннектикут», и он потребовал всех офицеров своего штаба для передачи приказов на все суда.

И друзья, едва только встретившись, вынуждены были расстаться – и надолго.

Они горячо попрощались. Увидятся ли они когда-нибудь? Эти пережитые вместе небывалые опасности, эти совершенно новые впечатления во время полета над Тихим океаном связали их тесными узами.

«Океания» должна была сняться с якоря в четыре часа, увозя с собой вместе с гробом майора Гезея, на который возложил дубовый венок начальник штаба эскадры, и оставшихся в живых защитников крепости.

Эти последние свершили свое дело, и другие посвящали себя теперь новому, развевающемуся там, на верхушке, знамени.

* * *

Стоя на мостике, командир, вице-адмирал Гезей отдавал честь останкам своего брата, когда крейсер «Океания» с перевязанным флагом прошел мимо «Колорадо».

Раздавшиеся с крейсера звуки трубы отдавали погибшему

на своем посту воину воинские почести, и орудия Мидуэя грянули в последний раз в его честь.

Кэт и Морис с печальным взором до тех пор делали прощальные знаки, пока, поворачивая на север, пакетбот не скрыл от них крейсера «Океания». Они продолжали стоять безмолвные, дрожащие от волнения и глубокого счастья одновременно, когда в нескольких ярдах от них их взорам открылся морской утес, весь покрытый пеной.

– Ах, Морис, вот наша скала... Странно, мы снова увидели ее... и так близко...

Она лихорадочно прижалась к нему.

Пакетбот замедлил ход. Остановив машину, он скользил, а командир, которого лейтенант Форстер просил доставить молодым людям удовольствие взглянуть в последний раз на скалу, стоя на возвышенном юте, любовался охватившим их волнением.

– Вот выступ скалы, из-за которого мы наблюдали за проходившим миноносцем, – указал он.

– Я тоже поднималась туда... Оттуда было видно только безбрежное море, и я призывала вас страстно...

– Там, у подножия скалы, есть углубление, где я нашел немного воды.

– Я видела это углубление и искала там воду. Она высохла, но осталось воспоминание о вас, и смерть не пугала меня.

– Ах, Кэт! Вы сохранили кинжал?

– Да! Вот он!

И, вынув из-за корсажа маленький кинжал, который должен был спасти ее от японцев, она бросила его в море.

– Как хороша жизнь! – сказала она растроганная...

Когда судно направилось к востоку, они услышали вдали какой-то гул и поспешили к корме.

Утес Мидуэя начинал скрываться среди синеватого тумана на горизонте, и на сверкающем пурпуре заката выделялись длинные багровые полосы.

Американский флот шел по направлению к Японии.

Второй раскат прокатился по воде.

Был ли это последний салют в честь покойного или первый орудийный выстрел в приближавшегося неприятеля?

Морис и Кэт не знали этого.

Но они чувствовали до глубины души, что в то время как тысячи людей бросились туда, в беспощадную борьбу, на запад, они спешили, пережив все страдания, на восток, к Франции, к счастью!